

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА**

Ю.В. Попков, В.Г. Костюк, В.Н. Тугужекова

**ЭТНОСЫ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ
(социологическая экспертиза)**

**Новосибирск
2003**

ББК 60.5
П57

Издается в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» по решению ученого совета Института философии и права СО РАН

Р е ц е н з е н т ы :

доктор философских наук *Т.О. Бажутина*
кандидат философских наук *С.Н. Еремин*
кандидат философских наук *Е.А. Ерохина*

Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н.

П57 **ЭТНОСЫ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ**
(Социологическая экспертиза). — Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. — 128 с.

ISBN 5-93089-019-6

На основе анализа динамики статистических показателей в экономической, социальной, демографической сферах жизни народов Сибири в 1991–2003 гг., социологических экспертных и массовых опросов в регионах Сибири исследуются социальные последствия рыночных реформ и отношение к ним населения народов Сибири.

Монография рассчитана на социологов, демографов, экономистов, политологов, работников органов управления и всех тех, кто озабочен судьбами народов России.

ISBN 5-93089-019-6

ББК 60.5

© Ю.В. Попков, 2003
© В.Г. Костюк, 2003
© В.Н. Тугужекова, 2003

*Реформы не должны попираť че-
ловеческую природу и противоре-
чить ее базовым инстинктам...*

Питирим Сорокин

ВВЕДЕНИЕ

В Российской Федерации Сибирский регион является своеобразной естественной моделью, в которой представлены основные составляющие специфики российского общества — экономические, политико-административные, социальные, культурные, этнические. Это место своеобразного сочетания элементов доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной экономических систем; присваивающего, пастушеского, в том числе оленеводческого, и земледельческого традиционных хозяйственных укладов в их отношении друг с другом и с современной индустрией; многовекового взаимодействия славянских, тюрко-монгольских и палеоазиатских народов; контактов христианства, мусульманства, буддизма и шаманизма; сочетания всех форм российского федерального устройства — республик, краев, областей, автономных округов. Сибирь не только представляет собой ресурсную и геополитическую доминанту России, но и олицетворяет ее цивилизационную евразийскую сущность. Поэтому социальные процессы в российском обществе, особенно в период таких резких трансформаций, как нынешние рыночные реформы, можно исследовать в данном регионе с наибольшей полнотой и репрезентативностью для всей страны.

Развивая идеи многолетних комплексных исследований проблем развития народов Сибири, осуществляемых Институтом философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФиПр СО РАН), сектор этносоциальных исследований этого института в 1998 г. приступил к реализации исследовательского проекта «Народы Евразии в условиях современных реформ». Он включает несколько последовательно осуществляемых программ. Экспертное социологическое обследование «Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг.» было реализовано в 1999 г. Аналогичные обследования по той же методике проведены в отношении эвенков — в Эвенкийском автономном округе (1999 г.), тувинцев — в Республике Тыва (2000 г.), бурят — в Республике Буря-

тия (2001 г.), алтайцев — в Республике Алтай (2001 г.). Предприняты также массовые социологические обследования по программе «Брак, семья, родители, дети» в Хакасии и Туве (по их результатам в настоящее время готовится к изданию отдельная монография) и массовые сравнительные социологические обследования по программе «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» в Хакасии (2002 г.), Туве (2002–2003 гг.), Республике Алтай (2003 г.).

Исследовательский проект реализуется совместно с сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (куратор — доктор исторических наук В.Н. Тугужекова), Тывинского государственного университета (куратор — доктор исторических наук З.Ю. Доржу), Института алтаистики им. С.С. Суразакова, (куратор — кандидат исторических наук Н.М. Екеева), Горно-Алтайского государственного университета (куратор — доктор исторических наук О.А. Гончарова).

Важной формой проверки и дополнения идей исследовательского проекта является международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». Он проводится с 1995 г. сектором этносоциальных исследований ИФиПр СО РАН в кооперации с научно-исследовательскими институтами, вузами и администрациями субъектов федерации, входящих в Сибирский регион. Семь его заседаний прошли в Новосибирске, Абакане, Кызыле, Красноярске, Улан-Удэ, Горно-Алтайске. В работе семинара участвуют исследователи из Сибири, других регионов России, а также Казахстана, Монголии, Канады, Великобритании, Германии, США. Основные идеи проекта, родившиеся в рамках данного семинара, постоянно развиваются, обогащаются результатами исследований участников семинара по другим проектам и находят отражение в тематическом сборнике «Этносоциальные процессы в Сибири», публикуемом по итогам работы семинара (к 2003 г. вышло из печати пять выпусков). Материалы семинара и тематического сборника дают обширное, хотя и мозаичное, представление об этносоциальных процессах в различных регионах современной Сибири, а выводы и рекомендации каждого семинара содержат обобщение существующих проблем и возможных способов их разрешения через управленческие воздействия, а также фокусируют внимание на наиболее актуальных темах исследований. Руководителем общего исследовательского проекта и международного семинара является доктор философских наук, профессор Ю.В. Попков.

Проводимые исследования стали основой для разработки нового исследовательского проекта «Современные этносоциальные процессы в Евразии: теория, методология, практика», который в настоящее время реализуется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Они являются также составной частью современного базового проекта сектора этносоциальных исследований «Этносоциальные процессы в Сибири в системе цивилизационных взаимодействий (социологический аспект)».

Настоящая монография обобщает часть результатов проведенных исследований. Конкретно она включает в себя анализ данных государственной статистики за 1991–2003 гг., касающихся развития отдельных регионов Сибири в сравнении с общероссийскими показателями, результатов экспертного опроса о положении и тенденциях развития титульных этносов национальных образований Сибири, а также массового репрезентативного выборочного опроса по анкете «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» в Республике Хакасия. Экспертное и массовое социологические исследования проведены под методолого-методическим руководством авторов настоящей работы.

Основная проблема исследования — этносоциальные и цивилизационные последствия трансформации образа жизни и системы ценностей народов Сибири в условиях современных рыночных реформ.

Объект исследования — этносы Сибири: хакасы, тувинцы, буряты, алтайцы, народы Севера, русские. Конкретно-социологические обследования охватывают прежде всего регионы Сибирского федерального округа.

Целью исследования являются анализ основных тенденций изменений, происходящих в наиболее значимых для жизни народов Сибири сферах в условиях реформационных воздействий в конце XX – начале XXI в., и экспертиза общественного мнения представителей разных этносов по поводу этих воздействий.

Основные задачи исследования:

- выявление последствий рыночных трансформаций в экономической, социальной и демографической сферах жизни народов;
- экспертная оценка характера изменений демографической, социальной, культурной, политической сторон жизни в годы современных рыночных реформ;

- выявление мнения экспертов о наиболее острых социальных проблемах в жизни этносов и способах разрешения этих проблем;
- экспертная оценка наиболее перспективных моделей этносоциального развития;
- выявление общественного мнения по поводу купли-продажи сельскохозяйственных и охотничьих угодий;
- определение наиболее значимых предложений по развитию родных языков и языка межнационального общения;
- выявление отношения населения к государственной власти и местному самоуправлению;
- определение этнического и цивилизационного компонентов в общественном мнении о российских реформах конца XX – начала XXI в.

Экспертный опрос проводился сотрудниками сектора этносоциальных исследований совместно с коллегами из регионов: в Республике Хакасия — с сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под руководством В.Н. Тугужековой; в Республике Тыва — с преподавателями и аспирантами Тывинского государственного университета под руководством З.Ю. Доржу. В Эвенкийском автономном округе опрос проводился сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФиПр СО РАН Ю.В. Попковым и А.М. Аблажеем, в Республике Алтай — преподавателями Горно-Алтайского университета и сотрудниками Института алтаистики им. С.С. Суразакова под руководством старшего научного сотрудника сектора этносоциальных исследований Д.В. Ушакова. В Республике Бурятия экспертный опрос был проведен сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ) СО РАН под руководством доктора философских наук Ю.Б. Рандалова.

Экспертами выступили работники органов власти и самоуправления, образования, науки, культуры, здравоохранения, предприниматели, специалисты материального производства и сферы услуг. Ставились задачи выявления и оценки наиболее значимых проблем в жизни этносов теми социальными слоями и группами, которые играют ключевую роль в проведении реформ в своих регионах, а также отработки методики последующих массовых опросов.

В Республике Хакасия по «Анкете эксперта» опрошено 218 экспертов (187 хакасов и 31 русский). В Республике Тыва аналогичный опрос проведен среди 148 экспертов (120 тувинцев и 28 русских),

в Республике Бурятия и Агинском Бурятском автономном округе опрошено 300 экспертов (256 бурят и 44 русских), в Республике Алтай — 49 экспертов (19 алтайцев и 30 русских), в Эвенкийском автономном округе — 64 эксперта (по 32 эвенка и русских). Экспертный опрос дополнялся фокусированным интервью с представителями органов власти, специалистами промышленности, сельского хозяйства, образования и других сфер.

Задача массового социологического обследования в Хакасии состояла в получении более детальной информации об изменении различных сторон жизни населения и трансформации общецивилизационных (евразийских) и этнически-специфических черт в менталитете хакасов и русских в процессе российских рыночных реформ.

Массовый опрос был проведен по районированной квотной выборке среди 843 респондентов (455 хакасов и 388 русских) в городах Абакан, Абаза, Саяногорск, Черногорск и 54 населенных пунктах 6 районов республики: Алтайского, Аскизского, Бейского, Таштыпского, Усть-Абаканского, Ширинского.

Социологические анкеты разработаны авторами данной монографии при участии Г.С. Гончаровой, З.Ю. Доржу, Д.В. Ушакова, В.С. Золототрубова.

В работе частично использованы материалы наших коллег по проекту — А.М. Аблажея и З.Ю. Доржу, за что мы им искренне благодарны.

Мы признательны работникам правительственных учреждений Республики Хакасия, Республики Тыва, Республики Алтай, администрации Эвенкийского АО за оказанную помощь в организации экспертных опросов, а сотрудникам Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Института алтаистики, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, преподавателям, аспирантам и студентам Тывинского и Горно-Алтайского государственных университетов за участие в проведении массовых опросов населения.

Авторы выражают благодарность также Е.В. Герман, Г.С. Гончаровой и В.Н. Гришаевой за подготовку и компьютерную обработку цифровых материалов обследований.

Глава 1

ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ СИБИРИ

Авторы не претендуют на всестороннее освещение результатов современных российских реформ во всем Сибирском регионе. Задача исследования намного скромнее: во-первых, на основе данных государственной статистики за 1991–2003 гг. показать динамику и выявить основные тенденции изменения некоторых важных показателей экономического, социального и демографического развития регионов проживания наиболее многочисленных этносов Сибири: русских, тувинцев, бурят, хакасов, алтайцев, а также малочисленных народов Севера (эвенков); во-вторых, на основе результатов социологических опросов, проведенных нами и другими исследователями в последние годы, обобщить мнения представителей данных народов о последствиях реформ.

К сожалению, за годы реформ органами государственной статистики практически к нулю сведен сбор данных в этническом разрезе, касающихся семейно-брачных отношений, здравоохранения, образования, занятости и т.п., а материалы последней Всероссийской переписи населения в рассматриваемом аспекте вряд ли будут опубликованы в ближайшие годы. Поэтому мы вынуждены оперировать главным образом данными статистики в региональном разрезе. Но и эта информация недостаточно полна и трудносопоставима во временном разрезе из-за часто меняющихся показателей. Поэтому для анализа были выбраны такие постоянные показатели, по которым можно построить динамические ряды за последние 10–12 лет и которые характеризуют существенные стороны жизни народов, совместно проживающих в Сибири.

Для сравнения взята информация по Новосибирской области, Республике Хакасия, Республике Тыва, Республике Бурятия, Республике Алтай, Эвенкийскому автономному округу на фоне Сибирского федерального округа и Российской Федерации в целом. В отдельных случаях для сравнения используются данные по другим регионам Сибири (Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия) и др.).

1. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

За годы рыночных преобразований в экономике регионов Сибири произошли существенные изменения в отношениях собственности, отраслевой структуре производства, в производстве различных товаров и услуг. Сложились элементы рыночной инфраструктуры. Но в целом в материальном производстве преобладали негативные тенденции: экономический спад в большинстве отраслей, деградация продвинутых в научно-техническом отношении производств, ослабление межотраслевых экономических связей, натурализация сельскохозяйственного производства, старение основных фондов. Одновременно произошло разрушение инфраструктуры нематериального производства. Это обусловило серьезные негативные изменения в социальной сфере, которые, собственно говоря, больше всего беспокоят население, поскольку человеку нужны не реформы как таковые, а их результаты, улучшающие жизнь.

Обобщенными показателями последствий современных реформ могут служить изменения валового внутреннего продукта (ВВП) по России в целом, а также индексов физического объема промышленного производства и продукции сельского хозяйства по регионам.

Несмотря на некоторое оживление в сфере материального производства в 1999–2002 гг., ВВП России в 2001 г. составлял только 69,4% от дореформенного 1990 г.¹, а в 2002 г. — 73,7%². Для сравнения: в США ВВП в 2002 г. составил 139% от уровня 1990 г., в Китае в 2000 г. — 262%³. Таким образом, если Россия за годы реформ потеряла как минимум четверть своего экономического потенциала, то США за этот период увеличили его на треть, а Китай — более чем в 2,5 раза. Белоруссии же, не проводившей радикальных реформ, практически удалось сохранить свой экономический потенциал (в 2001 г. он составил 92,3% от уровня 1990 г.), несмотря на разрыв экономических связей с Россией в начале 1990-х гг.

В промышленности и сельском хозяйстве России потери еще больше. Так, в 2002 г. индекс промышленного производства составил всего 61,8, а индекс физического объема продукции сельского хозяйства — 68,7 по отношению к 1990 г. (100). Для сравнения ука-

¹Россия в цифрах. 2002: Краткий статистический сборник. М., 2002. С. 384–385.

²Россия в цифрах. 2003: Краткий статистический сборник. М., 2003. С. 388.

³Там же.

жем, что в США эти показатели соответственно равны 142 и 119, в Китае — 492 и 172.

Отметим также следующую динамику: в дореформенный период индекс промышленного производства в Российской Федерации в 1971–1975 гг. возрастал в среднем на 7% к уровню предыдущего года, а в 1976–1990 гг. — на 3–4%. Падение индекса началось в 1991 г.: 1991 г. к 1990 г. — 92%, 1992 г. к 1991 г. — 82% и т.д.¹ Аналогичных данных по продукции сельского хозяйства в советский период в статсборниках нет. Что же касается реформенных 1991–2002 гг., то до 1999 г. имел место последовательный спад этого индекса и лишь с 1999 г. — рост: 1999 г. к 1998 г. — 104%, а в 2000–2001 гг. рост по 7,5% ежегодно².

По Сибирскому Федеральному округу³ данные индексы рассчитываются органами государственной статистики: по промышленному производству — с 2000 г., по сельскохозяйственному — с 1988 г. Соответственно индекс промышленного производства в округе составил в 2000 г. 109% от уровня 1999 г., в 2001 г. — 107% от 2000 г., в 2002 г. — 104% от 2001 г.⁴ Как видим, в последние годы имел место рост данного показателя, но темпы его от года к году снижались.

Сельскохозяйственное производство в России, особенно в Сибири, сильно зависит от погодных условий, поэтому индекс физического объема продукции сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе в разные годы испытывал значительные колебания: 1998 г. — 89,6% от уровня 1997 г., 1999 г. — 101,6% от 1998 г., 2000 г. — 112%

¹ *Российский* статистический ежегодник. 2001: Статистический сборник. М., 2001. С. 338–339.

² Там же. С. 396; *Российский* статистический ежегодник. 2002: Статистический сборник. М., 2002. С. 402.

³ Сибирский федеральный округ, включающий в себя Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую, Иркутскую (с Усть-Ордынским автономным округом) и Читинскую (с Агинским Бурятским автономным округом) области, Красноярский край (с Таймырским и Эвенкийским автономными округами), Республики Алтай, Бурятия, Тыву и Хакасию, занимает 29,9% территории Российской Федерации. На конец 2002 г. здесь проживало 20 064 тыс. чел. (13,8% населения России), в том числе в Новосибирской области — 2692 тыс. чел., в Республике Бурятия — 981 тыс., в Республике Хакасия — 546 тыс., в Республике Тыва — 305,5 тыс., в Республике Алтай — 203 тыс., в Эвенкийском АО — 17,7 тыс. чел. (*Социально-экономическое* положение Сибирского федерального округа в I квартале 2003 г. С. 8, 46).

⁴ *Сибирский* федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2002 г. Новосибирск, 2003. С. 6.

от 1999 г., 2001 г. — 108% от 2000 г., 2002 г. — 99% от 2001 г.¹ Надо иметь в виду, что 1999–2002 гг. были в Сибири урожайными, поэтому данный индекс рос, как и в России в целом. Однако некоторый рост физического объема сельскохозяйственного производства в России (а также в Сибири) за последние 3–4 года пока не смог компенсировать того глубокого спада, который произошел в этой отрасли на «радикальном» этапе рыночных реформ в 1991–1998 гг.

Динамика индекса промышленного производства в рассматриваемых нами регионах Сибири за 1991–2002 гг.² показана на рис. 1.

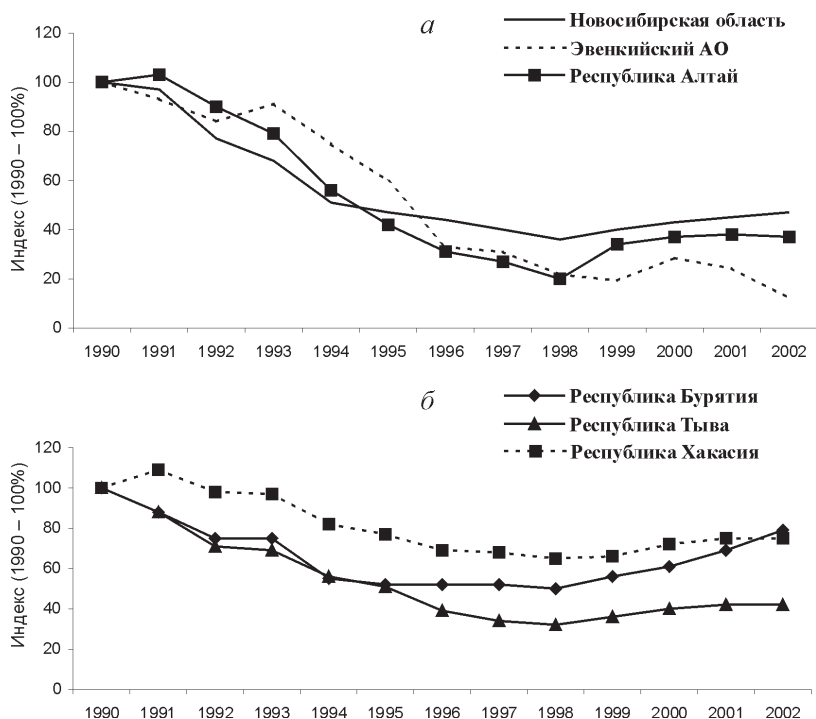

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в регионах Сибири в 1991–2002 гг.

¹ *Сибирский* федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2002 г. С. 7.

² Рассчитано по: *Сибирский* федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2001 г. Новосибирск, 2002. С. 21, 24, 27, 30, 42; *Сибирский* федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2002 г. С. 24–31, 38–39.

Как видим, в 1991–1998 гг. в промышленности сибирских регионов происходил глубокий спад, причем наиболее существенный — в Эвенкии и Республике Алтай: здесь к году российского дефолта индекс промышленного производства составлял лишь пятую часть от уровня дореформенного 1990 г. Менее всего (на треть) он понизился в Хакасии, что обусловлено спецификой отраслевой структуры промышленности в этой республике, где велика доля электроэнергетики (Саяно-Шушенская ГЭС) и алюминиевой промышленности, ориентированной на экспорт продукции. Эти отрасли работали относительно стабильно. В последние годы в Сибири, судя по росту данного индекса, наблюдается некоторое оживление промышленного производства, но в Эвенкийском АО, Республике Тыва, Новосибирской области, Республике Алтай этот процесс идет вяло и нестабильно.

Для сравнения отметим, что в дореформенные 1971–1990 гг. промышленное производство в регионах Сибири неуклонно возросло: в 1986–1990 гг. в Хакасии — в среднем на 6% ежегодно, в Туве — на 4%, в Новосибирской области — на 3% и т.д.¹

Сельскохозяйственное производство в сибирских регионах за годы реформ тоже испытало спад, продолжавшийся в некоторых из них (Эвенкия, Тува, Бурятия, Хакасия) до 2002 г. (см. динамику индекса физического объема продукции сельского хозяйства на рис. 2). Самый глубокий спад сельскохозяйственного производства произошел в Эвенкии, где от дореформенного потенциала осталась всего седьмая часть. В Туве, Хакасии и Бурятии индекс сельскохозяйственного производства составлял в 2002 г. лишь половину своего значения в 1990 г. Только в Новосибирской области в 1999–2002 гг. этот индекс заметно рос, что было связано с хорошими погодными условиями и высокими урожаями. Однако и здесь он составил в 2002 г. только 80% от уровня 1990 г.

В промышленности и сельском хозяйстве сибирских регионов, как и в России в целом, за годы реформ не только произошел существенный спад производства, но и изменилась отраслевая структура. В промышленности возрос удельный вес топливной отрасли, цветной металлургии, но существенно снизился — легкой, радиоэлектронной промышленности, промышленности строительных материалов. Так, если в 1993 г. предприятия легкой промышленно-

¹*Российский* статистический ежегодник. 2001. С. 338–339.

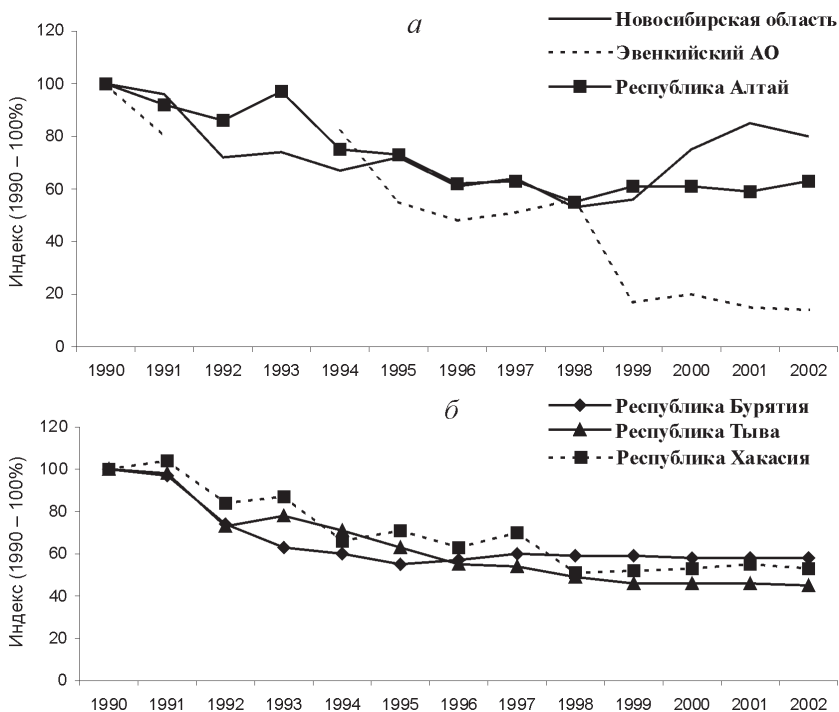

Рис. 2. Динамика индекса физического объема продукции сельского хозяйства в регионах Сибири в 1991–2002 гг.

сти Республики Алтай произвели 30,4% стоимости всей промышленной продукции, то в 2000 г. — только 5,8%, т.е. в 5 с лишним раз меньше. В Республике Хакасия — соответственно 10,2 и 3,1%. По промышленности стройматериалов соответствующие показатели таковы: в Республике Хакасия — 5,5 и 2,8%, в Республике Тыва — 9,5 и 3,5%. Удельный вес цветной металлургии в промышленности Хакасии за эти годы вырос с 38,3 до 53,7%, а в промышленности Республики Алтай — с 8,5 до 24,6%¹.

Структурные изменения такого рода означают переориентацию промышленности на внешний рынок в ущерб внутреннему, снижение производства важных для населения товаров — одежды, строй-

¹Российский статистический ежегодник. 2001. С. 340–341; Российский статистический ежегодник. 1994. С. 616–620.

материалов и т.п. Например, если в 1991 г. в Республике Хакасия было произведено 677 тыс. м³ пиломатериалов, то в 2001 г. — 50 тыс. м³. По стеновым материалам (в условных кирпичачах) соответствующие данные таковы: 228 млн и 49 млн кирпичей. Отсюда и показатели по вводу в эксплуатацию жилья: 1991 г. — 226 тыс. м², 2001 г. — 65 тыс. м², хотя, конечно, строительство жилья зависит не только от наличия стройматериалов. Аналогичная картина по вводу жилья и в других регионах Сибири: в Республике Тыва — соответственно 117 и 34 тыс. м², Республике Алтай — 76 и 12,5 тыс. м², в Эвенкийском автономном округе — 10 и 1 тыс. м² общей площади¹.

В производстве сельскохозяйственной продукции в сибирских регионах, как и в России в целом, за годы реформ уменьшался удельный вес сельхозпредприятий и возрастал — домохозяйств населения. При этом роль крестьянских (фермерских) хозяйств оставалась весьма незначительной. Если в 1993 г. сельхозпредприятия Сибирского федерального округа в стоимостном выражении произвели 55% всей сельскохозяйственной продукции, то в 2000 г. — только 41%. Данные по домохозяйствам были равны соответственно 42 и 56%, по фермерским хозяйствам — 3,0 и 3,5%. В Республике Тыва на долю домохозяйств в 2000 г. приходился 81% продукции, в Республике Алтай — 70%, в Республике Хакасия — 64%. В Туве и Республике Алтай фермеры произвели 7–8% продукции сельского хозяйства². Налицо ярко выраженная тенденция к натурализации сельскохозяйственного производства.

Важно подчеркнуть, что произошедшие за годы реформ реорганизация колхозов и совхозов, а также натурализация сельскохозяйственного производства вовсе не означали роста объемов производства продукции и повышения его эффективности за счет смены форм собственности. Наоборот: эффективность производства в целом снизилась. Сравнение официальных данных за 1991 и 2001 гг. дает следующую картину: производство зерна в хозяйствах всех категорий в Хакасии составляло соответственно 391 и 150 тыс. т; производство молока в Хакасии — 211 и 125 тыс. т, в Туве — 70 и 45 тыс. т, в Республике Алтай — 87 и 57 тыс. т; производство мяса в Хакасии — 43 и 11 тыс. т, в Туве — 7,4 и 0,2, в Республике Ал-

¹Сибирский федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2001 г. С. 21, 28, 31, 43.

²Российский статистический ежегодник. 2001. С. 398–400.

тай — 4,2 и 0,7 тыс. т¹. Таким образом, в 1990-е гг. произошло многократное падение производства основных продуктов питания.

Рожденные рыночными преобразованиями частнособственнические формы хозяйствования — малые предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства — развивались медленно. Их удельный вес в производстве продукции и занятости населения в Сибири невелик. Соответствующие данные по малым предприятиям² приведены в табл. 1.

Таблица 1

Малые предприятия в регионах Сибири, январь 2002 г.

Регион	Число малых предприятий, тыс.	Среднесписочная численность работников, тыс. чел.
Новосибирская обл.	23,7	118,3
Республика Алтай	0,9	7,7
Республика Бурятия	4,0	18,3
Республика Тыва	0,6	2,4
Республика Хакасия	1,5	23,9
Эвенкийский АО	0,0	0,1

На малых предприятиях трудоустроено не более 10–15% всех занятых в экономике региона. В 2002 г. в Республике Алтай было 1305 фермерских хозяйств, в Республике Бурятия — 2623, в Республике Тыва — 1048, в Республике Хакасия — 1297, в Эвенкийском АО — 14. Средние размеры земельных участков составляют 40–50 га в Бурятии, Хакасии и Эвенкии, 100 га — в Туве и 200 га — в Республике Алтай³. Как уже отмечалось, в каждом из данных регионов на долю фермеров приходилось в последние годы максимум 7–8% ежегодного производства всей сельскохозяйственной продукции.

Важной тенденцией в 1990-е гг. было заметное перераспределение занятого населения между производственной и непроизводственной сферами: уменьшение доли работающих в производственных отраслях (промышленность, строительство, сельское хозяйство) и рост доли

¹Сибирский федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2001 г. С. 21, 27–28, 30.

²Российский статистический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 320.

³Там же. С. 330.

занятых в непроизводственных (сфера услуг, органы управления и правопорядка, образование, здравоохранение, финансовые, страховые учреждения и др.). Для примера возьмем Республику Тыва. Если в 1990 г. в промышленности здесь работало 13% всех занятых в экономике, то в 2000 г. — 8,6%, в строительстве — соответственно 13,7 и 4,3%, в сельском и лесном хозяйстве — 21,1 и 16,9%, на транспорте и в связи — 6,6 и 5,3%. В то же время в органах управления — соответственно 2,9 и 9,2%, в здравоохранении, соцобеспечении — 8,0 и 11,8%, в образовании, культуре, искусстве — 19,0 и 25,9%¹. Удельный вес занятых в отраслях материального производства за 1991–2000 гг. уменьшился с 54 до 35%. При этом существенно деградировали сами эти отрасли, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

**Производство важнейших видов промышленной продукции
в Республике Тыва²**

Вид продукции	1990 г.	2000 г.	2000 г. в % к 1990 г.
Каменный уголь, тыс. т	1068	523	49
Асбест сортовой, тыс. т	135	2,2	1,6
Кирпич, млн шт.	45,3	1,2	2,6
Пиломатериалы, тыс. м ³	156,4	8,9	5,7
Трикотажные изделия, шт.	45,5	0,1	0,2
Обувь кожаная, тыс. пар	68	0,1	0,15
Мясо и субпродукты, тыс. т	10,1	0,5	5,0
Цельномолочная продукция, тыс. т	28,1	2,0	7,0
Колбасные изделия, т	2146	31	1,4

В 2000 г. в Туве общий объем продукции топливной промышленности уменьшился по сравнению с 1990 г. в 2,4 раза, машиностроения и металлообработки — в 10,3, лесной и деревообрабатывающей промышленности — в 11,4, промышленности строительных материалов — в 10,9, легкой промышленности — в 5,7, пищевой промышленности — в 5,7 раза³.

¹Тыва за 80 лет: Юбилейный статистический сборник. Кызыл, 2001. С. 34.

²Там же. С. 49.

³Там же. С. 50.

В других национальных районах Сибири разруха в период реформ была не столь сильной, как в Туве, но общие тенденции перемены качественно такие же.

Если говорить о малочисленных народах Севера, то обобщающую картину влияния на их жизнедеятельность российских рыночных реформ дает директор Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) В.А. Роббек. «Все тридцать коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, — отмечает он, — с 1990 г. на всех своих съездах выдвигают свои отчаянные требования ко всем органам власти РФ, ко всем здравомыслящим людям планеты помочь в их борьбе за выживание как уникальных этносов, воссоздать традиционный уклад жизни, развивать национальные традиции, язык и культуру... Нынешний бесконтрольный разгул “рыночной” стихии, спекуляции и растаскивания национального богатства во многом усугубляют и без того бедственное положение северных территорий и состояние коренных малочисленных народов Севера... Во всех селах проживания коренных малочисленных народов Севера идет процесс омертвления былой жизни...»¹

Другой известный ученый, сотрудник этого же института, Ф.С. Донской конкретизирует данные обобщения: «В результате проведения реформ без учета особенностей ведения традиционных отраслей и образа жизни аборигенного населения повсеместно на севере страны произошел глубокий спад производства. Так, поголовье домашних оленей в 1990–2000 гг. сократилось на 46%, крупного рогатого скота — на 58,2%, свиней — в 8,6 раза. Соответственно допущено снижение производства продукции: мяса в живом весе — в 2,2 раза, мяса оленей — в 3,7 раза, мяса птицы — в 1,8 раза, молока — в 1,6 раза. Дегradировало и клеточное звероводство: численность лисиц сократилась в 3,3 раза, песцов — в 5,5 раза, норки — в 17,5 раз. Пришли в упадок и промысловые отрасли — охота и рыболовство. В итоге в основных отраслях производства коренных малочисленных народов Севера тысячи бывших оленеводов, охотников, рыбаков, работников животноводства потеряли рабочие места, остались без средств к существованию, а отрасли потеряли опытных работников»². В 2000 г. по сравнению с 1990 г. общая числен-

¹Роббек В.А. Североведение в поисках путей сохранения и развития народов Севера // Проблемы Крайнего Севера Якутии: Состояние и пути решения. Якутск, 2001. С. 11.

²Донской Ф.С. Социальное государство и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы и перспективы. Якутск, 2002. С. 11.

ность занятого аборигенного населения сократилась на 28,4%, в т.ч. в сельском и промысловом хозяйстве — на 56,1%, в промышленно-сти — на 58,8%, в строительстве — на 74,2%, в лесном хозяйстве — на 57,3%. «Таким образом, — заключает Ф. С. Донской, — коренное население в своем абсолютном большинстве по существу оказалось отторгнутым от материального производства»¹. Определенное увеличение занятости аборигенов в непроектных отраслях — образовании, здравоохранении, культуре, управлении, жилищно-коммунальном хозяйстве — не компенсировало резкого снижения занятости в отраслях материального производства, и «в национальных селах Севера не имели рабочего места от 40 до 80% экономически активного населения»². Подавляющая часть из них не имела официального статуса безработных и соответственно не получала пособий. Так, например, в Среднеколымском улусе Республики Саха (Якутия) в 1998 г. не имели работы 1502 представителя малочисленных народов Севера (33,2% экономически активного населения), а получали пособия всего 52 чел.³ Подобную картину фиксируют исследователи и в других регионах России: В.М. Куриков, Н.П. Мартынова и Е.А. Пивнева — в Ханты-Мансийском АО⁴, В.Н. Нувано — в Чукотском АО⁵, И.В. Рассадин — у тофаларов Иркутской области⁶ и др. Все они приходят к выводу о проблематичности (или даже невозможности) перевода традиционного хозяйства на рыночные отношения в силу его экономической, социальной и этнокультурной специфики.

Как отмечают специалисты-североведы, разрушение предприятий коллективной и государственной форм собственности и увле-

¹Донской Ф.С. Социальное государство... С. 16.

²Там же. С. 17.

³Донской Ф.С. Проблемы агропромышленного комплекса районов проживания коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации // Проблемы Крайнего Севера Якутии: Состояние и пути решения. С. 40.

⁴Куриков В.М. Экономика северных этносов: Базис и независимость. Томск, 1999; Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное хозяйство обских угров и рынок: Возможности сосуществования // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 122–127.

⁵Нувано В.Н. Влияние рыночных реформ на оленеводство Чукотского автономного округа: Социальные последствия, способы оптимизации // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2001. С. 114–118.

⁶Рассадин И.В. Современная социально-экономическая ситуация у тофаларов // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. С. 130–133.

чение созданием фермерских хозяйств и маломощных мелких общин в годы рыночных преобразований «подорвали основы продовольственной безопасности районов проживания коренных малочисленных народов Севера и Сибири»¹.

Создание в 1990-е гг. родовых кочевых общин оленеводов и наделение их охотничьими угодьями не решило экономических и социальных проблем народов Севера. Ярким примером нынешнего состояния этих «рыночных» форм традиционного хозяйства аборигенов Севера может служить «Обращение оленеводов родовой кочевой общины “Нубаликич” с Березовка Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия) к правительственным органам, МЧС России, Ассоциации коренных народов». «Катастрофа в оленеводстве, ставшая очевидной в последние десятилетия... — говорится в “Обращении”, — выразилась в мгновенном исчезновении сотен тысяч домашних оленей... Кочевые общины больше не обеспечиваются вездеходами, тракторами и вертолетами, как это было раньше. Все это, вместе взятое, т.е. слабое присутствие техники и человека, привело к резкому увеличению волчьих стай и их возрастающей агрессивности... Мы наблюдаем меняющееся поведение волков, которые все меньше опасаются ослабленного человека... Из наших палаток мы, подобно экипажу тонущего судна, посылаем этот сигнал SOS!»².

Этот сигнал, судя по публикациям североведов, посылают правительству России в нынешних условиях все коренные малочисленные народы Севера.

Конечно, жизнь продолжается и в таких условиях. В отдельных регионах, особенно в нефтегазовых и алмазодобывающих провинциях России (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха), небольшая часть доходов от этих отраслей перепадает местным бюджетам и достается представителям аборигенов в виде пособий или вкладов в объекты социальной инфраструктуры (школы, больницы, клубы и т.п.), а также создания различных фондов. Но это не меняет общей картины экономической деградации традиционных отраслей народов Севера и социального упадка районов их проживания, несмотря на предпринимаемые местными вла-

¹Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы возрождения и развития духовной культуры коренных малочисленных народов Севера // Духовная культура народов Севера и Арктики в начале третьего тысячелетия: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 19–24 авг. 2002 г. Якутск, 2002. С 17.

²Проблемы Крайнего Севера Якутии: Состояние и пути решения. С. 123–124.

стями и этническими элитами попытки исправить положение. Кроме того, в районах, где развиты добывающие отрасли промышленности, ухудшается экологическая обстановка, усиливается деградация природной среды обитания аборигенов Сибири, обостряется жилищная проблема¹.

При существенном спаде производства трудоспособное население национальных районов Сибири ради выживания в 1990-е гг. перемещалось в непроизводственные отрасли, домашнее хозяйство, торговлю или становилось безработными и жило на пособия по безработице. Соответственно уменьшались поступления в местные бюджеты за счет местного производства и регионы становились дотационными, компенсируя недостающие бюджетные средства за счет так называемых регионов-доноров, имеющих в основном экспортно-сырьевую ориентацию экономики (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, Красноярского края и др.).

За годы реформ в Сибири удалось сохранить, а в ряде регионов даже увеличить численность работников непроизводственной сферы — здравоохранения (врачей, медсестер), образования, культуры. Существенно возросло число студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений. Так, в 2000 г. в Республике Тыва численность студентов государственных вузов составила 4030 чел. (в 1990 г. — 2869)², в Республике Алтай — соответственно 5796 и 2729 чел.³ Аналогичная картина была и в других регионах Сибири. Однако надо иметь в виду, что после окончания высших, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений большинство юношей и девушек сталкиваются с проблемой трудоустройства, вынуждены работать не по профессии либо переучиваться, пополнять армию безработных и временно работающих, становиться домохозяйками, теряя при этом свой образовательный потенциал.

На основе проведенного анализа можно сделать обобщающий вывод о том, что в годы реформ в экономике Сибири преобладали негативные тенденции существенного спада в отраслях материального производства при некотором оживлении отдельных направле-

¹Титаренко Н.А. Проблемы обеспечения жильем малочисленных коренных народов Севера // Северный регион: Наука, образование, культура. 2000. № 2. С. 162.

²Тыва за 80 лет: Юбилейный статистический сборник. 2001. С. 20.

³Республика Алтай в 2001 году: Статистический ежегодник. Горно-Алтайск, 2002. С. 155.

ний в нематериальной сфере. С 1999 г. наблюдается слабый подъем производства материальной продукции.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

Резкий спад производства при деградации его материально-технической базы в годы рыночных преобразований обусловил существенное уменьшение численности занятых, появление и рост безработицы. Так, если в 1992 г. в Республике Хакасия было 9,4 тыс. безработных, то в 2002 г. уже 35,9 тыс. (каждый седьмой среди экономически активного населения), в Республике Тыва в 2002 г. было 28,3 тыс. безработных (каждый четвертый из экономически активного населения), в Республике Алтай — 8,4 тыс. (каждый пятый), в Республике Бурятия — 73,9 тыс., в Эвенкийском АО — 0,6 тыс. чел. (7% от численности экономически активного населения), в Новосибирской области — 173,8 тыс. чел.¹ Самый высокий уровень общей безработицы в Сибирском федеральном округе, по данным на 1 сентября 2001 г., был в Бурятии и Туве (каждый пятый из экономически активного населения). По Сибирскому федеральному округу в целом без работы был каждый восьмой². Официально зарегистрированных безработных в несколько раз меньше. Так, в Бурятии в сентябре 2001 г. при общей численности безработных в 100,8 тыс. чел. официально зарегистрированных было всего 9,7 тыс., в Новосибирской области — соответственно 189,0 и 12,1 тыс., в Хакасии — 34,9 и 6,6 тыс., в Туве — 26,4 и 6,5 тыс. чел.³ Это означает, что пособия по безработице получала только незначительная часть не имеющих постоянного заработка. На самом же деле численность безработных выше фиксируемой органами государственной статистики, так как многие пытаются трудоустроиться самостоятельно или уходят в «теневую» экономику. Сельские жители, чтобы выжить, «закапываются в огороды», переходят на занятия охотой, рыболовством, сбором дикоросов и т.п., не обращаясь в центры занятости населения.

Вполне понятно, что в условиях спада производства реальная заработная плата работающих существенно снизилась. В 1999 г. ее

¹ *Сибирский* федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2002 г. С. 24, 26, 28, 30, 38, 46.

² *Социально-экономическое* положение регионов Сибирского федерального округа в январе – сентябре 2001 г. Горно-Алтайск, 2001. С. 38.

³ Там же.

средний уровень в России составлял всего 35% от дореформенного 1990 г.¹ Аналогичными данными по регионам Сибири мы не располагаем, но вряд ли они качественно иные, чем по России в целом. Можно только предположить, что в национальных автономиях, где выше процент сельского населения, средний уровень зарплаты которого ниже, чем у городских жителей, данный показатель еще меньше 35%. Это подтверждают также данные о среднемесячной начисленной зарплате в регионах Сибири. Например, в I квартале 2003 г. самый низкий уровень ее был в сельскохозяйственных областях Сибири: Республике Алтай — 3186 руб. и Республике Тыва — 3877 руб. В более урбанизированных регионах показатели выше: Красноярский край — 4802 руб., Республика Хакасия — 4575 руб., Новосибирская область — 4145 руб., Республика Бурятия — 4377 руб. Максимальный уровень заработной платы был в Таймырском АО — 11 910 руб., что обусловлено главным образом высокими доходами работников Норильского никелевого комбината². Поскольку аборигены Сибири — алтайцы, тувинцы и др. — в основной своей массе проживают в сельской местности и заняты преимущественно в сельском хозяйстве и бюджетных, наименее оплачиваемых, отраслях — образовании, здравоохранении, культуре, то можно допустить, что в пределах этих среднемесячных зарплат они занимают нижнюю часть шкалы. Косвенным подтверждением этого вывода могут служить данные о доле населения (от общей численности), имеющего доходы ниже величины установленного прожиточного минимума. Если по России в целом таковых было в 1999 г. 29,9%, в Москве — 23,3%, Ханты-Мансийском АО («сибирском Кувейте») — 15,6%, то в Агинском Бурятском АО — 96,8, Туве — 78,6, Республике Алтай — 61,0, Бурятии — 50,5, Хакасии — 45,0%³. При этом в силу значительной межотраслевой дифференциации в оплате труда в самом худшем положении, как показывают данные статистики, оказываются работники сельского и лесного хозяйства, культуры, образования, науки, здравоохранения, чья зарплата ниже среднего уровня по тому или иному региону. Подтвердим это на примере Хакасии. В ноябре 2002 г. при средней начислен-

¹Россия и страны мира: Статистический сборник. М., 2000. С. 67.

²Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа в I квартале 2003 г. М., 2003. С. 54.

³Российский статистический ежегодник. 2000. С. 164.

ной заработной плате в 4469 руб. по всей республике самой высокой она была у работников финансовых, кредитных, страховых и пенсионных организаций — 10 677 руб., цветной металлургии — 10 397 руб. и управления — 7598 руб., а минимальной — у работников сельского хозяйства — 1770 руб., легкой промышленности — 2244 руб., лесного хозяйства — 2284 руб., культуры и искусства — 2354 руб., машиностроения — 2751 руб., образования — 2902 руб.¹

Установленная величина прожиточного минимума по России в этот период — IV квартал 2002 г. — равнялась 1893 руб. для всего населения (в том числе 2065 руб. — для трудоспособного, 1432 руб. — для пенсионеров)². Таким образом, средняя зарплата работников сельского хозяйства Хакасии была ниже прожиточного минимума для работоспособных, а работников лесного хозяйства, образования, культуры, искусства, легкой промышленности, машиностроения — на уровне этого минимума. В целом же по республике в III квартале 2002 г. численность населения, имеющего среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума, составила 169,7 тыс. чел., или 29,5% всего населения³. Что представляет собой прожиточный минимум? В Хакасии в III квартале 2002 г. это был минимальный набор продуктов питания на человека в месяц стоимостью 812 руб., непродовольственных товаров — 490 руб., услуг — 451 руб., расходов по обязательным платежам и сборам — 99 руб.⁴ Чтобы оценить существующий уровень жизни, укажем некоторые цены в Хакасии того времени: 1 кг говядины — 80 руб., масла сливочного — 90 руб., масла подсолнечного — 40 руб., сахара — 20 руб., хлеба — 16 руб., картофеля — 6 руб., 1 л молока — 12 руб. Зимние женские сапоги стоили примерно 1400 руб., полуботинки — 650 руб.⁵ Таким образом, прожиточный минимум с трудом обеспечивал выживание человека, особенно в городе. Это существование на уровне нищеты.

¹ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе — декабре 2002 г. Абакан, 2003. С. 135–137.

² Россия в цифрах. 2003. С. 107.

³ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе — декабре 2002 г. С. 143.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. С. 82–84.

Поскольку Хакасия — не самый бедный по доходам населения район Сибири, то вполне справедливо допустить, что в других, менее богатых регионах положение с доходами и жизненным уровнем населения еще более удручающее.

Следует учесть, что за усредненными данными о денежных доходах населения скрывается сильная дифференциация. Например, в III квартале 2002 г. 10% наиболее обеспеченных граждан в Хакасии аккумулировали четверть (25,5%) общего объема денежных доходов населения, в то время как 10% наименее обеспеченных — лишь 2,7%, т.е. соотношение децильных групп составляло 9:1¹.

В годы реформ появилась новая негативная тенденция, не имевшая места в дореформенный период, — задержки с выплатой зарплаты и неполнота соответствующих выплат, которые получили повсеместное распространение. Это также оказало влияние на ухудшение социального положения населения.

В пореформенные годы уровень жизни основной массы населения Сибири снизился не только из-за уменьшения денежных доходов, но и вследствие роста доли расходов на оплату жилья и коммунальных, а также транспортных, медицинских и образовательных услуг. Например, в 2002 г. в Хакасии установленная максимально допустимая доля собственных расходов граждан на оплату жилья и коммунальных услуг составляла 22% совокупного семейного дохода, и лишь при большей ее величине семьи получали субсидии на оплату этих услуг, составлявшие в среднем 220 руб. на семью².

О снижении жизненного уровня населения за годы реформ можно также судить по негативной динамике покупательной способности граждан (табл. 3)³.

Можно предполагать, что в Сибири картина вряд ли была лучше, чем по России в целом.

В условиях экономического и социального кризиса, вызванного реформами, усилились социальные аномалии — алкоголизм, преступность, суицид, психические расстройства, распад семей и т.п.

¹Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе — декабре 2002 г. С. 140.

²Там же. С. 176.

³Российский статистический ежегодник. 2001. С. 184.

Таблица 3

Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения России, в месяц

Продукты питания	1990 г.	2000 г.	1990 г. к 2000 г., раз
Говядина, кг	68,0	38,1	1,8
Молоко, л	717,0	298,0	2,4
Яйца, шт.	1955,0	1626,0	1,2
Рыба свежая, кг	205,0	72,4	3,0
Сахар-песок, кг	239,0	178,0	1,3
Масло животное, кг	61,4	33,9	1,8
Масло растительное, кг	126,0	93,0	1,4
Хлеб, кг	551,0	217,0	2,5

Если в 1991 г. в России потребление алкогольных напитков составляло 5,3 л абсолютного алкоголя на душу населения в год, то в 1999 г. оно возросло до 7,6 л¹. Для сравнения отметим, что потребление мяса за этот период уменьшилось с 63 до 41 кг на душу населения².

По регионам Сибири сопоставимые данные по потреблению алкогольных напитков в динамике собрать крайне трудно, поэтому ограничимся отдельными примерами. В Республике Алтай розничная продажа алкогольных напитков в 1990 г. составляла 4,3 л абсолютного алкоголя на душу населения, в 1999 г. — 4,02 л³, т.е., судя по продажам, потребление алкоголя в эти годы оставалось стабильным, на уровне 4 л на душу населения в год. В Республике Хакасия в 2002 г. было продано 5209 тыс. л алкогольных напитков и пива (в абсолютном алкоголе), т.е. 9,7 л на душу населения в год, и по сравнению с 2001 г. продажа возросла на 2,9%⁴.

¹Россия и страны мира. С. 86.

²Там же. С. 78.

³Аналитические записки Госкомстата Республики Алтай, подготовленные в 2000 году. Горно-Алтайск, 2001. С. 72.

⁴Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе — декабре 2002 г. С. 52.

В 1992 г. в Российской Федерации было выявлено 1 млн 149 тыс. лиц, совершивших преступления. В 2001 г. — 1 млн 644 тыс. чел., т.е. произошел рост почти в полтора раза. При этом состав преступников значительно помолодел: в возрасте 18–24 лет в 1992 г. их было 252 тыс., в 2001 г. — 441 тыс., т.е. в 1,8 раза больше¹. Более чем в 2 раза по сравнению с 1990 г. возросло и число осужденной молодежи в возрасте до 30 лет: с 311,5 тыс. чел. до 729,9 тыс. чел. (в том числе за кражи — почти в 5 раз — с 72,7 до 350 тыс. чел.)².

В регионах Сибири тенденции аналогичны. Если в 1991 г. в Республике Алтай было зарегистрировано 1525 преступлений на 100 тыс. населения, то в 2000 г. — 2558, в 2001 г. — 2295, в Республике Бурятия — соответственно 1828, 3015 и 3098, в Республике Хакасия — 1740, 2323 и 2125, в Республике Тыва — 3201, 2540 и 2851³. В первом полугодии 2003 г. Республика Тыва была в числе лидеров по этому показателю — 1462 преступления на 100 тыс. чел. населения, уступая лишь Хабаровскому краю и Еврейской АО⁴. Примерно половина преступлений в Сибири — кражи имущества граждан.

В 2001–2002 гг. наблюдается некоторое снижение числа зарегистрированных преступлений в ряде регионов Сибири. В то же время явно возросло число выявленных преступлений, связанных с оборотом наркотиков. В 2002 г. в Хакасии таковых было 806 и по сравнению с 2001 г. рост составил 12,9%⁵. В Республике Алтай число преступлений, связанных с наркотиками, возросло с 216 в 1995 г. до 390 в 2001 г.⁶

Как показало государственное статистическое наблюдение, проводимое отделом социальной статистики и обследования домашних хозяйств Госкомстата Республики Алтай, в 1997–2001 гг. возросло число женщин и подростков 14–17 лет, совершавших преступления (свыше 70% из которых — кражи). Если в 1997 г. совершили преступления 385 женщин, то в 2000 г. — 529, в 2001 г. — 494. По под-

¹Россия в цифрах. 2002. С. 140.

²Российский статистический ежегодник. 2002. С. 273.

³Сибирский федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2001 г. С. 22, 26, 30.

⁴Социально-экономическое положение России: январь–июнь 2003 г. С. 216.

⁵Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе – декабре 2002 г. С. 168.

⁶Республика Алтай в 2001 году: Статистический ежегодник. С. 183.

росткам данные соответственно таковы: 340, 414 и 378¹. Среди совершивших преступления свыше половины — лица, не имеющие постоянного источника доходов². По Российской Федерации картина в целом такая же: если в 1990 г. в общем числе совершивших преступления лица, не имеющие постоянного источника доходов, составляли 17%, то в 2001 г. — почти 60%³. Есть основания говорить о том, что главная причина увеличения преступности, в том числе среди молодежи и женщин, — вызванный реформами рост безработицы и бедности.

У коренных малочисленных народов Севера в процессе рыночных трансформаций было разрушено товарное хозяйство в традиционных отраслях — оленеводстве, охоте, звероводстве, рыболовстве. В результате они, лишившись устойчивых заработков и достойного социального обеспечения, были отброшены, по выражению специалиста-североведа Ф.С. Донского, до уровня нищенского существования. «Так, доходы на душу населения оказались наполовину ниже прожиточного минимума, в то же время на Севере и в Сибири интенсивно продолжается рост социальной дифференциации населения. В настоящее время доходы богатых, по данным Минэкономразвития РФ, в 30–50 раз превышают доходы бедных семей... Резкое снижение уровня жизни сопровождается и духовной деградацией аборигенного населения Севера и Сибири, которая обусловлена прежде всего ликвидацией государственного культурного, медицинского, торгового, бытового и транспортного обслуживания оленеводов, охотников, рыбаков в местах их производственной деятельности, т.е. на маршрутах пастьбы животных и промыслов»⁴.

В.А. Роббек полагает, что «если брать за точку отсчета минимального потребительского бюджета коренных малочисленных народов Севера до начала 1992 г., то в настоящее время 90% населения оказалось за чертой бедности»⁵.

¹Состояние преступности в Республике Алтай. 1997–2001 гг.: Статистический сборник / Госкомстат Республики Алтай, 2001. С. 15, 17.

²Состояние преступности в Республике Алтай. 1997–2001 гг. С. 7.

³Рассчитано по: *Российский* статистический ежегодник. 2002. С. 273.

⁴Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы возрождения и развития духовной культуры коренных малочисленных народов Севера... С. 17.

⁵Роббек В.А. Североведение в поисках путей сохранения и развития народов Севера... С. 12.

В районах проживания народов Севера существенно сократилось, а во многих местах вообще прекратилось строительство объектов образования и здравоохранения. Так, в 2000 г. по сравнению с 1990 г. ввод в действие школ уменьшился на 67,5%, дошкольных учреждений — на 95,3%, больниц — на 81%. Сократилось число учреждений культуры, образования, здравоохранения¹.

Как отмечает Ф.С. Донской, проводимая в России реформа образования, введение платного образования в высших и средних специальных учебных заведениях, отмена существовавшей в советское время внеконкурсной системы поступления молодежи из числа аборигенов Севера в высшие и средние специальные учебные заведения тормозят получение специального образования молодежью этих народов². Добавим, что введение единого государственного экзамена для выпускников средних школ еще больше обострит эту проблему. Совершенно прав В.М. Куриков, считающий, что «в настоящее время отсутствует комплексный подход к подготовке национальных кадров в области природопользования, социально-культурных отношений, права, современных методов местного самоуправления» и что «вопросы образования не могут рассматриваться в отрыве от вопросов, касающихся всей социальной инфраструктуры»³.

Кардинальные изменения условий существования людей оказали негативное влияние на все население. Но, пожалуй, в наибольшей мере они затронули молодежь, среди которой «растет тунеядство, преступность, заболеваемость венерическими инфекциями, бездуховность и нравственная деградация»⁴.

Резкое снижение в годы реформ уровня жизни большинства населения Сибири и рост тревоги за свое будущее и будущее своих детей в период социальной нестабильности не могли не сказаться на здоровье населения, отношениях в семье и на демографических процессах в целом.

¹Донской Ф.С. Социальное государство и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока... С. 14–15.

²Там же. С. 23.

³Куриков В.М. Социально-экономические и культурные основы развития коренных малочисленных народов Севера // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 47.

⁴Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы возрождения и развития духовной культуры коренных малочисленных народов Севера... С. 20

3. ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Естественное движение населения России с 1988 г. характеризуется снижением прироста, в основном за счет уменьшения рождаемости. В 1987 г число родившихся составило 2,5 млн чел. — максимум за предшествующие 25 лет, а естественный прирост — 6,7 ‰. В 1988 г. естественный прирост равнялся 16,0 ‰, в 1989 г. — 14,6¹.

Начиная с 1988 г., когда статистические управления начали публиковать данные о естественном движении населения в регионах России, можно проследить динамику рождаемости, смертности и естественного прироста по республикам, краям, областям и автономным округам Сибири (правда, без этнической составляющей). Соответствующие показатели в динамике за 1988–2002 гг. по Российской Федерации в целом, республикам Алтай, Бурятия, Хакасия, Тыва, Эвенкийскому автономному округу и Новосибирской области² приведены на рис. 3–5.

Можно сделать вывод, что тенденции изменения показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения Сибири в целом идентичны общероссийским. Определенные различия заключаются в следующем. В национальных автономиях Сибири выше общероссийских и выше по сравнению с регионами Сибири с преимущественно русским населением показатели рождаемости и при примерно равных по всем регионам показателях смертности выше показатели естественного прироста населения. Эти различия тем более заметны, чем выше удельный вес аборигенного и сельского населения в регионе (Республика Тыва, Республика Алтай). Следовательно, рождаемость и естественный прирост населения и ранее, и в настоящее время в целом выше у представителей коренных народов Сибири, чем у русских.

Во всех регионах Сибири, включая национальные автономии, за годы реформ существенно понизилась рождаемость: в 1,3–1,8 раза по сравнению с 1990 г. Наиболее интенсивным этот спад был на самом радикальном этапе рыночных преобразований — в 1991–1993 гг. Та-

¹Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Статистический ежегодник. М., 1990. С. 96.

²Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 98–99; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Статистический ежегодник. М., 1991. С. 100–101; Сибирский федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2001 г. С. 20, 26, 29, 41, 53; Сибирский федеральный округ в цифрах: Статистический сборник 2002 г. С. 24, 26, 28, 30, 38; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 36; Россия в цифрах. 2003. С. 26.

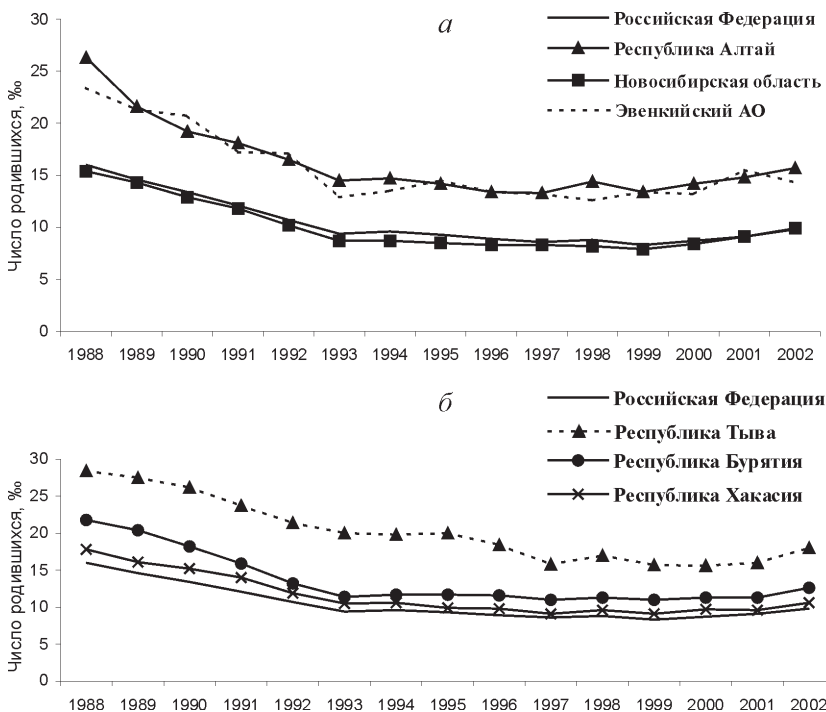

Рис. 3. Динамика рождаемости в Российской Федерации и регионах Сибири в 1988–2002 гг.

кова была реакция семей на экономические трудности и социально-политическую нестабильность в обществе. Падение рождаемости, хотя и медленнее, чем в начале реформ, продолжалось и в последующие годы. Лишь после того как Россия стала немного оправляться в экономическом и социальном плане от дефолта 1998 г., с 1999–2000 гг. начинается медленный подъем, в том числе в сибирских регионах, показателя рождаемости. В то же время этот показатель остается сейчас существенно ниже дореформенного уровня даже в национальных автономиях, где имеет место более высокая рождаемость.

На радикальный этап реформ приходится и максимальный за эти годы рост смертности, что вызвано в основном социально-экономическими последствиями реформ. В дальнейшем смертность также продолжала расти, но более медленными темпами. Растет она и в период некоторого оживления экономической ситуации в стране

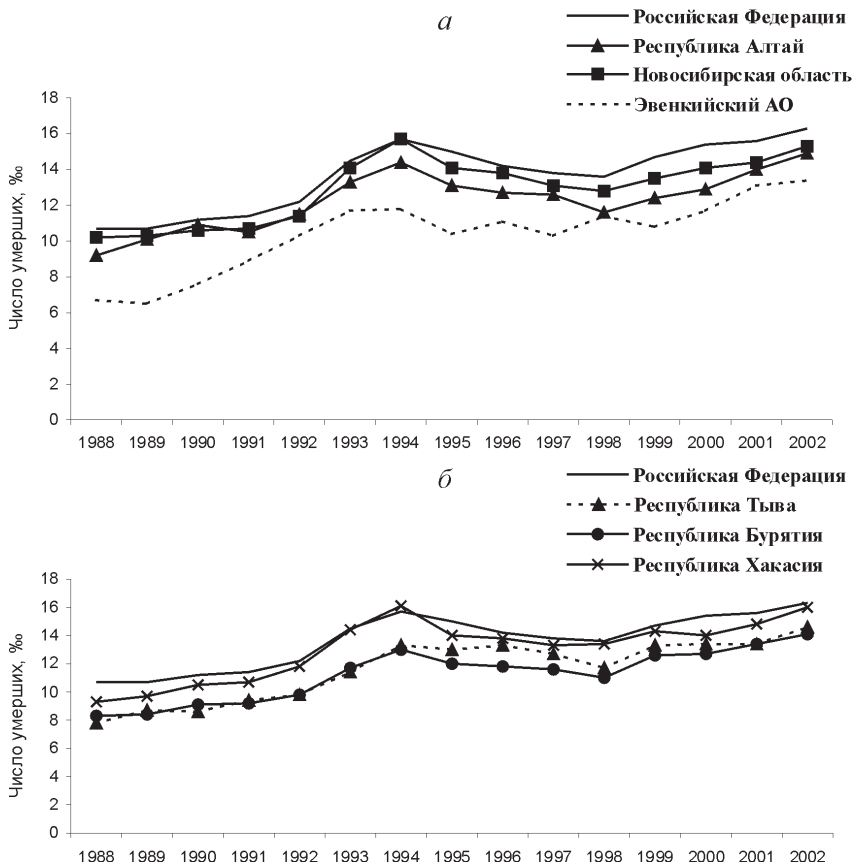

Рис. 4. Динамика смертности населения Российской Федерации и регионов Сибири в 1988–2002 гг.

(1999–2003 гг.). В национальных автономиях динамика данного показателя в целом не отличается от общероссийской и от русско-сибирской (если судить по Новосибирской области).

Динамика естественного прироста (убыли) населения определяется характером соотношения тенденций рождаемости и смертности в том или ином регионе.

Если в дореформенные годы в России в целом и в Сибири население прирастало, хотя и снижающимися темпами, то с начала 1990-х гг. наблюдается его убыль как в России, так и в Сибири.

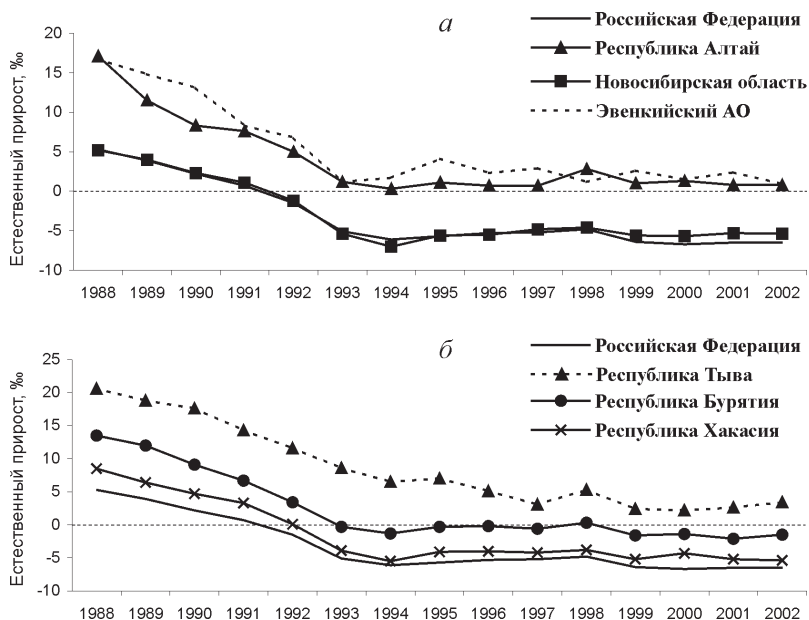

Рис. 5. Динамика естественного движения населения Российской Федерации и регионов Сибири в 1988–2002 гг.

Как и в случае показателей рождаемости и смертности, максимальные темпы убыли населения приходятся на годы радикального этапа рыночных преобразований. В регионах, где выше удельный вес русского населения (Новосибирской области, Хакасии, Бурятии), уже с 1992–1993 гг. начинается процесс депопуляции, продолжающийся и в данный период. В Новосибирской области и Хакасии население в 1993–2002 гг. ежегодно убывало темпами примерно 50 чел. на 10 тыс. чел. населения, в Бурятии — около 10 на 10 тыс. чел. населения. В Туве, Республике Алтай, Эвенкии во все годы реформ продолжал сохраняться естественный прирост, но по сравнению с 1990 г. этот показатель стал меньше в 5–10 раз и едва превышает нулевой уровень, за которым начинается депопуляция.

Такая же картина в Республике Саха (Якутия), в Чукотском АО: в январе – мае 2003 г. естественный прирост населения составил здесь соответственно 4,4 и 2,3 ‰¹.

¹Социально-экономическое положение России: январь – июнь 2003 г. С. 358.

Можно, следовательно, сделать вывод, что более высокая, как правило, рождаемость среди аборигенных этносов Сибири пока обуславливает небольшой прирост их населения. Однако у них имеет место высокая младенческая смертность, вдвое превышающая общероссийский уровень, что может, при сохранении этого негативного фактора в последующие годы, понизить показатели естественного прироста. Так, при среднероссийском показателе младенческой смертности в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся 13,0 ‰ в январе — мае 2003 г. в Республике Тыва этот показатель равнялся 30,6 ‰, в Республике Алтай — 29,4, в Республике Хакасия — 21,1 ‰. Аналогичная ситуация была и в 2002 г.¹

Нынешний более высокий, чем у русского населения Сибири, уровень рождаемости у аборигенных этносов обусловлен, помимо других факторов, половозрастной структурой их населения, в которой, благодаря показателям рождаемости, вдвое превышающим общероссийские, в 1970–1980-е гг. сложился большой слой молодого населения. Так что сейчас у этих этносов сохраняется убывающая инерционность динамики демографических показателей предыдущих, дореформенных лет.

Хотя в 1990-е гг. усилилась тенденция рождения детей вне брака, в России основная их часть (свыше 70%) приходится на брачные пары². Поэтому стабильность брака играет важную положительную роль в воспроизводстве населения. В последнее десятилетие, однако, браки стали менее прочными. Так, в 2002 г. в России на 7 зарегистрированных браков приходилось 6 разводов³. В Сибири в целом такая же картина, однако в национальных регионах, где выше доля аборигенов, браки более прочны: в первом полугодии 2003 г. в Туве на 4 заключенных брака было 2 развода, в Республике Алтай на 6 браков — 4 развода, в Якутии на 10 браков — 8 разводов⁴. В то же время процент детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, выше, как правило, именно в национальных автономиях. Если в 2000 г. по России в целом этот показатель составил 28%, то в Республике Тыва внебрачных детей родилось более половины (58%) всех родившихся, в Республике Бурятия — 42,1%, в Республике Алтай — 36,3%. Для сравнения отметим, что

¹ Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 358.

² Демографический ежегодник за 2000 год. Горно-Алтайск, 2001. С. 31.

³ Россия в цифрах. 2003. С. 70.

⁴ Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 359–360.

в Новосибирской области таковых было 31,5%, в Омской области — 28,5%. Аналогичной была ситуация и в 1998–1999 гг.¹

Влияние динамики семейно-брачных отношений на рождаемость в 1990-е гг. можно проиллюстрировать на примере Республики Алтай. В 1990 г. коэффициент брачности (число зарегистрированных браков на 1 тыс. чел. населения) составлял 9,2, в 1999 г. — 6,1, т.е. сократился в полтора раза. Коэффициент разводимости (число разводов на 1 тыс. чел. населения) в 1991–1995 гг. во столько же раз увеличился, затем несколько уменьшился². К 2002 г. он вновь возрос до максимального уровня 1995 г. — 4,6 развода³.

В течение жизни людей в Республике Алтай расторгается сейчас около половины брачных союзов, а среди расторгнутых браков треть приходится на молодые пары со стажем брака менее 5 лет. На 1000 заключаемых браков здесь приходится ежегодно около 400 разводов.

Нестабильность семейно-брачных отношений способствует росту внебрачной рождаемости. Если в 1990 г. в республике внебрачных детей было 24% от всех родившихся, то в 1999 г. — уже 37%. При этом около четверти общего количества внебрачных детей родилось у женщин моложе 20 лет. Как правило, это незапланированные роды, сказывающиеся отрицательно на жизненной карьере и здоровье матери, а также на здоровье ребенка⁴.

Качественно такие же тенденции в семейно-брачных отношениях имели место в 1990-е гг. и в других регионах Сибири. Сохраняются они и в настоящее время.

Анализ динамики коэффициентов брачности и разводимости в России и других странах мира за ряд лет приводит к заключению, что коэффициент брачности в 1990–2000 гг. в большинстве стран, включая Россию, уменьшался, хотя и разными темпами. Из развитых в экономическом отношении стран он медленно рос (с 5,8 в 1990 г. до 6,3 в 1996 г. и 6,0 в 2000 г.) лишь в Японии. В Узбекистане он уменьшился с 10,6 в 1990 г. до 6,8 в 2000 г., в Казахстане — соответственно с 10,1 до 6,1, в Германии — с 6,5 до 5,1, в США — с 9,8

¹Демографический ежегодник за 2000 год. 2001. С. 31.

²Аналитические записки Госкомстата Республики Алтай, подготовленные в 2000 г. С. 88.

³Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 360.

⁴Аналитические записки Госкомстата Республики Алтай, подготовленные в 2000 г. С. 89.

до 8,3 в 1998 г.¹ Таким образом, имеется определенная общемировая тенденция, обусловленная многими факторами: социокультурными, экономическими, половозрастной структурой населения и т.п. Заметно все же, что темпы падения данного коэффициента были более высокими в менее развитых странах. Экономическая детерминанта коэффициента брачности видна и по его динамике в России. В 1970–1985 гг. он оставался в целом стабильным, на уровне 10–10,5. С 1985 г. — начала перестройки и экономической нестабильности — начинает неуклонно снижаться с 9,7 до 5,8 в 1998 г. (год российского дефолта), затем вновь растет до 6,9 в 2001 г. и 7,1 в 2002 г., в период некоторого оживления экономики².

Динамика разводимости более сложна. Если экономическая нестабильность и спад могут в определенной мере препятствовать заключению брачных союзов или отодвигать его сроки, то это еще не значит, что всегда в условиях нестабильности и спада браки распадаются быстрее, чем в условиях экономического подъема. Коэффициент разводимости в определенных странах и у определенных народов часто сильнее детерминирован социокультурно, чем экономически. Например, в России в 1990–2000 гг. он колебался в диапазоне значений 3,8–4,3, в 2001 г. возрос до 5,3, а в 2002 г. — до 6,0³. Одновременно в эти же годы экономического кризиса (1991–2000) в Казахстане он немного уменьшался: с 2,7 до 1,8⁴, в Узбекистане — уменьшился с 1,5 до 0,9 в 1995–2000 гг. По-видимому, в этих странах сильнее проявились традиционно-религиозные факторы. Вероятно, аналогичные факторы определяют и относительно низкие коэффициенты разводимости в Туве и Бурятии.

В европейских развитых странах — Германии, Франции — коэффициент разводимости увеличивался в 1990-е гг. очень медленно и оставался вдвое меньшим, чем в России. Так, в Германии он медленно возрос с 2,0 в 1990 г. до 2,3 в 1999 г., во Франции — соответственно с 1,9 до 2,0. В США, наоборот, данный коэффициент уменьшался: с 4,7 в 1990 г. до 4,2 в 1998 г., оставаясь в среднем равным российскому показателю за эти годы⁵.

¹Россия и страны мира. 2002: Статистический сборник. М., 2002. С. 53–54.

²Российский статистический ежегодник. 2001. С. 81; Россия в цифрах. 2003. С. 70.

³Там же.

⁴Россия и страны мира. 2002. С. 53–54.

⁵Там же.

Если в экономически развитых странах в 1990-е гг. число разводов практически стабилизировалось на низком уровне (с коэффициентом разводимости 2,0), то в сырьедобывающих регионах Сибири наблюдается обратная картина: здесь самая высокая разводимость при высокой брачности. Так, в первом полугодии 2003 г. коэффициенты разводимости равнялись в Ханты-Мансийском АО — 9,4, в Ямало-Ненецком АО — 8,7, в Республике Саха (Якутия) — 7,8, в Чукотском АО — 7,1 при среднем по России 5,5¹. Можно полагать, что эти показатели складываются не за счет малочисленных народов Севера, удельный вес которых в населении данных регионов не превышает, за исключением Якутии, нескольких процентов, а в основном за счет русского молодого населения, значительную часть которого составляют временно работающие по добыче полезных ископаемых. Психология временщика, как известно, не способствует стабильности семьи.

Нестабильность семьи, как отмечалось выше, снижает не только уровень рождаемости, но и «качество» родившегося поколения.

В России остается высокой младенческая смертность, несмотря на наметившуюся с 1997 г. тенденцию снижения ее ниже уровня до-реформенного 1990 г. Число умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся составило в 2002 г. 13,3 против 17,0 в 1990 г.² В Сибири в 2003 г. этот показатель несколько выше — 16,7. В национальных автономиях он, как правило, существенно выше: в Туве — 32,9, в Эвенкии — 26,9, на Чукотке — 27,7, в Республике Алтай — 25,8, в Хакасии — 20,6. В то же время в Бурятии и Якутии он лишь немного выше среднероссийского: соответственно 14,6 и 14,8³.

Младенческая смертность обусловлена двумя основными факторами: состоянием здоровья матери и качеством медицинских услуг. Статистика фиксирует ухудшение здоровья рожениц в последнее десятилетие. Многие из них (например, 55% в Республике Алтай в 1999 г.) болеют анемией, большинство имеет низкий уровень гемоглобина из-за невозможности покупать овощи и фрукты⁴. Не способствует здоровью новорожденных и «незрелый» возраст многих матерей. В 1999 г. в Республике Алтай каждый шестой ребенок родился у матерей в возрасте 15–19 лет⁵. Именно из-за слабого

¹ Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 360.

² Россия в цифрах. 2003. С. 70.

³ Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 358.

⁴ Аналитические записки Госкомстата Республики Алтай, подготовленные в 2000 г. С. 86.

⁵ Там же. С. 97.

здоровья рожениц почти половина (42%) младенческой смертности приходится на возраст 0–6 дней. Этот показатель за последние годы в республике возрос в 1,4 раза¹.

Те, кто выжил, тоже не отличаются сибирским здоровьем: качество здоровья современной молодежи весьма низкое. Неуклонно растет количество врожденных аномалий и пороков развития у российских детей в возрасте до 14 лет. Если в 1990 г. их было 270 на 100 тыс. чел., то в 2001 г. — 681².

Помимо унаследованных от родителей молодежь в годы реформ приобрела новые, так называемые «болезни социального неблагополучия»: сифилис, наркоманию, токсикоманию. Если в 1990 г. в России на профилактическом учете числилось 46 склонных к наркомании подростков в возрасте 15–17 лет (на 100 тыс. чел. населения), то в 1999 г. этот показатель равнялся 234, в 2001 г. — 182. Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях России с диагнозом «наркомания», в 1990-е гг. неуклонно возрастала и в 2001 г. составила 317 тыс. чел., превысив уровень 1990 г. более чем в 11 раз. Соответствующие показатели (число зарегистрированных случаев на 100 тыс. чел. населения) по заболеваемости сифилисом среди всего населения России (в основном молодого) таковы: 1990 г. — 5, 1999 г. — 187, 2001 г. — 144³.

В Сибири картина такая же, а по некоторым показателям еще хуже. Например, по заболеваемости (впервые установленный диагноз) сифилисом аналогичные показатели в Республике Алтай следующие: 1995 г. — 229, 1999 г. — 346, 2001 г. — 231. По наркомании и токсикомании — соответственно 15, 53 и 30⁴.

Как отмечает Госкомстат России, по заболеваемости сифилисом в первом полугодии 2003 г. «наибольшую озабоченность вызывает положение в Таймырском и Эвенкийском автономных округах, где уровень заболеваемости сифилисом в 3,8 раза выше среднероссийского, в Республике Тыва (в 2,8 раза), Республике Алтай, Бурятии (в 1,6–2,5 раза выше)...»⁵.

¹ Там же. С. 87.

² *Российский статистический ежегодник*. 2002. С. 254.

³ Там же. С. 249, 252; *Социальное положение и уровень жизни населения России*. 2002: Статистический сборник. М., 2002. С. 305.

⁴ *Республика Алтай в 2001 году*. С. 181.

⁵ *Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г.* С. 215.

По России в целом растет число больных туберкулезом. При этом «наиболее высокий уровень заболеваемости туберкулезом в январе — мае 2003 г. имел место в Республике Тыва (в 3,9 раза выше, чем в среднем по России), в Корякском автономном округе (в 3,5 раза), в республиках Бурятия и Хакасия (в 1,7–2,6 раза)»¹.

В связи со стрессами, вызываемыми социальной нестабильностью и неустроенностью жизни людей, резко растут расстройства психики (психозы, шизофрения и т.д.). Например, в Республике Алтай за 1995–2001 гг. численность только тех, кто впервые в жизни обратился в лечебные учреждения за помощью по этому поводу, возросла более чем в 2 раза². На самом деле их существенно больше, ибо большинство переживает неурядицы и расстройства, не обращаясь в поликлиники и больницы.

Такая социально обусловленная болезнь, как алкоголизм, остается в России (и в Сибири) широко распространенной, как и в дореформенные 1980-е гг. Однако по сравнению с 1970–1990 гг. статистика фиксирует рост в 2–3 раза по России смертей от случайного отравления алкоголем³ (пить стали больше самогон и некачественную водку, часто неэтиловые спирты).

За 1991–2002 гг. в России в 1,5 раза возросло и число самоубийств: с 26 случаев до 39 на 100 тыс. населения⁴. За эти годы неуклонно рос и показатель по основной причине смертности — болезням системы кровообращения (инфаркты, инсульты и др.)⁵, что также обусловлено главным образом социальной нестабильностью и кризисным состоянием общества в годы реформ. В регионах Сибири ситуация аналогична общероссийской. Например, в Республике Алтай в 1990 г. умерло от случайных отравлений алкоголем 52 чел., в 1995 г. — 187, в 2000 г. — 118. Число самоубийств в 1990 г. в Республике Алтай — 78, в 1995 г. — 162, в 2000 г. — 193⁶. В Республике Хакасия количество смертей от случайных отравлений алкоголем в 2002 г. составило 294, число самоубийств — 320⁷.

¹Социально-экономическое положение России: январь — июнь 2003 г. С. 215.

²Республика Алтай в 2001 году. С. 182.

³Российский статистический ежегодник. 2002. С. 126.

⁴Россия в цифрах. 2003. С. 71.

⁵Там же.

⁶Республика Алтай в 2000 году. С. 57.

⁷Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе – декабре 2002 г. С. 161.

Как видим, в национальных автономиях Сибири болезни «социального неблагополучия» выражены еще отчетливее, чем в других регионах России. А республики Тыву, Алтай, Бурятию, судя по приведенным выше данным, можно определить как зоны социального бедствия. Особенно настораживает ситуация с самоубийствами в Республике Алтай, где этот показатель почти в 5 раз превышает среднероссийский уровень.

Качество здоровья родителей и детей, рождаемость и смертность концентрируются в таком показателе, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. В 1970–1990 гг. по России он колебался в диапазоне 68–70 лет для всего населения, в том числе 62–64 года — для мужчин. В 1991–2002 гг. происходит снижение данного показателя до 64–65 лет для всего населения (58–60 лет — у мужчин, 72–73 года — у женщин), т.е. в среднем на 4 года для всех, причем в последние 3–4 года имеет место уменьшение на 1–2 пункта¹.

В Сибири наблюдаются в общем такие же тенденции изменения продолжительности жизни. При этом в областях Западной Сибири показатели примерно соответствуют общероссийским, а в Восточной — несколько ниже общероссийских.

В национальных автономиях они, как правило, на 1,5–2 пункта ниже, чем в преимущественно русских областях (Новосибирской, Омской и др.). Самые низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни в Республике Тыва: в 2000 г. для мужчин — 50 лет (на 9 лет меньше, чем по всей России), для женщин — 63 года (тоже на 9 лет меньше), для всего населения — 56 лет². Таким образом, более высокая по сравнению с другими регионами России рождаемость в Туве дает пока прирост населения с низким качеством здоровья.

Несмотря на то что у части малочисленных народов Севера сохраняется естественный прирост населения, рождаемость в целом у них в 2000 г. упала по сравнению с 1990 г. в 2,1 раза, а смертность увеличилась на 32%. В итоге естественный прирост населения у этих народов сократился по сравнению с 1990 г. в 3,1 раза, в т.ч. у хантов — в 3,6 раза, у селькупов — в 19,5 раз и т.д., а у 14 (из 30) малочисленных народов смертность преобладала над рождаемостью³.

¹Российский статистический ежегодник. 2002. С. 81; Россия в цифрах. 2003. С. 70.

²Демографический ежегодник за 2000 год. С. 20.

³Донской Ф.С. Социальное государство и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока... С. 17.

Как показывают исследования, уровень рождаемости, смертности и естественного прироста у многих аборигенов Сибири превышает соответствующие показатели у остального населения (в основном — русского) тех же территорий проживания. Например, в 1999 г. уровень рождаемости у малочисленных народов Ханты-Мансийского АО составлял 17,2 ‰ (по округу — 10,9); уровень смертности — 10,3 (по округу — 6,1), естественный прирост — 6,9 ‰ (по округу — 4,8). По сравнению с 1990 г. показатель рождаемости снизился в 1,8 раза, а показатель смертности практически не изменился. Но почти вдвое выше, чем у русского населения, остается младенческая смертность¹.

«Перспектива этнической катастрофы» для коренных малочисленных народов Севера вызвана, по оценке В.А. Роббека, «снижением уровня рождаемости, повышением смертности, усилением процессов ассимиляции, проявлением серьезных генетических последствий метисации»².

Хроническое недоедание, несбалансированный и бедный витаминами рацион питания, разрушение системы здравоохранения, психологические стрессы из-за жизненных неурядиц подрывают здоровье не только старших, но и младших поколений. Три четверти беременных женщин у народов Севера имеют значимые отклонения в состоянии здоровья, в результате до 80% детей страдают нарушениями развития еще до рождения³. У детей нередки нарушения психики, познавательной деятельности, невралгические расстройства и т.п.⁴

Как отмечает В.М. Куриков, в структуре заболеваний населения Ханты-Мансийского автономного округа «на первый план вышли “социальные болезни” — алкоголизм, туберкулез... Заболеваемость туберкулезом держится на высоком уровне и превышает среднеокружной показатель в 4,3 раза». Бич народов Севера — рост пьянства и алкоголизации, вызываемые ими аномалии поведения, рост числа

¹Логинов В.Г. Социально-демографические процессы в среде малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып 5. С. 51.

²Роббек В.А. Североведение в поисках путей сохранения и развития народов Севера... С. 12.

³Донской Ф.С. Социальное государство и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока... С. 19.

⁴Там же. С. 18–19.

самоубийств и убийств. По последнему показателю имеет место превышение среднероссийского уровня в 3–4 раза¹. Важные причины болезни аборигенов, помимо экономических факторов, — ухудшение материально-технической базы медицинских учреждений, ликвидация тундровых медицинских отрядов, свертывание системы регулярных профосмотров, системы санитарно-курортного лечения по доступным ценам, дефицит и дороговизна лекарств.

Итак, демографические процессы у народов Сибири в годы реформ характеризуются преобладанием негативных тенденций: ростом смертности, снижением рождаемости, высокой младенческой смертностью, ухудшением здоровья взрослых и молодого поколения. Во многом они обусловлены социальным неблагополучием — бедностью, нестабильностью в сфере труда и семейно-брачных отношений, повышенной тревожностью, ростом уровня алкоголизма и наркомании.

Можно вполне согласиться с выводом Т.Г. Воробьевой, сделанным ею в результате анализа демографической ситуации в Республике Алтай: «Таким образом, в последние годы снизившийся жизненный уровень населения продолжает негативно сказываться на процессах его естественного воспроизводства... Непосредственная зависимость демографических процессов от изменений общественно-политической и экономической ситуации в стране характерна для всего десятилетия российских реформ. Демографические перспективы будут определяться в первую очередь развитием экономической и политической ситуации в стране»².

¹Куриков В.М. Социально-экономические и культурные основы развития коренных малочисленных народов Севера... С. 45–46.

²Аналитические записки Госкомстата Республики Алтай, подготовленные в 2000 г. С. 38–39.

Глава 2

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ О РЕФОРМАХ

1. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМ В ОЦЕНКАХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На первом этапе реализации проекта в качестве объекта исследования были выбраны так называемые титульные этносы национальных автономий Сибири — хакасы, тувинцы, алтайцы, буряты, эвенки Эвенкийского автономного округа. Первые четыре народа представляют тюрко-монгольскую субцивилизацию, а эвенки — один из народов Севера — циркумполярную. Каждая из этих субцивилизаций в составе российской евразийской цивилизации имеет свои особенности, определяемые в первую очередь традициями хозяйственной и культурной жизни. Основу традиционного хозяйства эвенков составляют охота и оленеводство, алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят — животноводство. Безусловно, экономическая жизнь аборигенов Сибири как в дореформенный, так и в современный период не ограничивается лишь традиционными занятиями, однако они продолжают играть важную роль в жизнеобеспечении данных этносов, а в итоге нынешних рыночных преобразований, когда, как свидетельствует анализ объективных показателей, произошел откат к натуральному хозяйству, роль традиционного хозяйства даже возросла. То же можно сказать и о традиционной культуре.

Поэтому было важно проследить, как эту сложную и противоречивую динамику модернизации и традиционализации воспринимает городская и сельская элита коренных народов Сибири — политическая, научная, культурная и хозяйственная интеллигенция, наиболее компетентная, на наш взгляд, в оценке целей и итогов проводимых реформ. В каждом из регионов, где проводилось исследование, для сравнения мнений по проблемам развития титульных этносов была опрошена также группа русских экспертов из разных профессиональных групп и типов поселений (хотя городские жители преобладали). Вопросник «Проблемы развития хакасского (соответственно тувинского, алтайского и т.д.) этноса в условиях российских реформ 1990-х гг.» состоял из 6 основных блоков вопросов, одинаковых для обследуемых регионов, а небольшая часть вопро-

сов варьировалась в соответствии со спецификой республики или округа. Например, в Республике Алтай более подробно исследовалось также отношение экспертов к проблемам местного самоуправления, в Республике Хакасия — к проблемам развития г. Абакана и т.п. Однако во всех регионах (за исключением Бурятии) основными блоками вопросов были: 1) оценка изменения различных сторон жизни народов Сибири в ходе реформ 1990-х гг.; 2) ранжирование наиболее острых проблем в жизни народов в настоящее время; 3) отношение к купле-продаже земли; 4) экспертная оценка первоочередных мер по развитию этноса; 5) экспертиза первоочередных мер по развитию родных языков; 6) экспертная оценка перспективных моделей этносоциального развития. (В Бурятии опрос проводился только по первому блоку.) Вопросник состоял из 15–17 вопросов и паспорттики.

Оценка итогов реформ. Изменения различных сторон жизни народов за годы реформ оценивались экспертами по 24 основным признакам по шкале «улучшилось — не изменилось — ухудшилось — трудно оценить». Отбор признаков осуществлялся на основе представлений о наиболее значимых составляющих этносоциального развития, полученных в процессе теоретических и конкретно-социологических разработок авторов настоящей публикации, а также других исследователей. В итоге были выбраны следующие признаки:

в социально-экономической сфере:

- 1) состояние сельскохозяйственного, традиционного производства,
- 2) занятость населения,
- 3) квалификация работающего населения,
- 4) денежные доходы (на душу населения),
- 5) предпринимательская активность населения,
- 6) жилищные условия;

в социально-культурной сфере:

- 7) тяга к традиционным верованиям,
- 8) национальное самосознание,
- 9) развитие духовной культуры этноса,
- 10) знание родного языка,
- 11) преподавание родного языка в школе,
- 12) уровень общего образования,
- 13) уровень профессионального (среднего и высшего) образования;

в социально-политической сфере:

14) участие представителей этноса в управлении государственными делами республики, округа,

15) участие представителей этноса в местном самоуправлении,

16) отношение населения к местной власти (республики, округа),

17) отношение населения к федеральным органам государственной власти,

18) межнациональные отношения в республике, округе;

в социально-демографической сфере:

19) состояние здоровья коренного населения,

20) состояние здоровья молодежи до 18 лет,

21) психологическое самочувствие (тревожность, стрессы, самоубийства и т.д.),

22) ситуация с пьянством, наркотизацией,

23) положение с преступностью, правонарушениями,

24) уверенность в благоприятном будущем народа (оптимизм).

В Республике Алтай и Республике Тыва оценивалось также состояние экологии в регионе, а в Республике Алтай — состояние промышленного производства.

Итоговые результаты экспертизы последствий рыночных реформ в жизни алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов и эвенков представлены на рис. 6 и 7. Первое, что хотелось бы отметить, — это высокая степень единодушия оценок национальной интеллигенции и русских экспертов по большинству выделенных признаков. Далее мы будем специально оговаривать различия в оценках двух групп экспертов только в тех случаях, в которых они имеют место.

Как видим, изменения *в социально-экономической сфере*, произошедшие в 1990-е гг., оцениваются представителями всех обследуемых народов крайне отрицательно, особенно по таким показателям, как состояние сельскохозяйственного (и промыслового) производства, занятость и доходы населения, что вполне соответствует динамике объективных процессов в этой области. Так, считают, что состояние сельскохозяйственного производства ухудшилось, 100% экспертов-алтайцев, 80–90% бурят, хакасов, эвенков и тувинцев. Примерно таковы же оценки по показателям занятости и доходов населения. 95% экспертов-алтайцев и 97% экспертов-русских в Республике Алтай отметили также падение промышленного производства.

Об улучшении жилищных условий говорят лишь 12–13% тувинских и бурятских экспертов и 3–5% экспертов других национальностей. Менее пессимистичны эксперты в отношении квалификации

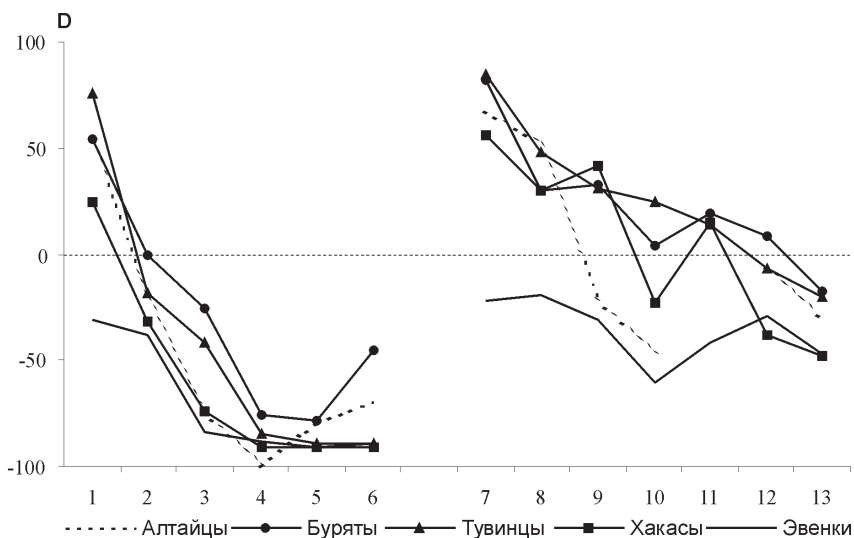

Рис. 6. Соотношение удельных весов ответов экспертов, оценивших положительно (А) или отрицательно (В) изменения социально-экономической и социально-культурной сфер жизни этносов Сибири в период реформ 1991–2001 гг., (D = A – B), %.

Социально-экономические показатели:

- 1) предпринимательская активность
- 2) квалификация работающих
- 3) жилищные условия
- 4) состояние с/х (традиционного) производства
- 5) занятость населения
- 6) денежные доходы на человека

Социально-культурные показатели:

- 7) тяга к традиционным верованиям
- 8) национальное самосознание
- 9) развитие духовной культуры
- 10) знание национального языка
- 11) преподавание национального языка в школе
- 12) уровень профессионального образования
- 13) уровень общего образования

работающего населения, хотя в целом и здесь преобладают негативные оценки. Лишь в Бурятии доли позитивных и негативных ответов равны (по 27%). В других регионах позитивные оценки составляют от 9 до 27%, негативные — от 37 до 47%. Тем самым эксперты опровергают бытующие в средствах массовой информации стереотипы, согласно которым рынок и безработица отсеивают менее квалифицированных работников. Улучшилось, как полагают эксперты (за исключением эвенков), лишь положение с предприниматель-

ской активностью: позитивных оценок больше, чем негативных. По-видимому, в этом случае оцениваются не столько результаты предпринимательства, сколько усилия людей по выживанию («стали больше крутиться»).

Эксперты-русские менее пессимистичны в оценках состояния сельскохозяйственного производства, жилищных условий и более оптимистичны в оценке предпринимательской активности аборигенов Сибири.

Важно отметить, что между оценками городских и сельских экспертов нет больших различий, что, в частности, свидетельствует о компетентности городской интеллигенции в проблемах села. Это не удивительно, так как представители интеллигенции титульных народов Сибири являются в основном выходцами из сельской местности, а в настоящее время тесно связаны с селом родственно-семейными и экономически-продовольственными узами.

Несмотря на спад промышленного и сельскохозяйственного производства, в Сибири, по мнению экспертов, продолжается загрязнение окружающей среды, особенно в республиках Тыва и Алтай. Ни один эксперт из Республики Алтай не отметил улучшения экологических условий, в то время как на их ухудшение указали 79%. Эксперты-тувинцы оценили изменения этих условий таким образом: улучшились — 4%, ухудшились — 56, не изменились — 29%.

В целом в оценках экспертов прослеживается четкая корреляция самых негативных явлений в данной сфере: падение сельскохозяйственного, промыслового производства — снижение занятости (безработица) — уменьшение денежных доходов — стагнация (или ухудшение) жилищных условий. Именно в такой последовательности эти факторы обуславливают друг друга и в реальной жизни, и в общественном сознании.

Как отмечают специалисты-экологи, закрытие или резкое сокращение объемов производства на предприятиях цветной металлургии и горнорудной промышленности («Тувакобальт», «Туваасбест», ртутный рудник в пос. Акташ в Республике Алтай и др.) при условии плохой консервации отходов производства может послужить источником заражения и отравления Енисея, Оби и других рек мышьяком, ртутью и т.п.¹ Население Республики Алтай продолжа-

¹См., например: *Заика В.В., Балакина Г.Ф.* Проблемы устойчивого развития Тувы в современных условиях // Социально-экономические проблемы Республики Тыва в период трансформации. Новосибирск, 1998. С. 86.

ет «обсеиваться» из космоса продуктами распада ракет, запускаемых на Байконуре. Немалый вред окружающей среде в этих прекрасных горных республиках наносят многочисленные дымящие мелкие котельные, плохо оборудованные и беспорядочные свалки бытовых отходов, а также «дикие» туристы. Деградация производства и экономия на расходах по защите окружающей среды ведут к падению нравов, загрязнению среды обитания и в конечном счете — к ухудшению здоровья населения.

Для оценки изменений в *социально-культурной сфере* были выбраны показатели, которые, как представляется, в наибольшей степени соответствуют отмечаемым в социально-философской и этнологической литературе явлениям подъема этничности, «этнического ренессанса» в реформируемой России: национальное (этническое) самосознание, традиционные верования, родной язык, духовная культура в целом, образование. Важно было выяснить, насколько национальная интеллигенция народов Сибири разделяет бытующие в литературе мнения.

Явным диссонансом на общем фоне относительного благополучия в данной области выглядит положение дел у эвенков. По всему набору социально-культурных показателей эксперты фиксируют у эвенков ухудшение ситуации. Следует вообще обратить внимание на то, что по всем 24 показателям этносоциальной динамики у эвенков отрицательные ответы экспертов преобладают над положительными. Таким образом, самое неблагоприятное влияние современные реформы оказали на положение малочисленных народов.

Алтайские, бурятские, тувинские и хакасские эксперты, как и русские в данных регионах, единодушны во мнении, что у населения возросли тяга к традиционным верованиям и уровень национального самосознания. По первому из этих показателей доля негативных оценок колеблется в интервале 0–2%, а позитивных — 58–86% (максимальна она у бурят и тувинцев). Уровень позитивных оценок изменения национального самосознания ниже, чем тяги к традиционным верованиям: например, среди бурят — 41%, среди тувинцев — 52% и т.д. Следовательно, хотя эти показатели и коррелируют друг с другом в сознании экспертов, они не тождественны, что вполне соответствует действительности. Национальное (этническое) самосознание не сводится к традиционным верованиям, оно шире по своему содержанию. Поэтому 11–13% алтайских, бурятских и хакасских экспертов и 5% тувинских отметили наличие оп-

ределенных отрицательных тенденций в национальном самосознании своих народов, высказав мнение об ухудшении ситуации за годы реформ. Мотивы этой оценки в данном исследовании не выяснились, но сравнение положительных и отрицательных ответов на вопросы, касающиеся социокультурной среды, дает основание предположить, что в содержании понятия «национальное самосознание» эксперты включают как минимум требование знания родного языка. Алтайские, бурятские и хакасские эксперты отметили, что оно не стало лучше (у бурят) или даже ухудшилось (у алтайцев и хакасов). Поскольку лишь около половины экспертов из интеллигенции титульных народов Сибири полагают, что в годы реформ произошел подъем национального самосознания этих народов, следует признать несколько преувеличенными распространенные в литературе утверждения о таком подъеме. Вопрос этот требует специального конкретного исследования, как, впрочем, и состояние традиционных верований. Но на полуинтуитивном уровне общественное сознание этих народов фиксирует позитивные тенденции в данной области.

Подъем духовной культуры (литературы, искусства и т.д.) своих народов за годы реформ отмечает большая часть (44–50%) экспертов — бурят, тувинцев, хакасов. В Республике Алтай больше негативных оценок (53%) данного показателя, чем позитивных (32%), что, по-видимому, не в последнюю очередь связано с языковой ситуацией в республике (63% отметили ухудшение знания родного языка среди алтайцев). Этнолингвистические проблемы в консолидирующемся алтайском этносе, отличающемся большой степенью мозаичности, тоже требуют специального исследования. Их разрешение на научной основе содействовало бы улучшению ситуации с преподаванием и знанием алтайского языка.

Некоторый позитивный сдвиг за годы реформ в знании населением своего родного (национального) языка отметили тувинские и бурятские эксперты, а негативный — хакасские. Хуже всего ситуация со знанием национального языка опять у эвенков: лишь 3% экспертов отметили ее улучшение, а две трети (63%) — ухудшение.

Можно сделать вывод, что во всех национальных автономиях Сибири языковые проблемы требуют дальнейшего исследования и разрешения во избежание фрустрации этнического самосознания в сочетании с имеющей место деградацией среды обитания и материального производства.

Степень знания родного языка населением, особенно молодежью, во многом зависит от его преподавания в школе. Примерно 25–30% хакасских, тувинских и бурятских экспертов отметили улучшение ситуации с преподаванием языка (при 11–13% имеющих противоположное мнение). В Республике Алтай этот показатель не включался в опросник, а в Эвенкии почти половина (48%) экспертов сочла, что ситуация в этой сфере стала хуже, и всего 6% фиксируют ее улучшение.

Следует заметить, что в вопросах языка (знания его и преподавания в школе) не все респонденты посчитали себя компетентными, особенно из числа русских. 30–40% из них затруднились дать определенный ответ, и это объяснимо. В то же время данный факт не меняет общей картины.

Важным показателем социокультурной жизни народов Сибири является уровень общего и профессионального образования населения как некая интегральная характеристика. При оценке уровня общего образования во всех регионах преобладают негативные мнения (40–60% при 0–22% позитивных). Это соотношение отражает противоречивую диалектику реальной действительности: немалое число детей в 1990-е гг. становились беспризорными или не посещали школу в силу материальных затруднений в семье и в то же время почти вдвое возросло количество выпускников средней школы, поступивших в средние специальные и высшие учебные заведения. По-видимому, эксперты полагают, что, несмотря на возросший прием в техникумы и вузы, отношение молодежи в целом к учебе в школе и качество получаемых знаний стали хуже. Характерно, что наиболее компетентная в данном вопросе часть экспертов — преподаватели школ, техникумов, вузов — оценивают этот показатель примерно так же, как и все остальные эксперты, или даже более критично. Например, в Хакасии они охарактеризовали существующее положение так: улучшилось — 10% (среднее значение по всему массиву опрошенных), ухудшилось — 64% (при среднем 58%). Таким образом, численный показатель увеличения приема в техникумы и вузы, фиксируемый органами государственной статистики, не тождествен подъему уровня общего образования населения. Таково мнение экспертов.

Уровень профессионального образования молодежи оценить труднее, чем общего, поэтому многие эксперты, включая преподавателей учебных заведений, не смогли дать однозначного ответа.

По этой причине соотношение позитивных и негативных оценок данного показателя у алтайцев, бурят и тувинцев приближается к нулю (при 20–30% положительных и отрицательных оценок), а у хакасов и эвенков явно преобладают отрицательные ответы (40–50% против 9–11%).

В целом ситуация с общим и профессиональным образованием народов Сибири хотя и не столь катастрофична, как с промышленным и сельскохозяйственным производством или доходами населения, но и не столь радужна, как это может показаться, если исходить из динамики показателей в сфере образования, содержащихся в материалах государственной статистической отчетности.

В общем говоря, социокультурная сфера жизни народов Сибири является единственной, где за годы реформ положение дел по многим показателям осталось более-менее стабильным или даже улучшилось. Проблема качества общего и профессионального образования народов Сибири в современный период может рассматриваться как требующая специального изучения.

Динамика *социально-политических* показателей — участия населения в государственном управлении и местном самоуправлении, отношения его к местным и федеральным властям — характеризуется экспертами во всех обследуемых регионах как регрессивная (см. рис. 7). Даже по такому показателю, как состояние межнациональных отношений, в некоторых регионах (Эвенкия, Хакасия) зафиксировано небольшое преобладание негативных оценок над позитивными, хотя в целом по Сибири оно остается относительно стабильным, без открытых межэтнических конфликтов. Как известно, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Туве имели место конфликты, начавшиеся в молодежной среде на бытовой почве. Эти конфликты привели к оттоку из республики части русского населения, особенно специалистов промышленности. В последующие годы обстановка в сфере межнациональных отношений здесь стала спокойной, поэтому среди русских экспертов даже выше, чем среди тувинских, доля тех, кто отметил положительную тенденцию в этих отношениях (36% против 24, при 11% негативных оценок у тех и других). Больше процент положительных оценок этого показателя у русских, нежели у хакасов и бурят в соответствующих республиках. Можно полагать, что в национальных регионах Сибири русская интеллигенция даже в меньшей степени, чем интеллигенция коренных народов, считает состояние межнациональных отношений в регионе сколько-нибудь

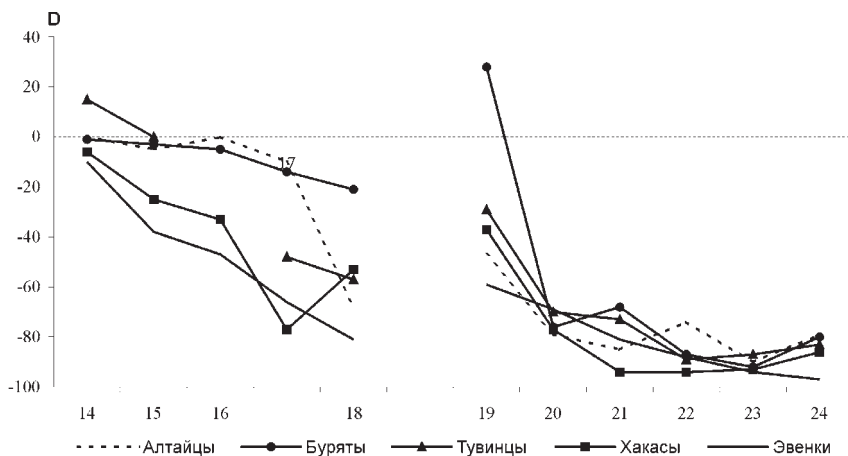

Рис. 7. Соотношение удельных весов ответов экспертов, оценивших положительно (А) или отрицательно (В) изменения социально-политической и социально-демографической сфер жизни этносов Сибири в период реформ 1991–2001 гг., (D = A – B), %.

Социально-политические показатели:

- 14) состояние межнациональных отношений
- 15) участие в управлении государством
- 16) участие в местном самоуправлении
- 17) отношение к федеральным властям
- 18) отношение к местным властям

Социально-демографические показатели:

- 19) уверенность в будущем
- 20) правонарушения, преступления
- 21) психологическое здоровье
- 22) здоровье населения
- 23) пьянство, наркотизация
- 24) здоровье детей, молодежи

значимой проблемой (заметим, что, судя по массовым опросам населения, в отдельных регионах все же присутствуют латентная напряженность и негативные межэтнические установки).

Проводимые реформы не привели к декларируемой их идеологами демократизации общества: отчуждение людей от власти стало еще бóльшим, чем в дореформенный период. Особенно сильно это проявляется, если судить по оценкам экспертов, в Эвенкии и Хакасии, где 40–50% респондентов констатируют ухудшение положения с участием аборигенного населения в государственном управлении и с представительством его в местном самоуправлении. В полиэтничном сообществе подобные оценки свидетельствуют о наличии межэтнической напряженности. Если граждане по разным причинам не участвуют в управлении общественными делами, а существующая

власть оценивается ими как не способная поддерживать социальный порядок, то эта власть часто воспринимается одновременно как чуждая им и социально, и этнически. На этой основе к ней складывается в целом негативное отношение. Прежде всего это касается местных властей — на уровне населенного пункта, района, региона, где должны решаться основные житейские проблемы людей.

Не удивительно поэтому, что в условиях экономического и социально-политического кризиса эксперты отметили резкое ухудшение отношения к местным властям в Эвенкии (83% ответов), Республике Алтай (68%), Республике Тыва (60%), Республике Хакасия (55%). Несколько ниже уровень негативных оценок лишь в Республике Бурятия (31%), но и здесь они преобладают над позитивными (10%). В большинстве же регионов Сибири лишь 0–3% экспертов полагают, что отношение населения к местным властям за годы реформ улучшилось.

По оценкам экспертов, за годы реформ стало хуже и отношение населения к федеральным властям. Особенно высока доля негативных ответов на данный вопрос в Хакасии, где отношение к федеральным властям даже хуже, чем к местным (77% отрицательных оценок при отсутствии положительных), в Эвенкии (69%) и Туве (52%). В республиках Алтай и Бурятия меньше негативных оценок (21 и 28% соответственно), но и здесь динамика данного показателя отрицательна.

Самая неблагоприятная динамика отмечена представителями всех этносов Сибири по *социально-демографическим показателям* — состоянию здоровья, пьянству и наркотизации, преступности, социальному оптимизму (уверенности в будущем своего этноса). По всем шести выбранным признакам (за исключением признака оптимизма в Бурятии) во всех регионах преобладают негативные оценки. При этом в Эвенкии ни один эксперт не отметил улучшения хотя бы одного показателя, а в других регионах позитивные оценки колеблются в интервале 0–5% при 70–97% негативных оценок по первым пяти показателям и 36–60% — по показателю уверенности в благоприятном будущем своего народа.

Эти оценки вполне соответствуют отмеченным объективным регрессивным тенденциям в данной сфере жизни народов Сибири, поэтому неудивительно, что интеллигенция коренных этносов (как и русские эксперты в тех же регионах) проявляет тревогу о судьбе своих народов. Здоровье и социальные аномалии — явления, кото-

рые у всех на виду и слуху, поэтому среди экспертов очень мало тех, кто не смог оценить тенденции изменения социально-демографических показателей за годы реформ.

Больше всего (91–92%) экспертов констатируют ухудшение ситуации с пьянством и наркотизацией аборигенов Сибири. Не менее тревожна ситуация и с психологическим здоровьем народов (психозы, самоубийства и т.п.) — 81–94% негативных оценок против 0–5% позитивных. Отмеченные явления — заметное усиление пьянства, наркотизации и ухудшение психологического состояния — взаимозависимы и социально обусловлены, представляют собой продукт проводимых реформ и прямую угрозу вымирания народов.

Обобщая мнения экспертов о тенденциях изменения в различных сферах жизни народов Сибири за годы рыночных реформ, можно сделать вывод о крайне отрицательном их отношении к итогам этих реформ во всех сферах, за исключением оценки предпринимательской активности и некоторых сторон духовной жизни. Таким образом, лишь по 3–4 показателям из рассматриваемых 24 отмечен определенный прогресс. По остальным же — явный регресс, особенно в базисных сферах жизни народов — социально-экономической и социально-демографической.

Ранжирование наиболее острых социальных проблем. Экспертам предлагалось ранжировать по степени остроты 15–17 современных социальных проблем (ранг 1 — самая острая проблема, 2 — следующая за ней по остроте и т.д.). При этом набор из 12 проблем был одинаковым для всех регионов, а еще несколько варьировались в зависимости от специфики региона. Для ранжирования предлагались проблемы, коррелирующие с содержанием оценок изменения различных сторон жизни этноса в годы реформ и выделенные на основе консультаций с представителями местной интеллигенции: *социально-экономические* (упадок сельского хозяйства, традиционных отраслей, снижение уровня жизни, безработица, необходимость привлечения в экономику иностранного капитала, недостаток предприимчивости у аборигенов Сибири в условиях рынка, разрушение сложившихся основ жизни этносов, снижение интереса молодежи к труду); *социально-культурные* (недостаточный уровень национального самосознания, проблемы преподавания родного языка в школах, недостаток художественной литературы, газет, журналов на языках аборигенов Сибири); *социально-политические* (недостаточный уровень единства народов, отсутствие единства

среди национальных лидеров, отсутствие целенаправленной подготовки политических лидеров, рост национализма и сепаратизма, недостаточная самостоятельность национальной автономии в бюджетной политике, зависимость ее от федеральных властей); *социально-демографические* (рост пьянства и алкоголизма). В Республике Тыва ранжировались также проблемы социального обеспечения неполных и многодетных семей, недостаточного знания русского языка тувинской сельской молодежью, а в Республике Алтай — спада промышленного производства, выезда квалифицированных специалистов из республики, неблагоприятной экологической обстановки, роста религиозной нетерпимости.

Во избежание влияния очередности перечисления проблем на их ранжирование экспертами, вопросы были расположены в анкете в случайном порядке. Сводные данные по 12 наиболее острым современным проблемам жизни аборигенов Сибири приведены в табл. 4 на основе суммирования и усреднения рангов.

На первое место по степени остроты тувинские и хакасские эксперты поставили проблему пьянства и алкоголизма среди своих народов, алтайские — снижение уровня жизни, эвенкийские — разрушение основ жизни в результате реформ. В целом же, по данным табл. 4, сумма рангов (мест) оказывается минимальной (равной 8) по проблеме «Разрушение экономических и социальных основ жизни народа в результате нынешних реформ» и по всем обследуемым регионам Сибири она выходит на первое место. Далее следуют рост пьянства и алкоголизма (10), снижение уровня жизни населения (12), высокий уровень безработицы (15), упадок традиционных отраслей сельского и промыслового хозяйства (21). Как видим, все это экономические проблемы и их социальные последствия. Эксперты из среды интеллигенции, в силу своих профессиональных обязанностей ежедневно сталкиваясь с повседневными нуждами людей, вполне правомерно выделяют те проблемы, которые в первую очередь связаны с выживанием своих народов и с сохранением основ их экономического, культурного и нравственного возрождения.

Средними по степени остроты экспертами признаны социально-экономические проблемы недостаточной предприимчивости аборигенного населения в условиях рынка и снижения интереса молодежи к труду, роста у нее иждивенческих настроений, а также недостаточного уровня бюджетного финансирования регионов со стороны федерального центра. Определенную значимость, по оценке

Таблица 4

**Наиболее острые современные социальные проблемы
народов Сибири**

№ п/п	Проблема	Место по степени важности			
		Алтайцы	Тувинцы	Хакасы	Эвенки
1	Рост пьянства и алкоголизма	6	1	1	2
2	Разрушение экономической и социальной основ жизни народов в результате нынешних реформ	2	3	2	1
3	Снижение уровня жизни населения	1	4	4	3
4	Высокий уровень безработицы	5	2	3	5
5	Упадок животноводства, сельского, промыслового хозяйства	3	5	9	4
6	Спад промышленного производства	4	—	—	—
7	Недостаточная предприимчивость аборигенов в условиях рынка	8	8	5	—
8	Снижение интереса молодежи к труду	9	7	10	9
9	Недостаточное бюджетное финансирование со стороны федерального центра	7	6	11	6
10	Недостаточный уровень национального самосознания	10	10	6	8
11	Недостаточный уровень единства этноса, его лидеров	11	11	7	7
12	Отсутствие целенаправленной подготовки политических лидеров из аборигенов	—	—	8	—

Примечание. Прочерк означает, что проблема не ранжировалась в данном регионе.

экспертов, имеют проблемы единства этносов и их политических лидеров, национального самосознания. Не воспринимаются в качестве сколько-нибудь значимых (острых) проблемы национализма, сепаратизма, религиозной нетерпимости, оттока квалифицированных специалистов (в основном русских) из национальных автоно-

мий Сибири. К последним эксперты не отнесли (и это не совсем понятно) проблемы преподавания родных языков в школах, выпуска литературы на этих языках, хотя, как было показано выше, они оценили динамику соответствующих показателей в 1990-е гг. как негативную. В Республике Алтай средней по степени остроты признана проблема неблагоприятной экологической обстановки, а достаточно острой — спада промышленного производства. В Туве средней по остроте (9-е место) оказалась проблема социального обеспечения неполных и многодетных семей.

Отношение к купле-продаже земли. Для всей России, включая ее сибирские регионы, остройшей в 1990-е гг. была и остается до сих пор проблема купли-продажи земли, пахотных и промысловых угодий. Экспертам предлагалось высказать и мотивировать свое отношение к ней в открытом вопросе.

Таблица 5

Отношение экспертов к купле-продаже сельскохозяйственных угодий, % в группе

Вариант ответа	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы	Эвенки
Отношусь положительно	16	27	10	6
Отношусь отрицательно	68	50	70	81
Затрудняюсь ответить	16	22	20	13

Как видно из табл. 5, большинство экспертов — представителей интеллигенции аборигенных народов Сибири отрицательно относятся к идее купли-продажи пахотных земель, пастбищ, сенокосов и промысловых угодий. В Хакасии и Республике Алтай такую позицию занимают 68–70% экспертов, в Эвенкии — свыше 80%. Несколько выше доля тех, кто выступает за куплю-продажу земли, в Туве, но и здесь их лишь около четверти. Более детальный анализ показывает, что меньше всего сторонников свободного оборота земли среди тех, кто на ней работает, — сельских жителей, и особенно работников сельхозпредприятий. Например, в Хакасии среди сельчан всего 6% сторонников купли-продажи земли и ни один эксперт из числа работников производственных предприятий (сельскохозяйственных, промышленных, строительных) эту идею не поддержал. Среди педагогов, научных работников свыше 77% также отрицательно относятся к купле-продаже земли.

По преимуществу отрицательное отношение к купле-продаже земли высказали депутаты Верховного Совета Республики Хакасия (за — 20%, против — 60%).

Единодушно против этой затеи выступают женщины — и хакасские, и русские (за — всего 8%), а больше всего ее поддерживают русские мужчины-эксперты (за — 37%), в то время как среди хакасов-мужчин таковых всего 13%. Можно полагать, что в определенной мере идеология купли-продажи земли разделяется и проводится в жизнь в Хакасии мужской частью русской интеллигенции. В значительной степени это городские жители, представители профессиональных групп, не имеющих отношения к сельскохозяйственному труду, т.е. менее всего компетентные в данном вопросе.

Примерно такая же картина и в Туве, хотя доля пахотных земель здесь невелика и компетенция экспертов в вопросе их рыночного оборота ниже, чем в Хакасии. Соответственно несколько выше и процент тех, кто выступает за куплю-продажу сельхозугодий.

Идеология нынешних рыночных реформ в России, включающих в качестве одной из важнейших составляющих свободную куплю-продажу земли, предполагает преодоление традиционализма российского общества, вытеснение его либерализмом, причем радикальными методами. В данной связи небезынтересно было выявить, какие этнокультурные типы наличествуют у разных народов в период рыночных трансформаций и как их представители относятся к различным аспектам реформ. По результатам исследования среди экспертов были выделены «традиционалисты», считающие, что каждый человек должен осознавать свою национальность, знать язык и культуру своего народа, «модернисты», полагающие, что знать язык и культуру своей национальности не обязательно, главное чувствовать духовное родство со своим народом, и «космополиты», думающие, что национальность и язык в данное время не имеют особого значения, главное — быть достойным человеком.

Среди экспертов-хакасов «традиционалистов» оказалось большинство — 72%, «модернистов» — 10% и «космополитов» — 18%. По отношению к купле-продаже земли различий между «традиционалистами» и «модернистами» здесь не обнаружилось: лишь 6–8% тех и других высказались по этому вопросу положительно. В то же время среди «космополитов» таковых существенно больше — 24% (среди городских — 30%, сельских — 18%). Следовательно, чем четче выражены в сознании человека его этнокультурные характе-

ристики (самосознание, язык, культура), тем менее разделяет он идею купли-продажи земли.

В целом же все социально-профессиональные группы хакасской интеллигенции достаточно определенно выступают против идеи купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения.

Эксперты-русские (горожане и сельчане) в Хакасии в большинстве своем также отвергают эту идею. Положительно отнесся к ней лишь каждый четвертый (в селе — каждый седьмой).

Подобная картина наблюдается в Республике Тыва и Республике Алтай.

В экспертном опросе в Республике Алтай выяснялось отношение к купле-продаже отдельно пахотных угодий, пастбищ, сенокосов и охотничьих угодий. По первым трем позициям особых отличий нет: за рыночный оборот их высказались лишь 16% алтайских и 7–13% русских экспертов. По отношению же к купле-продаже охотничьих угодий позиция и тех, и других еще жестче: за — всего 5–7%, против — 79–87%.

Мотивы отношения к купле-продаже земли. Приведем их по материалам опроса в Хакасии, дополнив специфическими ответами (каковых немного) экспертов из Тувы и Республики Алтай.

При всем многообразии ответов их можно свести к нескольким группам:

- 1) трудно оценить плюсы и минусы; не задумывался;
- 2) морально-этические мотивы;
- 3) социально-экономические;
- 4) политические;
- 5) этнические.

Зачастую эти группы мотивов в ответах выступают в самых разных комбинациях. Ниже приведены наиболее характерные ответы экспертов.

Отрицательные мотивы.

Соотношение различных групп мотивов у экспертов-хакасов, высказавших отрицательное отношение к купле-продаже земли, примерно следующее:

- а) мотивы социально-экономические — 40%,
- б) мотивы этнокультурного плана — 30%,
- в) морально-этические — 25%,
- г) политические — 5%.

Приведем дословно наиболее характерные высказывания, отражающие каждую из групп мотивов.

Социально-экономические мотивы:

– «Результат будет тот же, что и при приватизации предприятий. Лучшие угодья достанутся небольшой кучке толстосумов» (учитель, Аскизский р-н);

– «Земля — это последнее, что осталось у простого народа. Средств купить землю у него нет и не будет» (продавец, Аскизский р-н);

– «Если продадут землю, жить станет труднее, а купить ее мы не сможем» (работник почты, Таштыпский р-н);

– «У крестьян нет денег, чтобы купить свою же землю» (учитель, Усть-Абаканский р-н);

– «Некому продавать землю, кроме бандитов и жулья. У трудового народа нет денег» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);

– «Землю скупают богатые, а хакасы останутся нищими, рабами» (учитель, Аскизский р-н).

– «Простой человек никогда не купит землю. Да и условий для купли-продажи земли еще нет. Чем я, например, буду обрабатывать землю? Нет техники, кормов, не налажена обрабатывающая промышленность. И самое главное — нет нормального банковского капитала. Процент задавит» (агроном, Таштыпский р-н).

Русские эксперты, помимо аналогичных мнений, высказывают дополнительно и такие:

– «Боюсь, что Хакасия будет скуплена мафиозными структурами и иностранцами» (работник органов власти, Аскизский р-н);

– «Начнется спекуляция землей» (учитель, Аскизский р-н);

– «Купля-продажа земли станет зоной деятельности криминальных структур» (учитель, Таштыпский р-н);

– «Хорошо организованные коллективные хозяйства дают прирост продукции, фермеры — нет» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);

– «Лучшие угодья будут скуплены, остальные — заброшены» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия).

Этнокультурные мотивы:

– «Купли-продажи земли нет в традициях и обычаях нашего народа. Особенности землепользования у хакасов ближе к общинному, коллективному» (научный работник, г. Абакан);

– «Земля — наша собственность. Владеть ею должен народ, выросший на этой земле» (врач, Аскизский р-н);

– «В Хакасии земля всегда была общественной. Так удобнее всем. Частная собственность на землю ущемит интересы огромного большинства населения» (учитель, Аскизский р-н);

– «Хакасы бедны во всех отношениях и не смогут купить землю» (работник культуры, Таштыпский р-н; ветврач, Аскизский р-н);

– «Хакасам трудно выжить поодиночке» (учитель, Аскизский р-н);

– «Еще мало среди коренного хакасского населения людей, способных приобрести землю в собственность. Поэтому на своей исторической родине многие хакасы могут оказаться безземельными» (врач, Усть-Абаканский р-н);

– «Это будет уже не наша земля» (работник госучреждения, Аскизский р-н);

– «Землю продавать нельзя — давний закон хакасов» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия).

Морально-этические мотивы:

– «Земля, где жили мои предки, должна принадлежать нам всем, а затем — нашим потомкам, а не тем, у кого толстый кошелек» (учитель, Таштыпский р-н);

– «Нет резона продавать землю, потому что не будет будущего у наших детей» (агроном, Аскизский р-н);

– «Боюсь того, что родная полянка окажется за колючей проволокой частного владения» (студент, г. Абакан);

– «Потому что землю создавал не человек, а тем более не кто-то из ныне власть предержащих» (тракторист, Таштыпский р-н);

– «Все, что создано природой, должно бесплатно доставаться людям, и никто не имеет права это продавать» (учитель, Таштыпский р-н);

– «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает» (учитель, Аскизский р-н);

– «Земля — это то, что не может быть куплено или продано, так как она принадлежит всему народу» (тренер, Таштыпский р-н);

– «Земля принадлежит Богу, и никому другому» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);

– «История сама распределила землю людям из веков в века, поэтому ни у кого нет права ее продавать или покупать» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);

– «Земля должна быть общенародной, государственной. Но должна быть аренда ее — вплоть до пожизненной и передаваемой по наследству» (научный работник, г. Абакан).

Политические мотивы:

- «Это приведет к экономической и политической зависимости региона» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);
- «Приватизация земли — монополия отдельных лиц» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);
- «Купля-продажа земли на руку стоящим сегодня у власти» (продавец, Таштыпский р-н);
- «Мир разделится на богатых и очень бедных» (медицинский работник, Таштыпский р-н);
- «Много иностранцев скупают наши земли» (музыкальный работник, Таштыпский р-н).

Положительные мотивы.

В отличие от отрицательных положительные мотивы отличаются малой степенью разнообразия и относятся в подавляющей своей массе к типу социально-экономических. Здесь полностью отсутствуют этнокультурные и морально-этические составляющие мотивации.

Приведем дословно наиболее типичные примеры мотивов положительного отношения к купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения:

- «Земля — товар» (педагог, г. Абакан);
- «Собственность — превыше всего» (депутат Верховного Совета Республики Хакасия);
- «Земля — товар. Возникновение рынка земли будет способствовать развитию кредитной системы, привлечению инвестиций» (государственный служащий, г. Абакан);
- «Приобретение земли в собственность должно способствовать подъему сельского хозяйства, повышению уровня жизни сельских жителей» (врач, г. Абакан);
- «Потому что частники лучше за землей ухаживают, больше получают урожая» (учитель, Алтайский р-н);
- «Будет хозяин» (учитель, Аскизский р-н);
- «Пустующие земли не дают продукции. Соответственно отсутствует и польза от них для государства» (юрист, г. Абакан);
- «Так как только собственник земли может ее рационально использовать» (педагог, г. Абакан);
- «Везде нужен хозяин» (русский, депутат Верховного Совета Республики Хакасия);
- «Потому что все равно продадут. Нужно четко определить условия продажи сейчас и продавать с пользой для всех» (русский, депутат Верховного Совета Республики Хакасия);

– «Если это будет в интересах большинства и будет сопровождаться ростом отчислений в бюджет» (композитор, г. Абакан).

Таким образом, основные мотивы сводятся к схеме: рынок — товар — земля — товар — доход от продажи — рост бюджета и инвестиций — подъем экономики — частник лучше ухаживает за землей.

Абстрактно-иллюзорный характер этой схемы, основанной на стереотипах нынешнего «рыночного» сознания в России, игнорирующий реальную социально-экономическую и этносоциальную ситуацию, очевиден. К тому же ей свойствен и явный фатализм: «Потому что все равно продадут».

Мотивы затруднений в ответах по вопросу о купле-продаже земли.

Свыше двух третей экспертов, затруднившихся дать четкий ответ на этот вопрос, не указали своих мотивов или написали в анкете: «Не знаю», «Трудно сказать», «Не думал об этом». Это свидетельствует как об отсутствии определенной позиции, так и о внутренней борьбе, противоречивости сознания. Последнее подтверждается высказываниями тех, кто указал мотив затруднения в ответе.

Характерной чертой большинства таких мотивов является дуализм позиций или обусловленность их социальной ситуацией данного периода. Приведем наиболее типичные ответы экспертов:

– «Много положительного, но много и отрицательного. Где золотая середина? Пока не знаю» (глава сельской администрации, Аскизский р-н);

– «С одной стороны, рыночные отношения предполагают собственность на землю, но, с другой стороны, сельское население не имеет средств на ее приобретение. Необходим компромисс — аренда земли, передача ее по наследству» (научный работник, г. Абакан);

– «Необходимо вначале обеспечить знание населением законов и других актов о земле» (государственный служащий, Аскизский р-н);

– «Купля-продажа необходима, но с большим количеством уточнений» (педагог, г. Абакан);

– «Подобная проблема назрела, но население страны не готово к такому шагу» (педагог, г. Абакан);

– «Мы еще не можем свыкнуться с так называемым капитализмом. Традиционное хозяйство еще не сталкивалось с рынком, поэтому неизвестно, как все обернется» (журналист, г. Абакан).

Эти же группы мотивов отношения к купле-продаже земли присутствуют в ответах тувинских, алтайских и русских экспертов. Иные мотивы положительного отношения к купле-продаже земли отмечены в Туве («Уменьшится миграция из сел в г. Кызыл») и в Республике Алтай («Будет финансовая база для детей»).

Итак, свыше двух третей представителей интеллигенции народов Сибири в национальных автономиях высказались против рыночного оборота земель сельскохозяйственного и охотничье-промыслового назначения. О том, каково мнение по данному вопросу всего населения в обследуемых регионах, будет сказано в следующем параграфе. А пока обратим внимание на оценку роли фермерско-крестьянских и родовых хозяйств как некоей рыночной альтернативы колхозам, совхозам и госхозам.

Этот вопрос ставился при экспертном опросе в Республике Алтай. Ни один алтайский или русский респондент не ответил: «Да, у этих хозяйств в той форме, в какой они существуют в настоящее время, есть перспективы развития». Пессимистов, считающих, что у данных форм хозяйства вообще нет перспектив, всего 6–7%. Подавляющее большинство (95% среди алтайцев и 80% среди русских экспертов) полагают, что перспективы существуют, но только при условии государственной поддержки (выделении кредитов, обеспечении налаженного сбыта продукции и т.д.).

Следовательно, идея развития родовых и фермерско-крестьянских хозяйств не отвергается народами Сибири, но рассматривается ими в контексте государственной поддержки и не как альтернатива хозяйствам коллективной и государственной форм собственности.

Экспертиза первоочередных мер по развитию этносов. Экспертам предлагалось ранжировать по степени первоочередности 7–9 мер из предложенного исследователями перечня. Последний был составлен на основе предварительного изучения ситуации и консультаций с представителями научной и политической элиты национальных автономий. Семь мер были общими для всех регионов, а одна-две варьировались в соответствии с местной спецификой. Эксперт мог высказать свои собственные предложения. Сводные данные по экспертизе, проведенной в республиках Хакасия, Тыва, Алтай и в Эвенкийском автономном округе, представлены в табл. 6 на основе усреднения рангов.

**Первоочередные меры по развитию этносов Сибири
в оценке экспертов**

№ п/п	Меры	Место по степени первоочередности			
		Алтайцы	Тувинцы	Хакасы	Эвенки
1	Подъем экономики и уменьшение безработицы	1	1	1	1
2	Сохранение и развитие национального села (традиционных отраслей)	2	2	2	2
3	Обеспечение доступности образования и работы для молодежи	3	3	4	4
4	Формирование слоя национальных предпринимателей	4	4	5	6
5	Увеличение (квотирование) представительства этноса в органах власти и местного самоуправления	6	5	3	3
6	Расширение связей с родственными этносами (тюркскими и проч.)	7	6	7	5
7	Организация движения интеллигенции за знание населением родного языка	—	—	6	7
8	Усиление роли национально-культурных движений	—	—	8	—
9	Расширение связей со славянскими народами	8	—	—	—
10	Улучшение здоровья населения	5	—	—	—
11	Установление квоты для женщин-тувинок в органах власти Республики Тыва	—	7	—	—

Пр и м е ч а н и е . Прочерк означает, что мера не предлагалась для ранжирования в данном регионе.

Таким образом, первоочередными эксперты всех регионов Сибири считают меры по подъему экономики, уменьшению безработицы, сохранению и развитию национального села как основы выживания этноса. Затем, как правило, следуют задачи обеспечения

доступности образования и работы для молодежи — той группы населения, которая обеспечивает будущее этноса.

Для хакасов и эвенков довольно значимой оказалась проблема увеличения представительства их национальностей в органах власти и самоуправления, квотирования представительства в Верховном Совете (для Хакасии). Отчасти это обусловлено активной деятельностью культурно-политических движений «Арун» в Эвенкии и «Чон Чобі» в Хакасии, основной движущей силой которых является национальная интеллигенция. Но, по-видимому, имеются и объективные причины неудовлетворенности хакасской и эвенкийской интеллигенции тем, что государственная власть и политические системы в автономиях не решают существенных проблем жизни их народов. Во всяком случае, видимо, необходимо со всей серьезностью подходить к устройству органов власти в национальных автономиях, вводя, как, например, в Ханты-Мансийском автономном округе, ассамблеи народов — совещательные органы в законодательной ветви власти — и иные формы представительства разных народов в государственных органах и местном самоуправлении.

Однако в решении этой задачи эксперты (судя по Хакасии) не надеются на местные культурно-политические движения. Мало значимым считают эксперты и укрепление связей с родственными народами в России и за рубежом: тюркоязычными, народами Севера (для эвенков). Можно сделать вывод о том, что цивилизационные связи как фактор развития этносов слабо рефлексированы даже интеллигенцией.

К числу первоочередных большая часть экспертов не относит меры по улучшению знания населением родных языков.

Сказанное не означает отсутствия проблем в политической и культурной сферах. Вполне понятно, что, ранжируя меры, эксперты отдают предпочтение тем, которые идут от жизни, а не от представлений политиков и идеологов. Главная проблема народов — как выжить, а не как построить рынок и демократию.

В каждом из обследуемых регионов в анкеты включались также специфические меры, которые, на взгляд исследователей и консультантов из числа научной и политической интеллигенции, могли бы способствовать выводу из кризисного состояния экономики и культуры, повысить уровень жизни населения. Одновременно эти меры выступают как конкретизация первоочередных задач, способов подъема экономики, решения социальных проблем.

Так, в *Эвенкии* почти все эксперты (91%) считают, что в течение ближайших лет проблема выживания населения может быть решена только при условии прямой государственной помощи, поэтому необходимо восстановление централизованного снабжения округа товарами первой необходимости. И это мнение вполне резонно, поскольку, как отмечалось в первой главе, и промышленность, и сельское, и традиционное промысловое хозяйство за годы реформ были разрушены настолько, что местное производство товаров даже первой необходимости в ближайшие годы вряд ли удастся восстановить. В отчете о социально-экономическом положении Эвенкийского автономного округа за первое полугодие 1999 г. приводятся такие цифры: в промышленности и сельском хозяйстве округа произведено продукции на 17,7 млн руб., а денежные доходы населения за тот же период составили 81,8 млн руб. Разница — в 4,6 раза. Основные источники доходов населения — зарплата бюджетников (в основном в столице округа — пос. Тура, где много учреждений федеральных структур), а также пенсии, пособия, охота, рыбалка, сбор дикоросов. Немаловажным источником доходов стала и гуманитарная помощь из-за рубежа. Так, зимой 1998–1999 г. было получено 9 тыс. продовольственных посылок на сумму 5 млн руб., 22 т одежды и обуви из Швеции¹. И это при том, что население округа составляет менее 20 тыс. чел. Поэтому гуманитарную помощь получила, и не по одному разу, практически каждая малоимущая семья.

В дореформенный период в округе были кое-какие промышленные и строительные организации, а сельское и промысловое хозяйство, представленное колхозами, совхозами, коопромхозами (кооперативными промысловыми хозяйствами), обеспечивало не только занятость и зарплату, но и продовольствие для населения². «Радикальные» реформы сломали хрупкую, пусть и не очень экономически эффективную в суровых природно-климатических условиях данного региона, экономическую систему, не дав взамен практически ничего, кроме демагогических рассуждений о свободе предпринимательства, деградации трудовой морали и формирования психологии «большого интерната для взрослых».

¹ Данные взяты из стенограммы Первого съезда сельских жителей и сельхозтоваропроизводителей Эвенкийского автономного округа.

² См., например: *Эвенки бассейна Енисея*. Новосибирск, 1990.

Примерно две трети (62,5%) экспертов перспективы развития экономики и социальной сферы в Эвенкии видят в разработке нефтяных месторождений. Однако это требует больших капитальных вложений в обустройство нефтепромыслов и строительство трубопроводов, поэтому вряд ли можно рассчитывать на получение больших доходов от нефтедобычи в ближайшие годы. Кроме того, доходы нефтяных компаний еще не гарантируют роста доходов местного, особенно аборигенного, населения, но зато «гарантируют», как это имеет место в Западной Сибири, загрязнение окружающей среды, хищническое истребление пушного зверя и прочие негативные последствия.

Тем не менее нефтяная отрасль промышленности при разумных методах ее развития может стать тем локомотивом, который способен вытащить экономику Эвенкии из глубочайшего кризиса. Для этого в России необходимо законодательно решить вопрос об увеличении отчислений в федеральный и местные бюджеты доходов от природной ренты. Продовольственное обеспечение населения немислимо за счет завоза всех товаров из других регионов и гуманитарной помощи. Не могут его обеспечить и сотня-полторы фермеров, производящих всего 4% сельхозпродукции округа. Поэтому вполне обоснованно положительное отношение 60% экспертов к идее восстановления совхозов и кооппрохозов, на которых базировались не только производство продукции, занятость населения, но и содержание социальной инфраструктуры поселений, особенно отдаленных, что имеет жизненно важное значение для коренного населения, в первую очередь эвенкийского. Безусловно, без изменения ценовой политики государства в отношении продукции сельского и промыслового хозяйства, без государственной помощи и регулирования восстановить порушенное невозможно. Как известно, «ломать — не строить», а в тайге с психологией индивидуализма не выжить.

В связи с экономическим и социальным кризисом, угрозой для выживания, особенно в суровых условиях сибирской зимы, для населения Эвенкии, в том числе аборигенного, актуализировался вопрос о возможном его территориальном перемещении — переселении из мелких и отдаленных сел в крупные или даже выезде за пределы округа. Поэтому важно было выявить мнение экспертов по этому вопросу.

Подавляющая их часть (94%) отрицательно относится к выезду эвенков за пределы округа. Менее единодушны эксперты в отноше-

нии перспективы переселения эвенков из небольших сел в крупные, но и эту меру 78% из них оценили отрицательно. Хотя подобного рода стихийная миграция происходит в настоящее время, она ведет к избыточному росту числа жителей крупных поселений, в первую очередь окружного центра — пос. Тура, что в условиях развала производства обостряет проблемы безработицы, усиливает нагрузку на службу социальной защиты населения, социальную инфраструктуру (жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение и др.).

Три четверти экспертов отрицательно отнеслись и к перспективе выезда из округа русских и представителей других некоренных национальностей. Это, по их мнению, еще больше усугубило бы социально-экономическую и социокультурную ситуацию в округе.

Таким образом, различного рода миграционные меры не рассматриваются экспертами-эвенками в качестве эффективных способов выхода из кризиса и обеспечения выживания своего народа.

В *Республике Алтай* проводилась социологическая экспертиза следующих мер, могущих положительно или отрицательно повлиять на благополучие алтайского и других народов: 1) активная разработка месторождений полезных ископаемых; 2) возрождение и развитие промышленности; 3) восстановление коллективных и государственных сельскохозяйственных предприятий; 4) строительство дороги на Китай через Республику Алтай; 5) строительство Катунской ГЭС; 6) переселение жителей из сельской местности в город.

Практически все эксперты (95% алтайских и 93% русских) отметили, что возрождение и развитие промышленности положительно сказалось бы на благополучии этносов республики, т. е. в сознании интеллигенции республики отсутствуют антииндустриальные установки. Другое дело, что промышленное развитие не должно наносить невосполнимый ущерб окружающей среде. В этом плане каждый шестой эксперт-алтаец полагает, что строительство Катунской ГЭС отрицательно скажется на благополучии алтайцев, хотя в целом положительно относятся к этой идее больше половины из них (58%).

Среди русских экспертов отношение к строительству ГЭС намного лучше (лишь 3% против, 73% — за). Возможно, это объясняется тем, что русские проживают в основном в г. Горно-Алтайске и негативные экологические последствия строительства Катунской ГЭС воспринимаются ими как меньшее зло по сравнению с гипотетически позитивными социально-экономическими (дополнительный источник электроэнергии и т.п.). Однако после землетрясений

в Республике Алтай в 2003 г. строительство Катунской ГЭС становится проблематичным вне зависимости от общественного мнения населения региона.

По-видимому, эти же различия в социальном положении сказываются и на отношении к идее активной разработки полезных ископаемых в республике. Три четверти (77%) русских экспертов полагают, что это будет благом для народов Горного Алтая, и лишь 3% — злом, в то время как эксперты-алтайцы более сдержанны в оценках: менее половины (42%) — за, четверть (26%) — против и треть (32%) затруднились с ответом. Алтайцы — в основном сельские жители горных районов, и для них горно-рудные производства всегда «головная боль» и с экономической, и с экологической точек зрения, особенно в нынешних условиях «дикого» российского рынка.

Что же касается еще одной меры индустриального плана — строительства дороги на Китай через Горный Алтай, алтайцы относятся к ней крайне отрицательно (ни одного голоса экспертов «за», а 79% — «против»). У русских тоже нет преобладания позитивных оценок (треть — против, треть — не имеет мнения, и лишь четверть — за). При этом минусы видятся не в самой дороге, а в негативных экологических последствиях ее строительства и эксплуатации, а также в возможной экспансии из Китая контрабанды и наркотиков.

Относительно мер в аграрной сфере у алтайских и русских экспертов наблюдается полное единодушие: отрицательное отношение к переселению сельских жителей в города («за» не более 5%) и положительное — к восстановлению колхозов и госхозов (70% — за при 21—30% затруднившихся с ответом и менее 5% — против). В республике всего один город — ее столица, где ни экономика, ни социальная инфраструктура, ни энергетика не выдержат дополнительной нагрузки, а переселение в другие регионы ослабляет внутриэтнические связи и рассматривается как «распыление» этноса. Относительно же сельскохозяйственных предприятий коллективной и государственной форм собственности в сознании интеллигенции еще не стерлись в памяти их преимущества по сравнению с нынешними маломощными, лишенными государственной поддержки фермерскими и крестьянскими хозяйствами, основывающимися главным образом на живом труде, мелкотоварными и обеспечивающими выживание лишь незначительной части населения. Как уже отмечалось, эксперты полагают, что у фермерских хо-

зьяств есть определенные перспективы развития, но лишь при условии их государственной поддержки.

В развитии национальной культуры и национального самосознания важную роль играет архитектурно-художественный облик столиц республик Сибири, где сосредоточена основная часть политической и культурной элиты этносов. Насколько разделяет этот взгляд вся интеллигенция, выяснялось в Хакасии и Туве.

Экспертам в *Хакасии* предлагалось дать свою оценку (по шкале: очень важно, важно, не важно) следующих предложений по развитию столицы — г. Абакана: 1) усилить национально-хакасский колорит города (в архитектуре, рекламе и т.п.); 2) расширить производство и продажу изделий национально-прикладного искусства. Третье предложение, дебатированное в хакасских политических кругах, заключалось в том, чтобы законодательно обеспечить квоту представительства хакасов в городском Совете депутатов, поскольку ввиду преобладания в Абакане русского населения количество депутатов-хакасов в городском Совете крайне незначительно. В итоге экспертного опроса оказалось, что и городская, и сельская интеллигенция из числа аборигенного населения считает очень важным обеспечение квотирования: «за» высказались по 60%. Еще 35% считают это важным, и лишь 5% — не важным. Эксперты-русские имеют по данному вопросу иное мнение: половина полагает, что это не важно, и лишь каждый седьмой эксперт посчитал данное предложение очень важным. В то же время и у хакасов, и у русских нашли поддержку предложения культурного плана, особенно по усилению хакасского колорита столицы: считают это очень важным 38% экспертов-хакасов и 20% русских, важным — по 60% и тех, и других. Примерно так же распределились ответы и по предложению относительно производства и продажи изделий национально-прикладного искусства.

Интересно, что предложения культурного плана нашли несколько бо́льшую поддержку среди мужчин — и хакасов, и русских. Заметно также, что их в большей степени поддерживают интеллигенты-«традиционалисты», нежели «космополиты», хотя и у последних четко выражена позиция поддержки данных мероприятий. Разумеется, они не столь значимы в сравнении с главной задачей по выходу из социально-экономического кризиса в республике. Но реализация предложений по приданию столице национально-хакасского колорита не требует больших финансовых и материаль-

ных затрат и сыграла бы важную роль в духовной жизни народа и хакасской творческой интеллигенции, одновременно способствуя хакасско-русскому межкультурному взаимодействию.

В Туве эксперты оценивали аналогичные предложения культурного плана по развитию столицы республики г. Кызыла. Отношение к ним и тувинцев, и русских близко к тому, что наблюдалось в Хакасии. Характерно, что эксперты-русские даже более активно поддерживали идею увеличения производства и продажи предметов тувинского национального прикладного искусства, чем эксперты-тувинцы. Хотя тувинский колорит в облике Кызыла присутствует, а хакасский в Абакане почти не виден, интеллигенция Тувы считает, что в этом направлении еще многое можно сделать в архитектурно-художественном плане, предлагая также благоустроить город, убрать с улиц торговые киоски, построить крытый рынок и т.д.

Предложения экспертов по развитию языков аборигенов Сибири. Экспертиза языковой ситуации и мер по развитию родных языков проводилась в Хакасии, Туве, Горном Алтае и Эвенкии, причем в Хакасии, Эвенкии и Туве — по одной методике, а в Горном Алтае — по другой. В Горном Алтае эксперты отвечали на вопрос: «На каком языке предпочтительнее вести в настоящее время обучение: а) в вузе, б) в техникуме, колледже, в) в профессиональном училище, г) в школе?». Варианты ответов: на алтайском; на русском; на алтайском и русском; на другом языке (указать, на каком).

В Хакасии, Туве и Эвенкии экспертам предлагалось ответить на вопрос: «Какие меры по расширению круга знающих хакасский (соответственно — тувинский, эвенкийский) язык Вы считали бы нужным предпринять в первую очередь?». При этом надо было выбрать три наиболее важные из семи охватывающих весь спектр языковой политики или дать свой вариант ответа. Среди мер предлагались следующие: 1) расширить подготовку преподавателей языка; 2) обучать языку в национальных группах детских садов и яслей; 3) расширить факультативное преподавание языка в русских школах; 4) увеличить длительность преподавания языка в школах; 5) совершенствовать методику преподавания языка в учебных заведениях; 6) увеличить число часов вещания на национальном языке на радио и ТВ; 7) расширить выпуск газет, журналов, книг на родном языке; 8) другое (написать). Предлагалось также подчеркнуть главную, на взгляд респондента, меру. В обследовании по Туве и Эвенкии добавлялся еще один пункт: «Законодательно ввести требова-

ние об обязательном знании тувинского (эвенкийского) языка руководителями (служащими) государственных учреждений республики (округа)».

В Хакасии эксперты-хакасы — горожане и сельчане, мужчины и женщины, представители большей части профессиональных групп — к числу основных мер по развитию хакасского языка относят в первую очередь обучение на нем в хакасских группах детских дошкольных учреждений. Затем следуют (в порядке снижения частоты выбора): совершенствование методики преподавания языка, увеличение часов вещания на хакасском языке на радио и телевидении.

Другие меры считаются существенно менее значимыми. На четвертом месте по частоте выбора находится такая мера, как увеличение длительности преподавания родного языка в школах, на пятом — расширение выпуска литературы и периодики на хакасском языке. И на последнем — расширение подготовки преподавателей хакасского языка. Видимо, это сейчас не представляет особой проблемы. Так считают и наиболее компетентные в этом вопросе эксперты — педагоги учебных заведений: ни один из них не отнес эту меру к числу главных и лишь каждый седьмой включил ее в число трех значимых.

Важно отметить, что по отношению к развитию хакасского языка эксперты всех трех этнокультурных типов — «традиционалисты», «модернисты» и «космополиты» — занимают сходные позиции: в каждой группе две трети отметили необходимость обучения хакасских детей родному языку в национальных группах яслей и детских садов. В отношении к другим мерам есть некоторые различия, но главное в том, что «модернизм» и «космополитизм» части хакасской интеллигенции неустойчивы, в этих группах не наблюдается стойкого отвержения родного языка и овладения им своими детьми. При определенных условиях доля «традиционалистов» в хакасском этносе может возрасти благодаря рациональной и активной языковой политике, предусматривающей обучение на родном языке, начиная с ранних детских лет.

Эксперты-русские, обладающие меньшей степенью компетентности в знании ситуации с хакасским языком и языковой политике, отдают предпочтение такой мере, как расширение факультативного преподавания хакасского языка в русских классах и школах (44%). Далее следуют совершенствование методики преподавания языка (40%), обучение языку в национальных группах яслей и детских садов

(34% ответов). Заслуживает внимания немалая степень готовности русской интеллигенции к введению факультативного изучения хакасского языка в русских классах и школах. Правда, эксперты-хакасы менее оптимистичны в этом вопросе (27% ответов). Следовательно, нынешний относительно низкий уровень знания хакасского языка русским населением республики есть результат скорее нерациональной языковой политики властей, а не отрицательных установок населения.

В Туве первоочередной мерой по расширению круга знающих тувинский язык эксперты-тувинцы считают расширение выпуска учебной и детской литературы (15% ответов), затем следуют обучение тувинскому языку в национальных группах детских садов и яслей (12%), увеличение времени вещания по радио и телевидению на тувинском языке (9%), увеличение числа тувинских и тувинско-русских классов в школах с преподаванием тувинского языка (8%).

Русские эксперты в Туве наиболее значимыми мерами по овладению русским населением тувинским языком назвали введение факультативного преподавания тувинского языка в русских школах (21% ответов), увеличение числа тувинских и тувинско-русских классов в школах с преподаванием тувинского языка (18%, что вдвое больше, чем среди экспертов-тувинцев) и обучение тувинскому языку в национальных группах детских садов и яслей (14%).

Обратим внимание на то, что затруднились определить свое отношение к мерам по расширению круга знающих тувинский язык треть (34%) экспертов-тувинцев и четверть (25%) экспертов-русских, полагающих, по-видимому, что в Туве эта проблема и для тувинцев, и для русских не очень актуальна. Важно, однако, что здесь, как и в Хакасии, русская интеллигенция выражает стремление к овладению тувинским языком путем обучения детей в дошкольных учреждениях и введения факультативов в школах. В то же время все русские эксперты не поддержали идеи законодательного введения требования об обязательном знании тувинского языка руководителями государственных учреждений республики и увеличения времени вещания на тувинском языке по радио и телевидению. Среди тувинцев тоже немного (7%) тех, кто ратует за законодательное закрепление требования знания тувинского языка руководителями.

Тувинские и русские эксперты предлагают открывать курсы по изучению тувинского языка, издавать тувинско-русские разговорники и т.д., иными словами — расширять культурное пространство

взаимодействия языков, а не ужесточать административно-правовые меры.

Эксперты отмечают также наличие проблемы слабого владения русским языком тувинской сельской молодежью. Это связано с абсолютным доминированием тувинцев среди сельского населения и повсеместно распространенной практикой их общения на родном языке. В сельской местности практически отсутствуют объективные условия для использования русского языка в повседневной жизни. Отсюда одна из главных проблем для молодежи — большие трудности в продолжении образования за пределами сельских населенных пунктов, особенно вне Тувы. Для ее решения предлагаются расширение круга специальностей, по которым ведется обучение в Тувинском государственном университете, создание университетского городка. Однако проблема хорошего знания тувинской молодежью русского как государственного языка и языка межнационального общения будет сохранять свою актуальность, поскольку набор специальностей, по которым ведется обучение в Кызыле, ограничен и не может удовлетворить растущие потребности молодежи.

В *Эвенкии* эксперты-эвенки считают первоочередной меру по расширению подготовки преподавателей эвенкийского языка (18% ответов), далее следуют увеличение числа часов вещания по радио и телевидению на эвенкийском языке (15%), обучение языку в детских садах и яслях (13%), расширение выпуска книг, газет и журналов (11%), увеличение длительности преподавания эвенкийского языка в школах (8%).

Лишь по 6% экспертов-эвенков считают главными такие меры, как факультативное преподавание эвенкийского языка в русских школах и увеличение числа эвенкийско-русских классов. На законодательное оформление требования для служащих государственных учреждений *Эвенкии* знать эвенкийский язык как на главную меру указал лишь каждый восьмой эксперт.

В целом материалы экспертного опроса показывают, что социолингвистические проблемы в национальных автономиях Сибири существуют, имеют свою специфику в каждом регионе и требуют более детального изучения. Но реализация даже тех предложений, которые высказаны экспертами из числа интеллигенции, способствовала бы развитию двуязычия — овладению и языками аборигенов Сибири, и русским языком.

Еще сложнее обстоит дело с поддержкой практики многоязычия (например, у эвенков Бурятии, теленгитов в Республике Алтай и др.). Как ребенку одновременно овладеть, скажем, эвенкийским, бурятским, русским языками и еще одним из иностранных в школе, чтобы в полной мере чувствовать причастность и к своему этносу, и к республике, и к России, и ко всему человечеству в условиях глобализации? Вопрос совсем не простой, и решается он зачастую, особенно у малочисленных этносов, путем жертвования родным языком. В конечном счете это не способствует сохранению этнокультурного многообразия человечества.

Проблемы местного самоуправления. В научных и политических кругах ряда национальных автономий Сибири развитие местного самоуправления рассматривается в качестве важного условия преодоления существующего экономического и социального кризиса и возрождения этносов. При этом часто исходят из того факта, что основная часть аборигенов Сибири проживает в сельской местности и в районах их компактного расселения органы местного самоуправления в значительной мере формируются из представителей аборигенного населения. Это позволяет лучше учесть его разнообразные интересы в сфере занятости (развитие традиционных отраслей производства), в быту, культуре, развитии образования на родном языке. Немаловажную роль играет также стремление использовать зарубежный опыт аборигенного самоуправления (Канада, Скандинавские страны и др.).

В принципе эти рассуждения справедливы, если учитывать взаимосвязь государственного управления и самоуправления и социально-экономического положения стран и регионов. Вне данной взаимосвязи идея местного самоуправления как фактора этнического развития становится иллюзорной.

В нашем случае отношение к местному самоуправлению исследовалось среди научной и политической элиты Республики Алтай. Предлагалось ответить на вопросы: «Поддерживаете ли Вы идею местного самоуправления?» и «Имеют ли органы местного самоуправления достаточно возможностей и самостоятельности, чтобы эффективно действовать в следующих сферах: 1) занятость и трудоустройство населения; 2) помощь малообеспеченным семьям; 3) здравоохранение; 4) жилищная сфера; 5) коммунальное хозяйство; 6) отдых и культура; 7) борьба с преступностью; 8) охрана окру-

жающей среды; 9) социальное обеспечение; 10) межнациональные отношения; 11) развитие экономики; 12) другие сферы?»).

Выяснилось, что алтайская интеллигенция в своем большинстве (68%) поддерживает идею местного самоуправления. Меньше единства по данному вопросу у русской интеллигенции: положительно относится к местному самоуправлению половина (50%) экспертов, отрицательно — 30%, затруднились ответить 20%.

Что же касается вопроса о возможностях органов местного самоуправления решать проблемы в тех или иных сферах жизни, то единодушия среди экспертов нет. Зачастую возможности эти по-разному оцениваются алтайцами и русскими, а также разными экспертами в одной и той же этнической группе. Более-менее согласованное позитивное мнение («имеют возможности») наблюдается лишь в отношении таких сфер жизни, как охрана окружающей среды (58% среди алтайцев, 63% среди русских) и межнациональные отношения (47% среди алтайцев и 57% среди русских). Негативное мнение о возможностях местного самоуправления высказано и алтайскими, и русскими экспертами в отношении жилищного хозяйства (соответственно 63 и 58% ответов), здравоохранения (63 и 50%) и социального обеспечения (63 и 50%). По остальным сферам экспертные оценки противоречивы. Если примерно половина (53%) русских экспертов полагает, что органы местного самоуправления имеют достаточно возможностей, чтобы решать проблемы экономики, то среди алтайцев так считают лишь 11% (68% имеют противоположное мнение). По отношению к вопросам занятости и трудоустройства, культуры и отдыха, борьбы с преступностью мнения алтайцев разделились примерно пополам: около 40% считают, что у местного самоуправления есть возможности решать проблемы в этих сферах, столько же — что таких возможностей нет. Большинство (70%) русских экспертов позитивно высказались о возможностях органов самоуправления в сфере досуга, отдыха, культуры, алтайцы же придерживаются противоположного мнения.

Как видим, даже у наиболее компетентной по вопросам самоуправления части населения республики нет достаточного единодушия в отношении возможностей самоуправления решать те или иные проблемы в различных сферах жизни в настоящее время. Причины несовпадения представлений о задачах, возможностях и препятствиях развития местного самоуправления в данном исследовании не выяснялись, но понятно, что они требуют изучения, а сама

идея самоуправления — более конкретной пропаганды среди населения во избежание превращения ее в пустой политический лозунг.

Однако даже в тех регионах, где развитие местного самоуправления базируется на взаимодействии науки и управления, где эта идея широко пропагандируется и реализуется в различных формах, население имеет довольно смутное представление о сущности и задачах местного самоуправления. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе, где с начала 1990-х гг. под руководством В.В. Мархинина в сотрудничестве с администрацией округа проводятся социологические исследования образа жизни, межэтнических отношений, становления системы местного самоуправления в этнически смешанных поселениях и где проведена значительная организационно-управленческая работа по развитию этой системы, в результате массовых опросов населения выяснилось, что лишь 9% представителей народов Севера (хантов, манси, ненцев и др.) и 12% русских считают, что им «хорошо известно, что представляет собой система местного самоуправления в отличие от назначаемых сверху органов управления (администрации)», еще 25 и 20% соответственно дали ответ «известно, но не очень хорошо», а почти половине (44 и 48% соответственно) «мало что известно» при 20–24% затруднившихся ответить, которых можно отнести к тем, кому мало или ничего не известно по данному вопросу. И когда 45% из числа и принадлежащих к народам Севера, и русских отвечают «Да, поддерживаю» на вопрос анкеты «Поддерживаете ли Вы создание системы местного самоуправления?» и лишь 14% — «Нет, не поддерживаю», а 40% затрудняются с ответом, можно полагать, что эта поддержка носит полуинтуитивный характер, хотя 56% сочли бы возможным голосовать на выборах в органы местного самоуправления, 35–37% — участвовать в сходах (собраниях) граждан, 20% — подписывать разного рода обращения, обеспечивать порядок на своей улице. При этом лишь 6% готовы быть избранными в органы местного самоуправления¹.

К сожалению, нынешний правовой статус органов местного самоуправления в политической системе российского общества, их крайне незначительные по сравнению с органами государственной власти правовые и финансово-материальные возможности в реше-

¹Мархинин В.В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах (социологическое исследование в сельских районах Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 2000. С. 236, 240–242.

нии значимых для населения экономических, социальных, культурных проблем не позволяют надеяться на то, что они могут играть заметную роль в выживании и развитии тех или иных народов. Что же касается соотношения этнических и территориальных форм местного самоуправления, то мы поддерживаем позицию В.В. Мархинина, считающего, что «самой естественной, способной удовлетворить потребности малочисленных народов в этническом развитии, формой самоуправления является их национально-культурная (этнокультурная, в отличие от этнотерриториальной) автономия в рамках общей системы местного самоуправления в национально-смешанных поселениях, субъектом которой выступает целостное местное межэтническое сообщество»¹. Полагаем, что такой подход применим не только к малочисленным народам Севера.

Перспективные модели этносоциального развития. В вопросе экспертов из Хакасии, Тувы, Горного Алтая и Эвенкийского автономного округа выяснялось их мнение по дискутируемому в кругах интеллигенции вопросу о трех возможных моделях сохранения и развития аборигенных народов Сибири: «традиционалистской» (преимущественное развитие традиционного хозяйства и культуры), «модернистской» (широкое участие в современной промышленности и бизнесе) и компромиссной «неотрадиционалистской» (сочетание традиционных занятий и культуры с современной промышленностью и бизнесом). При этом предполагалось, что «традиционализм» не сводится к отказу от индустрии и к изоляционизму, а «модернизм» не означает полного игнорирования традиционных занятий и культуры. Речь идет лишь о предпочтении того или иного направления. Важно было изучить соотношение мнений о названных трех моделях этносоциального развития и, по возможности, распределение этих мнений среди различных групп экспертов, выделенных по признакам национальности, места проживания (село, город), пола, социально-профессиональной принадлежности и т.д., т.е. выявить группы носителей идеологии «традиционализма» и «модернизма». Поскольку курс нынешних рыночных преобразований в России определяется верхними эшелонами федеральной власти, придерживающимися в целом радикал-модернистских взглядов, ставилась также задача выяснить, насколько этот курс поддерживается интеллигенцией народов Сибири — наиболее

¹Мархинин В.В. Местное самоуправление... С. 175.

«продвинутой» в социокультурном плане группой населения. Сводные данные экспертного опроса приведены в табл. 7.

Таблица 7

**Наиболее перспективные модели этносоциального развития,
% в группе**

Модель развития	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы	Эвенки
Преимущественное развитие традиционного хозяйства и культуры	5	10	21	19
Преимущественное развитие современной промышленности и бизнеса	0	17	20	14
Сочетание традиционных занятий и культуры с современной промышленностью и бизнесом	74	68	56	62
Не ответили	21	5	3	5

Компромиссную, «неотрадиционалистскую» модель выбрала основная масса экспертов. «Модернистскую» никто в Республике Алтай не выбрал и максимум 20% в Республике Хакасия. Не популярна и «традиционалистская» модель, причем даже в таких аграрных республиках, как Тыва и Алтай.

Русские эксперты в этих республиках, особенно сельские жители, даже в меньшей степени, чем, например, тувинские и хакасские, считают, что для аборигенов Сибири перспективна «модернистская» модель развития. Если, например, в Хакасии на селе среди хакасов 28% «традиционалистов», то среди русских — 40%. Напомним, что русские эксперты оценивали модели этносоциального развития хакасов, а не русских. Примерно такая же картина и в других республиках. Возможно, во мнениях русских проявляется некоторая инерционность в оценке «рыночных» потенций аборигенов, а у последних, наоборот, некоторое опережение в оценке этих потенций.

Однако в целом выбор различных моделей этносоциального развития аборигенных народов Сибири качественно схож и у русских, и у других экспертов — алтайцев, хакасов, эвенков, тувинцев. Можно полагать, что это устойчивое, консолидированное мнение представителей разных этносов Сибири по данному вопросу.

Что же представляют собой в социальном плане «традиционалисты» и «модернисты»? Анализ распределения соответствующих позиций по различным социальным слоям дает следующие обобщенные социальные портреты, с небольшими отличиями по регионам.

«Традиционалисты» — это скорее сельские жители, женщины, лица со средним образованием, работники материального производства, учреждений культуры, пенсионеры. «Модернисты» — это и горожане, и сельчане, скорее лица со средним специальным образованием, мужчины, специалисты образования и здравоохранения.

Подчеркнем, что речь идет не о том, будто большинство представителей этих слоев являются «модернистами» или «традиционалистами» по своему мировоззрению, а лишь о соотношении тех и других экспертов в данных социальных слоях. Большинство во всех слоях придерживается компромиссной модели этносоциального развития.

Существует определенная корреляция ответов экспертов, представляющих различные этнокультурные типы, по языковой политике и по перспективным моделям этносоциального развития. Например, в Хакасии среди тех экспертов-хакасов, которые считают, что каждый человек должен осознавать свою национальность, знать ее язык и культуру («традиционалисты»), больше всего (24%) и тех, кто выбирает «традиционалистскую» модель этносоциального развития («модернистов» в этой группе 20%). В группе же «космополитов» в отношении языка и культуры («главное — быть достойным человеком») «традиционалистскую» модель развития этноса поддерживают 15%, а «модернистскую» — почти вдвое больше (27%). В то же время во всех группах, выделенных по этнокультурному типу в отношении развития языка, большинство (56–58%) составляют те, кто придерживается компромиссной, «неотрадиционалистской» точки зрения в отношении перспективных моделей этносоциального развития.

Можно, следовательно, полагать, что в сознании интеллигенции титульных этносов Сибири наметился определенный сдвиг в сторону «рыночной» модели этносоциального развития, причем этот сдвиг выражен тем четче, чем дальше отстоит та или иная социально-профессиональная группа от сфер материального производства и духовной культуры.

В экспертном обследовании в Республике Алтай отношение интеллигенции к различным моделям этносоциального развития кон-

кретизировалось ее отношением к различным формам собственности. Ответы на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять властям всех уровней для успеха нынешних реформ в Республике Алтай?» распределились так: «более решительно развивать частную собственность в промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания» — 21% среди экспертов-алтайцев и 27% среди русских; «не производить существенных изменений в курсе реформ, так как в целом он верен» — соответственно 11 и 3%; «более решительно развивать государственную и коллективную формы собственности» — соответственно 47 и 57%. Таким образом, очевидно осознание и алтайской, и русской интеллигенцией необходимости корректировки реформ в сторону усиления развития государственной и коллективной форм собственности. Есть основания полагать, что такую же позицию занимает интеллигенция (и не только она) других народов Сибири. Этот вывод будет подтвержден ниже материалами массового социологического опроса в Республике Хакасия.

2. РЕФОРМЫ В ОЦЕНКАХ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Как отмечалось во Введении, в 2002 г. сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН совместно с учеными Хакасии, Тувы и Республики Алтай была начата реализация исследовательского проекта «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века», основная цель которого — выявление этнических и цивилизационных факторов современных модернизационных (рыночных) преобразований в Сибири. Далее будет обобщена та часть материалов проведенного в Республике Хакасия массового социологического опроса хакасского и русского населения¹, которая имеет непосредственное отношение к итогам российских реформ конца XX — начала XXI в. и коррелирует с данными экспертного опроса. Привлекая в данной работе материалы массового опроса, мы исходим из понимания важности оценки того, в какой мере другие группы населения разделяют мнения интелли-

¹Опрос проведен в 2002 г. по репрезентативной по возрасту, полу, месту проживания, социальной группе районированной выборке в городах и селах Хакасии среди 455 хакасов и 388 русских старше 16 лет. Группа русских взята для сравнения результатов обследования по этническому и цивилизационному признакам с группой хакасов. Материалы массовых опросов в республиках Тыва и Алтай находятся в стадии обработки.

генции о результатах и проблемах рыночных преобразований в России и их влиянии на судьбы народов.

Отношение к феноменам рыночных преобразований. Экспертам предлагалось высказать свое отношение к разного рода феноменам, появление которых в российском обществе так или иначе связано с рыночными преобразованиями (табл. 8). Первое, что бросается в глаза — близость позиции хакасских и русских респондентов по многим вопросам. Есть определенные количественные различия, касающиеся отдельных явлений (о которых будет сказано ниже), но качественная оценка феноменов и последствий рыночных преобразований идентична, что позволяет сделать вывод о близости их ценностных ориентаций в данном вопросе.

Лишь относительно явлений культурного плана (осознание людьми своей национальности, рост числа верующих, создание частных средств массовой информации) больше положительных оценок, чем отрицательных, и среди русских, и среди хакасов. Однако политизация «этнического ренессанса» (объединения в партии и движения по национальному признаку) не одобряется и теми, и другими, хотя положительно к ней относится четверть хакасского и восьмая часть русского населения Хакасии. Не так много опрошенных (около 40%) считают благом и рост числа верующих, относясь к данному феномену скорее индифферентно, чем отрицательно. Так что единственный очевидный плюс (из числа оцениваемых респондентами явлений), который отмечают и хакасы, и русские, — это рост национального самосознания, причем для хакасов он имеет большее значение (82%), чем для русских (54%).

Это обстоятельство, конечно, играет важную роль в жизни народов, но одно оно не в состоянии вытащить их из глубокого экономического и социального кризиса, вызванного современными реформами. Суть последних, как известно, состоит в приватизации собственности, введении свободных цен и свободного оборота земли, сильном социальном расслоении населения, в том числе на сверхбогатых и сверхбедных, появлении безработицы, введении платных услуг в образовании, здравоохранении и проч.

К сущностным феноменам рыночных реформ и хакасское, и русское население относится крайне отрицательно, особенно к таким, как безработица, платные медицинские услуги, купля-продажа земли, продажа акций российских предприятий иностранному капиталу: не приемлют их 80–95%, а поддерживают менее 10% опрошенных. При этом, например, по вопросу купли-продажи земли доля

Отношение хакасов и русских к феноменам рыночных реформ в России, % в группе

№ п/п	Феномен	Положительное		Отрицательное		Равнодушное		Неопределенное	
		Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские
1	Приватизация фабрик, заводов	6	13	66	60	11	8	14	16
2	Преобразование колхозов, совхозов в акционерные общества и частные хозяйства	13	24	63	45	7	13	15	16
3	Купля-продажа сельскохозяйственных угодий	4	8	83	70	2	9	10	12
4	Введение свободных цен (либерализация)	12	18	65	58	6	8	16	15
5	Перепродажа товаров	12	15	61	56	13	17	12	11
6	Появление слоя богатых людей	10	18	56	45	20	23	12	12
7	Рост различий между людьми по уровню доходов	4	7	66	64	18	16	11	11
8	Появление богатых людей в органах власти	2	10	69	62	16	16	11	11
9	Продажа акций российских предприятий иностранному капиталу	4	7	79	71	6	6	10	16
10	Появление безработицы	1	1	95	92	1	3	3	3
11	Создание частных газет, радио- и телевизионных каналов	42	48	26	24	19	19	12	9
12	Введение платного образования	4	6	88	80	2	3	6	10
13	Введение платных медицинских услуг	2	6	91	85	1	2	5	7
14	Осознание людьми своей национальности	82	54	3	12	5	18	8	15
15	Объединение в партии, движения по национальному признаку	25	12	38	49	17	21	16	15
16	Рост числа верующих	44	41	13	13	28	31	13	14

сторонников этой акции во всем хакасском и русском населении в 2–3 раза меньше, чем в группе экспертов из интеллигенции.

В последнее время в научных публикациях и средствах массовой информации все чаще обсуждается тема «Любят ли в России богатых людей?». Возможно, потому, что социальное расслоение по доходам превышает мировой уровень, а социальное напряжение в обществе грозит обернуться не только «отстрелом» состоятельных людей, но и социальным взрывом. Поэтому идеологам и сторонникам «русского рынка» очень хотелось бы социального мира между богатыми и бедными.

Материалы опроса населения в Хакасии вынуждают разочаровать апологетов рынка: ни хакасы, ни русские в большинстве своем не любят богатых, особенно когда они находятся у власти. Если еще 10% хакасов и 18% русских положительно относятся к их появлению и лишь около 50% — отрицательно, то к стремительному росту различий по уровню доходов отрицательно относятся уже две трети хакасов и русских (и всего 4–7% — положительно). Примерно такое же отношение и к появлению богатых во власти.

В исследовании не ставилась задача непосредственного выяснения мотивов подобного отношения населения к рыночным феноменам, но они отчетливо следуют из социальных результатов российских реформ, отражающихся в приведенных в первой главе данных государственной статистики и в оценке людьми тех изменений, которые произошли в их жизни за годы реформ.

Оценка изменения условий жизни. Для большей конкретности эти изменения за последние 10 лет респондентам предлагалось оценивать в масштабе того населенного пункта, в котором они проживают. Распределение ответов приведено в табл. 9. Опять-таки и здесь обращает на себя внимание схожесть в оценках изменения различных условий жизни со стороны хакасского и русского населения. И это не случайно, поскольку представители разных этносов, живя вместе, находятся в равных условиях, переживают одни и те же трудности и успехи, решают одинаковые жизненные проблемы.

Что касается успехов, то превышение положительных мнений над отрицательными отмечается у хакасов и русских лишь по 6 признакам из 20 оцениваемых. Это оценка частного предпринимательства и культурных факторов — возрос интерес людей к религии, родному языку и традиционным занятиям у аборигенов, интерес молодежи к образованию, больше людей стали осознавать свою национальность. Но и по этим параметрам доля положительных оце-

Оценка изменения условий жизни большинства людей за последние 10 лет в населенном пункте,
% в группе

№ п/п	Условия жизни	Улучшились		Не изменились		Ухудшились		Трудно сказать	
		Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские
1	Возможность работать по своей профессии	2	8	18	16	67	63	9	11
2	Трудовая дисциплина	8	10	20	22	51	46	18	20
3	Уровень доходов, материальное положение семей	4	6	10	8	72	67	12	17
4	Отношение к частному предпринимательству	38	48	14	14	8	13	36	23
5	Интерес коренных народов к своим традиционным занятиям	47	36	24	28	14	10	11	23
6	Отношение к природе	11	13	28	32	44	40	13	13
7	Интерес молодежи к образованию	33	34	20	18	26	27	18	18
8	Положение с воровством, преступностью	1	2	9	13	81	77	6	5
9	Положение с пьянством, наркоманией	1	2	5	10	88	83	3	3
10	Здоровье взрослых	2	3	9	9	78	77	9	10
11	Здоровье детей и молодежи до 18 лет	1	2	9	9	76	78	11	10
12	Осознание своей национальности	48	38	26	31	8	3	13	24
13	Интерес лиц коренной национальности к своему языку	37	29	23	30	22	11	14	26
14	Отношение к русским	2	4	66	58	9	12	20	23
15	Межнациональные отношения	2	6	56	48	19	20	19	24
16	Отношение людей друг к другу	1	3	28	28	53	53	15	15
17	Интерес к религии, вере	52	58	20	15	5	3	19	21
18	Возможность влиять на политику местных властей	4	5	27	31	21	25	43	35
19	Возможность влиять на политику властей республики	2	5	26	33	20	20	46	38
20	Уверенность в благоприятном будущем своего народа	6	7	12	16	47	43	30	31

нок не превышает обычно 50%. Таким образом, все, и хакасское, и русское, население Хакасии, а не только интеллигенция (о чем шла речь в предыдущей главе) отмечает определенный прогресс в указанных областях духовной жизни.

При оценке остальных условий жизни — экономических, социальных, политических — население в целом разделяет мнение экспертов-интеллигентов об их ухудшении, особенно в том, что касается социальных аномалий (воровство, преступность, пьянство, наркомания), здоровья детей и взрослых, уровня доходов и материального положения семей: здесь ухудшение отмечают 72–88% респондентов — и хакасов, и русских. При этом максимум отрицательных оценок наблюдается у сельских жителей, среди которых, например, обострение ситуации с пьянством и наркоманией отмечают 88% хакасов и 94% русских. Ухудшилось, по оценке населения, отношение людей и к природе, и друг к другу. Даже в межнациональных отношениях каждый пятый хакас и русский фиксируют регресс, хотя большая часть считает, что они не изменились. Напомним, что среди экспертов на ухудшение в этой сфере указывал только каждый восьмой. Характерно, что некоторое ухудшение межнациональных отношений отмечают в основном горожане: 31% хакасов и 26% русских. Среди сельских жителей доля таких оценок вдвое ниже. Следовательно, в Абакане, Черногорске и других городах республики имеют место проблемы в этой сфере, что требует специального изучения.

Значительная часть хакасского и русского населения (35–45%) проявляет безразличие к властям всех уровней — и местным, и республиканским, затрудняясь оценить возможность своего влияния на их работу, а 20–25% считают, что эта возможность уменьшилась за годы реформ, и лишь 2–5% — что она увеличилась. Эксперты из интеллигенции рисовали еще более пессимистическую картину, давая 55% негативных оценок.

В конечном итоге, оценивая динамику условий своей жизни за годы реформ, лишь 6–7% жителей Хакасии, в равной мере хакасов и русских, посчитали, что за эти годы возросла уверенность людей в благоприятном будущем своего народа, в то время как почти половина (43–48%) высказала противоположное мнение. Наибольший пессимизм проявляет русское сельское население республики (55% ответили, что «стало хуже», по сравнению с 41% таких ответов среди русских горожан).

В целом же степень оптимизма (пессимизма) в отношении благоприятного будущего народа у экспертов-интеллигентов и у всего

населения практически одинакова, что говорит об адекватном осознании интеллигенцией проблем своего народа.

Наиболее острые проблемы в населенных пунктах. Порядок ранжирования этих проблем (предлагался выбор 5 самых острых из 11 названных) почти совпадает у хакасов и русских, что вполне понятно, так как они проживают в целом в одних и тех же социальных условиях, хотя среди русских выше процент городских жителей. 84% отмечают как наиболее острую проблему пьянства и наркомании, чуть меньше (70–82%) — сложности с трудоустройством, низкий уровень зарплаты, пенсий, пособий. Далее следуют проблемы воровства, преступности (53–54%), плохой заботы властей о населении (45–51% ответов).

Примерно треть опрошенных считает проблемами «нежелание людей трудиться», «слабую предприимчивость, неумение зарабатывать». Лишь 5–8% представляются проблемными межнациональные отношения в их населенном пункте, хотя среди хакасов — жителей Абакана таковых 15%.

Жители сел отмечают как одну из острых проблем, наряду с проблемой пьянства и наркомании, нежелание людей трудиться (41%, что вдвое выше, чем в городах).

Напомним, что социальные аномалии и плохие социально-экономические условия жизни населения отнесены к числу наиболее острых и экспертами из числа интеллигенции. Что же касается здоровья детей и всего населения, то, хотя динамика его изменения за годы реформ оценивается интеллигенцией и всем населением Хакасии как регрессивная, а нынешнее состояние — как острое, большинством респондентов оно непосредственно не связывается с качеством наличного медицинского обслуживания: лишь 28–29% хакасов и русских назвали плохое медицинское обслуживание в числе наиболее острых социальных проблем своих населенных пунктов. По-видимому, люди вполне резонно считают состояние здоровья следствием в первую очередь состояния экономики и уровня жизни, а не качества медицинских услуг. Ведь даже отличное качество этих услуг не может избавить от недоедания, стрессов из-за неурядиц в жизни и на работе, от пьянства, наркомании, столь широко распространенных среди значительной части населения.

Отношение к новым явлениям в сфере семьи и брака. Рыночные преобразования привели не только к свободе перемещения товаров, людей, капитала, но и к такой свободе нравов, которая зачастую

доходит до вседозволенности, отрицания каких-либо морально-этических норм и ограничений. Товаром стали отчасти и брак, семья, любовь. Традиционные нормы, существующие у народов России в сфере семейно-брачных отношений, трактуются в ряде средств массовой информации как пережитки прошлого, свидетельство отставания от «передовых» цивилизаций. В то же время медиками и демографами установлено связь между подобного рода «рыночными трансформациями» таких ценностей, как любовь, брак и семья, среди молодежи и ростом заболеваемости СПИДом, сифилисом и другими болезнями, передаваемыми половым путем, а также ростом внебрачной рождаемости, распадом семей и другими аномалиями в данной сфере отношений. Как относятся к этим новым явлениям народы Сибири? Относительно хакасов и русских, проживающих в Хакасии, это можно проследить по данным табл. 10.

Только к межнациональным бракам, которые не представляют собой нового явления в семейно-брачных отношениях и включены в вопросник для выявления динамики по сравнению с дореформенным периодом, сохраняется в целом позитивное отношение при минимуме (5–7%) негативного. Развод в семьях с несовершеннолетними детьми по причине исчезновения любви между супругами воспринимается скорее отрицательно, особенно в нынешних условиях нищеты, невыплаты детских пособий и т.п.

Скорее отрицательное, чем положительное или равнодушное, отношение высказывают и хакасы, и русские к созданию семьи по расчету, рождению детей вне брака, хотя положительно относится к данным явлениям все же немалая часть населения (14–16% русского и 15–26% хакасского). То же можно сказать и в отношении раннего сексуального просвещения детей в школах: около трети и хакасов, и русских считают эту меру положительной, хотя хакасы более сдержанны в оценке ее плюсов в воспитании культуры половой жизни и уменьшении венерических болезней.

Несмотря на многолетнюю «промывку мозгов» россиян по телевидению и в других СМИ, крайне отрицательно воспринимаются хакасами и русскими половые связи лиц одного пола, многоженство, демонстрация сексуальных сцен в кино и на телевидении, т.е. то, что обычно называют половой распущенностью, а ныне частью «новаторов» именуется проявлениями свободы личности, толерантности (терпимости). При этом хакасское население проявляет больше целомудрия в данных вопросах, чем русское. Но и среди русских опреде-

Отношение хакасов и русских к новым явлениям в сфере семьи и брака, % в группе

№ п/п	Явление	Положительное		Отрицательное		Равнодушное		Неопределенное	
		Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские
1	Создание семьи по расчету	26	16	37	41	20	22	16	19
2	Рождение детей вне брака	15	14	43	49	21	18	21	17
3	Браки между людьми разных национальностей	53	57	7	5	32	31	7	7
4	Развод в семьях с несовершеннолетними детьми по причине отсутствия любви у супругов	14	18	43	39	11	8	31	34
5	Половые связи лиц одного пола	1	3	81	76	12	17	4	3
6	Раннее сексуальное просвещение детей в школах	29	36	50	39	5	7	16	18
7	Демонстрация сексуальных сцен в кино- и телефильмах	3	11	81	59	11	17	5	13
8	Многоженство	6	7	75	67	9	14	9	11

ленная степень положительного либо нейтрального отношения к этим «новациям» обнаруживается в основном в ответах городской молодежи, что можно считать скорее позой, чем позицией.

Цивилизационные дихотомии. Одна из важных задач исследовательского проекта «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» состоит в социологической интерпретации цивилизационного подхода к анализу этносоциальных процессов. В российской евразийской цивилизации основными подсистемами (субцивилизациями) являются славянская, тюрко-монгольская и циркумполярная, а Сибирский регион представляет собой пространство наиболее тесного их взаимодействия¹. В системах ценностей этносов Сибири должны поэтому проявляться как специфические этнические, так и общие субцивилизационные (славянские, тюрко-монгольские, циркумполярные) и цивилизационные (евразийские) черты. Так как евразийская цивилизация есть синтез Востока и Запада, о чем немало сказано в трудах многих видных историков, философов и культурологов, то социологическую проверку цивилизационной гипотезы целесообразно провести путем сравнительного исследования т.н. дихотомий (выбора одной из альтернатив) в системе важных для этноса ценностей. В условиях нынешних рыночных преобразований экономики и других сфер жизни народов России такими дихотомиями, в которых проявляются также различия Запада и Востока, являются: сельское общество — городское общество, частная собственность — коллективная собственность, индивидуализм — коллективизм, личная инициатива — государственный патернализм, свобода личности — общественный порядок, материальное — духовное, достаток — скромность, перемены — постоянство, право — мораль, гражданское — этническое (родовое), рациональность — интуитивность, традиционализм — модернизм, покорение природы — адаптация к природе и др.²

¹Подробнее об этом см.: *Костюк В.Г.* Славяно-тюрко-монгольский синтез в евразийской цивилизации // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 5.* Новосибирск, 2003. С. 18–22; *Он же.* Возможности цивилизационного подхода в этносоциологии // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2003. № 3. С. 22–24.

²О философско-культурологическом анализе дихотомий Запад — Восток см., например: *Ерасов Б.С.* Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // *Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия.* М., 1999, С. 246–255; *Он же.* *Цивилизации: Универсалии и самобытность.* М., 2002. С. 298–332.

Респондентам предлагалось сделать выбор из альтернатив по 12 дихотомиям в ответах на вопрос: «Существуют разные представления о том, что является наиболее важным для успешного развития Вашего народа (Вашей национальности). Выскажите свое мнение...». Сводные результаты анализа материалов массового исследования в Республике Хакасия приведены в табл. 11 (процент не сделавших выбора опущен).

Только по одной позиции — предпочтение своей национальности в органах власти — мнения хакасов и русских полярны: среди хакаского населения такое предпочтение есть, среди русского — нет. По всему остальному набору дихотомий наблюдается совпадение взглядов при некоторых количественных (% в группе) различиях по отдельным вопросам. Даже в оценке альтернативы «развитие промышленности — развитие сельского хозяйства» среди русских в Хакасии несколько больше имеющих «аграрную», а не «индустриальную» ориентацию: среди сельчан их 76%, что вполне понятно, но и среди горожан немало — около 40%. Возможно, в дореформенные годы, когда в республике существовала развитая промышленность, ориентации русских были иными, но мы не располагаем информацией по данному вопросу.

В целом же дихотомное сопоставление социокультурных ценностей хакасов, представляющих тюркскую субцивилизацию, и русских, относящихся к славянской субцивилизации, подтверждает принадлежность их к общероссийской евразийской цивилизации. И те, и другие отдают предпочтение коллективистским началам жизни перед индивидуалистическими, что проявляется в приоритете коллективной собственности над частной, чувства коллективизма как фактора развития своего этноса над индивидуализмом, свободой личности; более активного развития государственной и коллективной форм собственности как фактора прогресса страны при усилении роли государства в регулировании рыночных отношений. Хакасы и русские в своем большинстве (две трети) негативно относятся к представителям капитала — предпринимателям, бизнесменам, определяя их как фактор разъединения этноса.

В то же время они не отрицают ценность достатка и в нынешних условиях массового обнищания отдадут предпочтение хорошей оплате перед содержанием труда («работой по душе»). В дореформенный период, судя по исследованиям социологов, картина была иной: большинство россиян считало, что зарплата, конечно, имеет большое

Таблица 11

**Цивилизационные дихотомии (предпочтения) хакасов и русских,
2002 г., городское и сельское население, % в группе**

№ п/п	Предпочтения	Хакасы	Русские
1	<i>Для сохранения и развития моего народа в данное время надо больше внимания уделять:</i> 1) развитию промышленности; 2) развитию сельского хозяйства	17 75	44 49
2	<i>Для успешного развития моего народа следует прежде всего развивать:</i> 1) коллективную собственность; 2) частную собственность	64 30	59 37
3	<i>Занятия предпринимательством, бизнесом формируют людей:</i> 1) заботящихся об интересах народа и сплывающих его; 2) заботящихся только о своих интересах и разъединяющих народ	29 65	30 67
4	<i>Нашему народу сейчас больше всего нужно чувство:</i> 1) взаимопомощи, коллективизма; 2) свободы личности, личной деловитости, индивидуализма	73 21	70 27
5	<i>Для страны важнее всего:</i> 1) расширение личных свобод граждан; 2) обеспечение общего порядка	19 75	25 71
6	<i>В жизни важнее всего:</i> 1) постоянство, устойчивость; 2) перемены, новизна	73 23	72 26
7	<i>Главное в жизни:</i> 1) высокий достаток, а работа может быть разная и не всегда по душе; 2) работа по душе и не обязательно высокий достаток	63 32	64 32
8	<i>Роль государства и человека в работе и жизни людей:</i> 1) рабочие места и условия жизни людей должно обеспечить государство, а человек должен хорошо трудиться; 2) работу и условия жизни человек должен обеспечить себе сам, а государство — его защиту законами и справедливыми налогами	63 33	59 40

№ п/п	Предпочтения	Хакасы	Русские
9	<i>Сроки правления и полномочия любого руководителя страны:</i> 1) должны быть строго ограничены и регламентированы законом; 2) могут быть расширены законом	77 19	69 28
10	<i>Предпочтение представителям своей или иной национальности в органах власти:</i> 1) надо, чтобы в органах власти было больше людей моей национальности, так как они могут лучше заботиться о своем народе; 2) национальность людей в органах власти не имеет особого значения, так как о нашем народе могут хорошо заботиться не только люди моей национальности	60 37	24 76
11	<i>Для успешного развития страны сейчас нужно:</i> 1) активнее развивать частную собственность, рынок, свободную конкуренцию, ограничивать роль государства в развитии рынка и конкуренции; 2) активнее развивать государственную и коллективную формы собственности, усиливать роль государства в регулировании рынка и конкуренции; 3) вернуться к плановой экономике	19 55 20	31 52 14
12	<i>Осознание национальной принадлежности, знание языка и культуры своего народа:</i> 1) каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа; 2) важно осознавать свою национальность, а знать язык, культуру народа не обязательно; 3) осознание человеком национальной принадлежности, знание национального языка и культуры сейчас не имеет особого значения	91 3 4	74 9 15

значение, но важнее — содержание труда, «работа по душе». Так что налицо трансформация ценности содержания труда в рыночных условиях, существенная ее меркантилизация. Собственно говоря, это заметно и по массовым явлениям депрофессионализации работников, особенно специалистов со средним специальным и высшим образованием, когда вынужденные проявлять «возросшую предприим-

чивость» ради выживания бывшие инженеры, техники, физики, агрономы становятся «челноками», продавцами на барахолках и т.п., в лучшем случае — служащими различных торгово-посреднических фирм или владельцами малых предприятий, фирм.

Но даже и в нынешних условиях «выживания» треть населения имеет установку на «работу по душе», предпочитая ее высокому достатку. Чаще всего, как показывает анализ, это работники образования, культуры, науки, т.е. духовная опора этносов, сохраняющая относительную устойчивость, несмотря на то что, казалось бы, ниже «опустить» ее по уровню доходов уже невозможно. Да еще работники здравоохранения, продолжающие бороться за здоровье и жизнь молодых и пожилых, трезвых и пьяных, работающих и безработных в условиях дороговизны лекарств и дефицита финансов.

И среди хакасов, и среди русских преобладает мнение о патерналистской роли государства не только в регулировании рынка, но и в обеспечении людей рабочими местами и создании им достойных условий жизни, а не только в их защите законами и справедливой налоговой системой. Эту позицию нельзя расценивать как иждивенчество, отсутствие инициативы, что нередко встречается в работах некоторых ультралиберально настроенных публицистов и ученых, ибо люди считают, что «человек должен хорошо трудиться», а труд, как известно, не сводится к частному предпринимательству, когда человек отчасти сам себе обеспечивает работу и условия жизни. Но и в последнем случае имеет место иллюзия относительно «нейтралитета» государства в обеспечении людей рабочими местами и условиями жизни. Разве не государственная власть создала такие условия, что, например, бывшие квалифицированные работники наукоемких отраслей промышленности сами себе обеспечивают рабочие места в бутиках и на барахолках? Совершенно некорректно упрекать тех, кто проявляет патерналистско-государственную ориентацию, в безынициативности, антирыночности, «совковости».

Несмотря на десятилетие рыночных перемен, три четверти хакасского и русского населения предпочитают постоянство и устойчивость в жизни. В современных условиях, как мы полагаем, данная дихотомия имеет двоякий смысл. С одной стороны, это ориентация на длительную социальную стабильность, с другой — выражение усталости и недовольства постоянными радикальными переменами. Не случайно в политической жизни нынешней России модным

стал «центризм» как феномен коррекции радикал-либерализма под влиянием настроения масс.

В менталитете хакасов и русских ныне слабо выражено типичное для Востока почитание политических лидеров страны. Возможно, потому, что в них не видят вождей, крупных личностей. Большинство (77% хакасов и 69% русских) считает, что «сроки правления и полномочия любого руководителя страны должны быть строго ограничены и регламентированы законом». Интересно, что среди русских чуть выше, чем среди хакасов, процент тех, кто допускает их расширение законом. Требуется дальнейшее изучение этого феномена и выяснение того, имеются ли для этого серьезные социальные и политические основания. Однако фактом является то, что тюркский этнос — хакасы — отличается от своих собратьев по субцивилизации — туркмен, казахов, азербайджанцев, — у которых почитание руководителей страны достаточно ярко проявляется в менталитете, а сроки их правления и круг полномочий особенно не ограничиваются.

Большинство (91%) хакасского населения, как и русского (74%) относится к «традиционалистам» по своему социокультурному типу, полагая, что «каждый человек должен осознавать национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа». Напомним, что среди экспертов из числа хакасской интеллигенции «традиционалистов» было несколько меньше (72%), а «космополитов» — больше, чем во всем хакасском населении (18% против 4%). Таким образом, носителем традиционалистского этнокультурного самосознания скорее является все хакасское население, нежели его интеллигенция (за исключением части работников культуры и образования). По распределению социокультурных типов («традиционалистов», «модернистов» и «космополитов») хакасская интеллигенция близка всему русскому населению Хакасии.

Поскольку российская евразийская цивилизация является продуктом взаимодействия Запада и Востока, синтезируя в себе многие черты того и другого (чаще, как видим, Востока), а цивилизации представляют собой взаимодействующие, открытые социокультурные системы, то естественно ожидать, что в современных условиях глобализации определенные различия в системах ценностей могут проявляться не только между этносами, но и между социальными группами внутри одного и того же этноса. Русских (славян) чаще считают представителями Запада, хакасов (тюрков) — Востока, хотя

на самом деле эта типологизация относительна. Русские — чаще городские жители (город — это скорее Запад, чем Восток), хакасы — сельские. Русские чаще заняты в индустриальных отраслях производства (что более характерно для Запада), хакасы — в аграрных (что типично для Востока). Наконец, ценности разных возрастных, профессиональных групп в составе этносов также могут различаться по шкале «Запад — Восток», особенно в условиях рыночных трансформаций в России, «обувающих» ее в основном по западным «лекалам». Можно предположить, например, что к восприятию новаций рыночного типа больше склонны молодежь (особенно городская), интеллигенция, торгово-предпринимательские профессиональные группы населения. Большой консерватизм может быть присущ сельским жителям, старшим возрастным группам, работникам традиционных отраслей, сельского хозяйства и т.п. Выявление конкретного соотношения «западных» и «восточных», «рыночных» и «общинных» черт в менталитетах этносов евразийской цивилизации представляет собой одну из важных задач реализуемого исследовательского проекта.

Анализ материалов обследования в Хакасии показал, в частности, что отмеченные выше сходства и различия ценностных дихотомий хакасского и русского населения имеют место и в городах, и в сельской местности. При этом сельские хакасы по сравнению с городскими и сельчанами-русскими еще более «традиционалисты» в вопросах национального представительства в органах власти, преимущественного развития аграрного сектора экономики и этнокультурного самоопределения (национальность, язык, культура). «Рыночные» элементы сознания (частная собственность, свобода личности, личная инициатива и др.) более отчетливо проявляются у горожан, причем у русских немного сильнее, чем у хакасов. Но, напомним, ни в одной группе они не преобладают, хотя, например, по вопросам развития форм собственности русские-горожане отдают небольшое предпочтение коллективной собственности, в то время как среди хакасов-горожан предпочтение развитию коллективной собственности по сравнению с частной выражено намного отчетливее (соотношение примерно 2 : 1).

Если среди хакасов нет особых различий между молодежью (до 30 лет) и старшими возрастными группами по предпочтению развития коллективной собственности (60% — у молодежи, 64–68% — у старших возрастных групп), то среди русских эти различия оче-

видны: молодежь отдает предпочтение, хотя и незначительное, развиту частной собственности (54%), средняя возрастная группа (31–50 лет) и старшая (более 50 лет) — коллективной собственности (соответственно 60 и 78% ответов). Можно полагать, что основным носителем «рыночного» сознания в Хакасии является русская городская молодежь. Однако и в группе русской молодежи доля «рыночников» едва превышает долю «коллективистов» (54% против 44%), и «рыночное» сознание этой группы неустойчиво, что видно из других ее предпочтений. Так, большинство «рыночников» из числа русской молодежи отдает предпочтение регулируемому, а не свободному рынку; считает предпринимателей и бизнесменов скорее эгоистами, разъединяющими народ, чем сплывающими его; полагает, что русскому народу сейчас больше всего нужно чувство взаимопомощи, коллективизма, а не свободы личности, индивидуализма. Русская молодежь в своем большинстве (две трети), как и хакасская и как все другие возрастные группы русских и хакасов в городах и селах, предпочитает обеспечение порядка в стране расширению личных свобод, устойчивость и постоянство — переменам в жизни. Хакасская молодежь придерживается примерно таких же взглядов. Так что и хакасскую, и русскую молодежь вряд ли можно причислить к апологетам рыночных реформ. В менталитете молодежи, как и всего населения Хакасии, преобладают общие черты, характерные для российской евразийской цивилизации в целом.

О доминировании в менталитете хакасов и русских традиционных и коллективистских начал свидетельствуют также корреляции предпочтений. Мы попытались по 7 дихотомиям выделить среди тех и других группы радикальных традиционалистов, умеренных традиционалистов и радикальных либералов. Первые одновременно отдают предпочтение коллективной собственности, негативной оценке предпринимательства, чувству коллективизма, государственному патернализму в отношении работы и условий жизни, обеспечению порядка в стране, постоянству и устойчивости в жизни, возвращению к плановой экономике. Вторые отличаются от первых только по седьмому пункту: они выступают за регулируемый государством рынок и более активное развитие государственной и коллективной форм собственности. Третьи являются полными антагонистами первых, отдавая предпочтение частной собственности, позитивной оценке предпринимательства, чувству индивидуализма, личному обеспечению работы и условий жизни, расширению лич-

ных свобод граждан, переменам и новизне в жизни, свободному от вмешательства государства рынку при более активном развитии частной собственности.

Радикальных традиционалистов среди хакасов оказалось 5%, среди русских даже немного больше — 7,0%, Умеренных традиционалистов больше: 18% среди хакасов и 13% среди русских. В сумме традиционалистов 23% среди хакасов и 20% среди русских, т.е. примерно каждый четвертый-пятый. А вот радикальных либералов среди хакасов и русских — всего по одному человеку в каждой группе респондентов, т.е. 0,2–0,3%.

Следовательно, исходя из результатов наших исследований, большинство представителей народов как тюркской субцивилизации (хакасы), так и славянской (русские) крайне отрицательно относятся к радикально-либеральному курсу рыночных преобразований в России.

Если рассмотреть более короткие корреляционные цепочки, например по 3 совпадающим предпочтениям: 1) коллективная собственность — чувство коллективизма — возвращение к плановой экономике; 2) коллективная собственность — чувство коллективизма — регулируемый рынок и 3) частная собственность — чувство индивидуализма — свободный рынок при доминировании частной собственности, то первая группа составляет 13% среди хакасов и 11% среди русских, вторая — 37% среди хакасов и 34% среди русских и третья — соответственно 6 и 12%, т.е. коллективистов среди хакасов и русских почти половина, а индивидуалистов-рыночников — всего 6–12%.

Характерная черта сознания людей в условиях российских рыночных реформ и вызванного ими экономического, социального и духовного кризиса — его амбивалентность, особенно в отношении феноменов частной собственности, рынка, прав и свобод. Этот факт зафиксирован по результатам многих конкретных исследований, в том числе социологическим мониторингом Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), проводимым регулярно с 1992 г. В период 1996–1997 гг. данный мониторинг показал существенные качественные сдвиги в ценностном сознании россиян, фиксируя, в частности, следующее: «Значительно (от 30 до 50%) увеличилась часть населения России, для которой стало характерным так называемое амбивалентное сознание, связанное с таким проявлением человеческой психики и натуры, которое выражается в раздвоении сознания, в одновременном стремлении к про-

тивоположным ценностям. Наиболее ярко это проявилось в, казалось бы, парадоксальном сочетании в сознании россиян приверженности нормативной демократии с тягой к «сильной руке»; в одновременной оценке выборов, свободы печати, наличия парламента как пустой видимости — и признании значимости прямых форм избрания главы государства, нежелании поддерживать роспуск парламента, ограничивать свободу слова»¹.

Мы полагаем, что амбивалентность сознания стала характерной чертой россиян с самого начала рыночных реформ, явившись продуктом коренной ломки устоев и системы ценностей прежней жизни; она имеет место и в настоящий период.

Так, в нашем исследовании цивилизационных дихотомий это наиболее характерно для респондентов, отдающих предпочтение частной собственности как фактору развития своего народа, причем примерно в равной мере для хакасов и русских. Амбивалентность сознания «рыночников» проявляется в самых разных сочетаниях предпочтений.

Например, в группе хакасов, отдающих предпочтение частной собственности, оказывается меньше половины (40%) тех, кто позитивно относится к предпринимателям и бизнесменам, большинство же (60%) на этот счет высказываются негативно; в аналогичной группе русских — соответственно 37 и 63%.

Отдавая предпочтение частной собственности перед коллективной, при выборе между свободным рынком, регулируемым рынком или плановой экономикой лишь треть (37%) хакасов этой группы предпочла свободный от государственного регулирования рынок и более активное развитие частной собственности в стране, около половины (46%) — регулируемый рынок и более активное развитие коллективной и государственной форм собственности, а 17% вообще полагают, что «для успешного развития страны нужно вернуться к плановой экономике». В аналогичной группе русских «порядка в голове» чуть больше, но тоже отмечается раздвоение: соответственно 60, 35 и 5% ответов.

Высказывая предпочтение частной собственности, почти половина (42–44%) респондентов-«рыночников» — и хакасов, и русских — в то же время выступает за то, чтобы рабочие места и усло-

¹Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000. С. 358.

вия жизни обеспечивало государство, т.е. за государственный патернализм.

Амбивалентность сознания людей определяется, как мы полагаем, не только его фрустрациями, вызванными жизненными затруднениями под влиянием реформ, но и неразличением понятий «частная собственность» и «личная собственность», «свобода личности» и «общественный долг» и т.п. Большинство средств массовой информации не столько проясняет ключевые понятия рыночных реформ, сколько запутывает их, способствуя формированию рыночных иллюзий.

Менее амбивалентно сознание тех, кто в данное время отдает предпочтение развитию коллективной собственности. Среди них лишь менее четверти (23%) позитивно относятся к предпринимателям и бизнесменам, а 77% — негативно; только 12% за свободный рынок, а две трети — за регулируемый и более активное развитие коллективной и государственной форм собственности и почти четверть (23%) — за возвращение к плановой экономике.

Амбивалентность сознания, как показывает анализ материалов исследования, присуща всем возрастным группам населения Хакасии.

Оценка российских реформ. В заключение опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы оцениваете проводимые в стране реформы?» Варианты ответов взяты те же, что в начале 1990-х гг. использовались во всероссийском социологическом мониторинге, проводимом Всероссийским центром изучения общественного мнения населения России (ВЦИОМ). Ответы опрошенных жителей Хакасии приведены в табл. 12.

Две трети и хакасов, и русских не смогли дать четко выраженную определенную оценку проводимым в России рыночным реформам, делая акцент на неизвестности их перспектив. Примерно каждый пятый русский житель Хакасии оценивает их полярно: одни — как воз-

Таблица 12

Оценка проводимых в России реформ, % в группе

№ п/п	Вариант ответа	Хакасы	Русские
1	Это возрождение страны	12	19
2	Это упадок и разрушение страны	21	18
3	Неизвестно, куда идет страна	66	62

рождение, другие (в той же мере) — как упадок и разрушение. Среди хакасского населения почти вдвое больше тех, кто оценивает реформы негативно, чем тех, кто полагает, что они ведут к возрождению страны. Существенных различий в соотношении и долях оценок между городскими и сельскими жителями не отмечено, разве что чаще всего определяют реформы как упадок и разрушение страны хакаские жители городов Абакана, Черногорска и Абазы (26%), в то время как среди жителей этих же городов минимальна доля русских и хакасов (10%), имеющих противоположное мнение.

Заметим, что городские хакасы — это преимущественно представители интеллигенции, студенчества. Таким образом, реформы оцениваются негативно значительной частью образованных людей, более или менее разбирающихся в их сущности.

Среди хакасской молодежи — и городской, и сельской — менее 10% оценили реформы как возрождение страны, в то время как среди русских таких оценок существенно больше — 29% (против 7% негативных оценок).

В средневозрастных группах (31–50 лет) картина следующая: у хакасов несколько преобладают негативные оценки над позитивными (соответственно 19 и 15%), у русских вдвое выше доля негативных оценок (23 против 12%). Среди людей в возрасте старше 50 лет намного выше, чем в более молодых группах, процент тех, кто оценивает реформы как упадок, нежели как возрождение страны: у хакасов — 35% против 9, у русских — 29 против 11%.

Таким образом, интегральная оценка российских реформ и хакасским, и русским населением Республики Хакасия в 2002 г. была скорее негативной, чем позитивной, и хакасы отнеслись к их итогам более критично, чем русские. Только среди части русской молодежи заметен осторожный оптимизм в определении реформ как ведущих к возрождению страны. Основания для такого оптимизма в данном обследовании не выяснялись. Противоположное же мнение базируется на объективных результатах проводимых преобразований как в Хакасии, так и во всей России, за исключением, может быть, только некоторых сырьедобывающих регионов (нефтегазовые районы, Якутия) и мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург).

Региональная специфика в оценке реформ отмечается, в частности, в социологическом мониторинге РНИСиНП под руководством М.К. Горшкова. «Данные исследования, — пишет он, — убедительно показывают: *чем ближе к типичной российской глубинке, тем силь-*

нее у людей ощущение потерь, которые они понесли в годы реформ (здесь и ниже курсив М.К. Горшкова. — Авт.). Если в мегаполисах (прежде всего в Москве) в 1996 г. считали, что выиграли от реформ, 16% жителей, то в провинциальной России — только от 2% до 6,5%. Если в мегаполисах считали, что понесли серьезные потери в ходе реформ, 38% жителей, то в областных и районных центрах, в сельской местности таких оказалось от 59% до 75%»¹. В приводимой им далее таблице содержится и другая важная информация. Так, в 2000 г. считали, что они выиграли за годы реформ, не так уж много жителей мегаполисов — всего 13,6%, а ответивших, что «проиграли», была почти половина (48,7%), причем последних с 1996 г. стало на 10% больше, а первых — на 2,2% меньше. В селах и райцентрах в 2000 г. «выигравших» было 4,6–6,2%, а «проигравших» — 53,8–60,0% при едва заметной положительной динамике за 1996–2000 гг. Сравнивая два различных по типам ментальности региона — г. Москву и Центрально-Черноземный регион — и определяя ценностное сознание москвичей как носящее преимущественно *индивидуалистический характер*, близкий западному менталитету, а сознание жителей Центрально-Черноземного региона как *патерналистско-конформистское*, типичное для традиционной российской ментальности, М.К. Горшков приходит к следующим выводам. Москвичи ориентируются на собственные силы, придают большое значение такой ценности, как свобода, и в целом больше, чем жители других регионов, «настроены на развитие страны по пути рыночной модернизации»². В Центральном Черноземье «наиболее широко распространены *уравнительные тенденции*, ориентация на общество равных доходов... Западная интерпретация свободы здесь слабо воспринимается. Зато гораздо сильнее, чем в Москве, в этом регионе выражена потребность в сильном лидере, “жесткой руке”. Как и в других регионах — носителях традиционной российской ментальности, сдвиги в ценностном сознании выразились здесь в первую очередь в ослаблении духовно-нравственных ориентиров и в усилении значимости материальных факторов»³. И на основе мониторинговых исследований М.К. Горшков делает важное заключение: «В пореформенной России в настоящее время сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тя-

¹Горшков М.К. Указ. соч. С. 359.

²Там же. С. 360.

³Там же.

готее к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая — связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-коллективистской модели ценностей... Приверженцы индивидуалистической системы ценностей составляют 25–30% населения. Носителей традиционной модели ценностного сознания примерно 35–40%. Остальную часть населения — 30–35% — составляет группа с противоречивым типом ценностного сознания»¹.

Как представляется, соотношение этих групп если не во всей России, то по крайней мере в одном из сибирских регионов — Хакасии — несколько иное: традиционалистов около 60–70%, «западников» — около 20%, остальных — 10–20%. И вряд ли можно говорить, как это делает М.К. Горшков, о «процессе размывания традиционного ценностного сознания»², ибо в самом понятии «размывание» заложена негативная оценка традиционного сознания. По сравнению с эйфорией «рыночных свобод» начала 1990-х гг. и действительным разрушением традиционных основ евразийского менталитета народов России — русских, тюрков и других — эта традиционность в данный период скорее укрепляется, а не размывается, сопротивляясь, как может, попыткам «западников» сменить цивилизационный код России.

К сожалению, мониторинг Российского независимого института социальных и национальных проблем не дает ответа по крайней мере на два важных вопроса: 1) как относятся к рыночным реформам разные народы России, и особенно русские, составляющие более 80% населения страны; 2) какие народы России получили выигранный от этих реформ.

3. ОЦЕНКА РЕФОРМ: РОССИЯ, ДРУГИЕ РЕГИОНЫ СИБИРИ

Имеющаяся в научных публикациях других авторов информация по данному вопросу трудносопоставима из-за различия методики, времени исследования, не содержит, как правило, интересующего нас этнического аспекта. Тем не менее краткий обзор ее по известным нам работам позволит уточнить наши представления о социальном положении этносов Сибири в условиях российских рыночных реформ конца XX — начала XXI в.

¹Там же. С. 363.

²Там же.

Россия. Постоянную информацию об отношении населения всей России к различным аспектам нынешних реформ дает социологический «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», проводимый Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В последние годы он проводится путем регулярных опросов (6 раз в год по нечетным месяцам) на материале всероссийской выборки объемом около 1600 чел. в 28–30 регионах России. В частности, отслеживается динамика ответов на вопрос: «Экономические реформы сейчас нужно продолжать или их следует прекратить?». С 1999 г. наблюдается некоторый рост доли отвечающих «нужно продолжать» (примерно с 30 до 39% в 2003 г.) при небольшом (с 27 до 23%) снижении числа тех, кто считает, что их «следует прекратить», и относительно стабильной доле (39–42%) затрудняющихся с ответом¹. При этом за продолжение реформ выступают около 50% молодых людей до 30 лет и менее 25% тех, кто старше 50 лет. В сельской местности таковых около трети, в Москве и Санкт-Петербурге — немногим более 50%, в других городах и поселках — 35–40%. Таким образом, реформы продолжаются при кредите доверия менее 50% населения. Однако даже этот кредит доверия не означает, что большинство населения России поддерживает методы реформирования. В ответах на вопрос мониторинга ВЦИОМ «Как Вы считаете, дела в России идут в правильном направлении или Вам кажется, что события ведут нас “не туда”, в тупик?» прослеживается следующая динамика за 1993–2002 гг.² (табл. 13).

Таблица 13

**Динамика мнений россиян в мониторинге ВЦИОМ
за 1993—2002 гг., %**

Дела в России идут:	1993, август	1994, май	1995, май	1999, июль	2000, июль	2001, июль	2002, май
В правильном направлении	22	21	15	8	35	38	40
В тупик	53	55	72	77	45	40	40
Затрудняюсь ответить	25	24	13	15	20	20	20

¹См., например: *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2003. № 4. С. 5.

²*Мониторинг общественного мнения...* 1995. № 4. С. 36; 2002. № 3. С. 6.

На «радикальном» этапе реформ (1991–1998 гг.) лишь менее четверти населения России оценивали соответствующий курс как идущий в правильном направлении, причем доля таковых неуклонно сокращалась, составив к дефолту августа 1998 г. менее 10%. В этот же период росло число тех, кто определял курс реформ как тупиковый, превысив к 1998–1999 гг. три четверти населения России. Тем не менее «реформаторы» упорно проводили свою политику, и лишь правительство Примакова — Маслюкова после дефолта 1998 г., предприняв некоторые меры по усилению государственного регулирования экономики и воспользовавшись конъюнктурой высоких мировых цен на нефть, сумело немного поправить состояние российской экономики. По инерции небольшой подъем продолжился в 2000–2003 гг., что сказалось и на общественном мнении. Однако по-прежнему менее половины населения полагает, что курс реформ правилен, одновременно примерно столько же считает его тупиковым.

Примерно 40% населения оценивают современное экономическое положение России как среднее (36–37%) и хорошее (2–3%), а 50% — как плохое и очень плохое¹. В конце 2000 г. лишь треть россиян считала правильной экономическую систему, основанную на частной собственности и рыночных отношениях, а свыше половины (52%) были сторонниками системы, основанной на государственном планировании и распределении. Соответственно нынешнюю российскую демократию оценили как лучшую политическую систему лишь 11% россиян, в то время как 26% отдали предпочтение западной демократии, а 42% — «советской, которая была до 90-х годов»².

По данным международного сравнительного исследования «Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе (1999–2000 гг.)», проведенного в Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, России, Словении и Украине, отвечая на вопрос «Если говорить в целом, как Вы считаете, кому идет на пользу то, что происходит в стране?», лишь 9,5% россиян считают, что «большинству населения», в то время как 78,7% отвечают: «небольшой группе людей, озабоченных своими интересами». Только 20,7% россиян согласны с суждением, что «капиталистическая экономика, основанная на частном предпринимательстве, — это наилучшая для нашей страны экономическая система», 43,9% — не согласны³.

¹ *Мониторинг общественного мнения...* 2002. № 4. С. 65.

² *Мониторинг общественного мнения...* 2000. № 6. С. 28.

³ *Мониторинг общественного мнения...* 2001. № 1. С. 93.

Во всероссийском социологическом исследовании «Советский человек. 1999» на вопрос «Согласны ли Вы со следующим высказыванием: “Демократы так ничего и не дали народу?”» ответили: «согласен» — 73,5% россиян, «не согласен» — 11,9%¹. В то же время лишь каждый седьмой твердо «может сказать, что чувствует себя свободным человеком», а уверенность в завтрашнем дне «как чувство, которое окрепло в окружающих людях за последние годы», отметили лишь 2,8%, гордость за свой народ — 1,8%. Большинство (52%) полагает, что окрепли усталость и безразличие, отчаяние (37%), ожесточение (36%), страх (29%), обида (26%). Так что лукавят социологи ВЦИОМ, формулируя для респондентов вопрос о том, идут ли дела в России в правильном направлении или «события ведут нас “не туда”, в тупик». События вообще никого никуда не ведут. Наивно представлять реформы в России как стохастический процесс. Эти реформы вполне жестко ведут, опираясь на монополию в финансовых и информационных ресурсах, идеологи и политики радикального типа, западного менталитета, стремящиеся разрушить «традиционализм», «совковость», по их выражению, российского менталитета.

Что касается затеи «реформаторов» разрушить российскую цивилизацию, евразийскую по своему типу, сменить «цивилизационный код» русских, татар, хакасов, народов Севера и других этносов России, то определенное мнение россиян на сей счет получено в обобщенном виде в опросах ВЦИОМ в 1994 и 1995 гг. Отвечая на вопрос «С каким из двух приведенных высказываний о путях развития России Вы в большей степени согласны?», более половины (52% в 1994 г. и 59% в 1995 г.) выбрали вариант ответа: «Исходя из географии и истории России, лежащей на стыке Европы и Азии, ей нужно идти особым российским путем», и лишь 22% и 19% соответственно — «России следует идти путем других развитых стран, осваивая опыт и достижения западной цивилизации»². Примерно такое же соотношение «западников» и «евразийцев» выявляется и из материалов наших этносоциальных исследований в Сибири.

Новосибирская область. Определенная информация об этнических аспектах общественного сознания жителей сельских регионов Сибири содержится в материалах социологического мониторинга

¹Мониторинг общественного мнения... 2000. № 1. С. 92.

²Мониторинг общественного мнения... 2000. № 6. С. 28.

аграрной реформы, проведенного в 1996–2001 гг. сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН под руководством д-ра социол. наук З.И. Калугиной. Она анализирует степень адаптированности различных этнических групп к новым социально-экономическим условиям на материалах социологического опроса 553 жителей двух сельских районов Новосибирской области (Коченевского и Чановского). Среди респондентов русские составили 81,7%, немцы — 6,2, татары — 3,8, украинцы — 3,7, другие национальности — 4,6%. Определяя исследование как пробное, З.И. Калугина тем не менее получила результаты¹, по некоторым тенденциям сходные с результатами наших опросов, имеющих массовый репрезентативный характер. Приведем ее данные, характеризующие отношение разных этнических групп к частной собственности на землю (табл. 14).

Таблица 14

Отношение этнических групп населения Новосибирской области к частной собственности на землю, % в группе

	Русские	Украинцы	Татары	Немцы
<i>Согласны ли Вы с тем, что земля должна находиться в частной собственности?</i>				
Полностью согласен	32,2	18,3	46,7	56,5
Частично согласен	14,2	9,1	6,7	26,1
Не согласен	39,7	54,5	26,7	17,4
Затрудняюсь ответить	13,9	18,1	19,9	0
<i>Согласны ли Вы с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи?</i>				
Полностью согласен	18,1	0	12,5	43,5
Частично согласен	8,6	0	6,3	13,0
Не согласен	60,0	83,3	62,5	30,4
Затрудняюсь ответить	13,3	16,7	18,7	13,1

¹Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2001. С. 113–127.

З.И. Калугина пришла к выводу, что славяне (русские и украинцы) в основном негативно относятся к частной собственности на землю, в то время как немцы и татары в большинстве своем поддерживают возрождение института частной собственности на землю. Что же касается одобрения рыночных операций с землей (купли-продажи), выражающих, собственно говоря, суть частной собственности, то среди украинцев практически не оказалось сторонников этих операций, а татары даже более консервативны, чем русские, в этом отношении, и две трети их выступают против. Лишь среди немцев немногим более 50% поддерживают куплю-продажу земли. «Таким образом, — заключает автор, — можно утверждать, что между этнической принадлежностью и отношением к купле-продаже земли существует связь»¹. Более того, из приведенных выше данных, на наш взгляд, следует, что такая связь существует не только с этнической, но и с цивилизационной принадлежностью, ибо русские, украинцы (славяне) и татары (тюрки) — исходно представители евразийской, а немцы — западной цивилизации.

Что же касается других индикаторов, используемых З.И. Калугиной для характеристики процесса адаптации этнических групп к рыночным условиям хозяйствования, как то: готовность открыть собственное дело, стать фермером, самооценка степени и результативности адаптации к изменившимся условиям, то в данном исследовании четкой, устойчивой связи этнического фактора с большей частью этих индикаторов не зафиксировано из-за малой наполненности этнических групп в выборочной совокупности.

В целом же можно вполне согласиться с выводом З.И. Калугиной о том, что социально-экономическая политика в многонациональных районах должна базироваться на учете особенностей адаптации этнических групп к новым условиям и «внедряемые формы хозяйствования должны быть адекватны ориентациям и предпочтениям проживающих на данной местности этнических групп. В противном случае процесс модернизации аграрного сектора будет замедляться, а социальная напряженность — расти»². Однако вряд ли нынешнюю трансформацию сельского хозяйства России можно считать собственно модернизацией. Скорее, это архаизация, о чем свидетельствуют и объективные данные, и общественное мнение.

¹Калугина З.И. Указ. соч. С. 119.

²Там же. С. 127.

Что же получили граждане России (большинство, а не те 9,5%, которые выиграла) от нынешних рыночных реформ? Рыночную инфраструктуру, которая скорее душит, чем дает простор развитию экономики? Свободу, которая носит декларативный и избирательный характер? Или, может быть, благоприятные социальные последствия реформ? В эпиграфе к заключительной главе своей работы З.И. Калугина формулирует их совершенно точно: «Социальным итогом всех проведенных преобразований в аграрном секторе явилось резкое обнищание и расслоение сельского населения, деградация социальной сферы села»¹. Данный результат автор определяет как четвертый парадокс аграрной реформы наряду с экспансией мелкотоварного производства, неэффективностью «капитализации» аграрного сектора и практическим разрушением трудовой мотивации населения.

Не разделяя позиции З.И. Калугиной и других социологов и экономистов о положительных следствиях рыночных преобразований в России и их установки, что «иного не дано», что «общее направление трансформации российского общества уже более-менее задано»², можно тем не менее согласиться с З.И. Калугиной в том, что «российская модель отношений должна опираться на доминирующую систему ценностей населения и учитывать высокую значимость корпоративной солидарности для значительной его части (даже западные эксперты признали ошибочность стремления российских реформаторов искоренить “антикапиталистическую ментальность” народа и их неспособность превратить широко распространенные в массовом сознании коллективистские ценности в конструктивную силу реформ)»³. Вопрос только в том, ради чего сформировавшийся веками коллективистский менталитет русского и других народов России «реформировать» в индивидуалистический, капиталистический, если последний отвергается большей частью населения и демонстрирует свою полную экономическую и социальную неэффективность в условиях России.

Республика Тыва. В 1992–1995 гг. Г.Ф. Балакиной проводились в республике социологические опросы тувинского и русского насе-

¹Там же. С. 171–176.

²Заславская Г.И. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 5.

³Калугина З.И. Указ. соч. С. 185.

ления с целью изучения особенностей социокультурных процессов в период рыночных реформ. Исследовались в том числе отношение населения к реформам, трудовые склонности и мотивации в данный период. Было отмечено постоянное снижение уровня жизни большинства людей: две трети респондентов ответили, что их семья стала жить хуже в материальном отношении. Как отмечает Г.Ф. Балакина, «картина выглядит удручающей». В этих условиях неудивительно, что «субъективная готовность населения Тувы к рынку была и остается невысокой, что, по нашему мнению, является одной из основных причин социальных сбоев в реформировании. У четверти опрошенных отсутствует ориентация на материальный успех, многие не приемлют идею конкуренции вообще... Создается впечатление, что люди хотят переждать, дождаться окончания этого безумия под названием “реформы”; безоговорочных сторонников реформ в Туве, по данным нашего исследования, не более трети». Лишь 1% как тувинцев, так и русских желает заняться предпринимательством (организовать частный бизнес, совместное предприятие, уйти в кооператив). Среди жителей Тувы царил глубокий пессимизм: лишь 10% надеялись на улучшение своего материального положения в ближайшем будущем¹.

Если сопоставить данные исследования Г.Ф. Балакиной 1994 г. и нашего экспертного опроса в 1999 г., то материальное положение людей (судя по оценке денежных доходов) стало еще хуже², хотя большинство (81%) экспертов считает, что предпринимательская активность тувинцев повысилась. О динамике отношения тувинцев и русских к рынку за 1995–2002 гг. можно будет судить после обработки и анализа материалов массового опроса, проведенного нами в Туве в 2002–2003 гг.

В 2001 г. экспертный опрос по теме «Социальная стратификация и межэтнические установки» был проведен в Туве и Хакасии З.В. Анайбан. Опрошено по 50 чел. в каждой республике. Наиболее острыми проблемами, представляющими угрозу безопасности России, на данном этапе эксперты из числа интеллигенции назвали:

¹Балакина Г.Ф. Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. Новосибирск, 1996. С. 70–72.

²Это подтверждается и анализом объективных показателей (см.: Колмаков Г.В. Уровень и качество жизни населения Республики Тыва (1991—2001 гг.) // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 5. С. 136–139).

1) дальнейший развал экономики, рост безработицы; 2) борьбу различных политических сил за власть; 3) расслоение общества на богатых и бедных; 4) рост преступности¹. Эти данные, как можно видеть, согласуются с данными экспертного опроса, проведенного нами в Туве в 1999 г.

Республика Алтай. Социологические обследования сельских локальных сообществ Республики Алтай предприняты О.В. Нечипоренко и А.Н. Вольским в 1997 г. в Усть-Коксинском и Улаганском, а в 1998 г. — в Усть-Канском и Кош-Агачском районах. Методами сбора эмпирического материала были экспертный опрос сельских специалистов и массовый опрос населения, а предметом исследования — формы адаптации локальных сообществ к современным модернизационным процессам. В анкетах содержался вопрос об оценке реформ в России, тождественный или близкий по содержанию к используемому в наших анкетах в Хакасии, Туве и Республике Алтай.

В 1997 г. эксперты из числа интеллигенции оценили проводимые в России реформы следующим образом: как «возрождение России» — 6% в Улаганском районе и 12% — в Усть-Коксинском; как «упадок и разрушение страны» — 54% в Улаганском и 49% — в Усть-Коксинском; 2–3% затруднились с оценкой, остальные (38 и 36% соответственно) дали ответ «неизвестно, куда идет Россия»². Этнический состав экспертов авторами исследования не приводится, но, судя по составу респондентов массового опроса, в Улаганском районе значительно преобладают алтайцы, а в Усть-Коксинском — русские. Поэтому можно полагать, что алтайская интеллигенция еще жестче, чем русская, оценивает нынешние реформы, характеризуя их как упадок и разрушение.

Участники массового опроса оценивали реформы по несколько иной шкале оценок, но результаты получились аналогичными оценкам интеллигенции. Здесь авторы работы указали этническую принадлежность респондентов. В итоге ответы распределились следующим образом: оценили реформы «в основном положительно» — соответственно 6 и 14% русских в Усть-Коксинском и Ула-

¹Анайбан З.В. Современная социально-политическая ситуация в Туве и Хакасии (по результатам этносоциологических исследований) // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 5. С. 240.

²Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай. Новосибирск, 2000. С. 96.

ганском районах, 8 и 13% алтайцев; «в основном отрицательно» — 80 и 57% русских, 70 и 58% алтайцев; затруднились с ответом 12 и 22% русских и 17 и 26% алтайцев соответственно¹.

Как видим, и алтайцы, и русские в своем большинстве отрицательно оценили результаты реформ. В одном и том же районе между их оценками различий практически нет.

В опросе 1998 г. в Усть-Канском и Кош-Агачском районах Республики Алтай эксперты из числа специалистов так ответили на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете нынешние преобразования (реформы) в России?»: «как возрождение России» — 4% в Усть-Канском и 7% в Кош-Агачском районе; «как упадок и разрушение страны» — соответственно 57 и 45%; «неизвестно, куда идет страна» — 38 и 44%². Среди экспертов в Кош-Агачском районе подавляющее большинство составили казахи и алтайцы, в Усть-Канском районе русских экспертов была примерно четвертая часть. Так что Кош-Агачский район репрезентирует тюркскую часть народов Республики Алтай, а Усть-Канский — тюрко-славянскую. Однако оценка реформ в обоих районах отрицательна.

Ответы участников массового обследования в Кош-Агачском и Усть-Канском районах на вопрос «Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?» распределились соответственно так: «Развитие идет в совершенно правильном направлении» — 3 и 0%; «Развитие идет скорее в правильном направлении» — 5 и 7%; «Развитие идет скорее в неправильном направлении» — 33 и 26%; «Развитие идет в совершенно неправильном направлении» — 56 и 64%. Таким образом, в отсутствие компромиссного варианта («неизвестно, куда идет страна»), позволяющего также уклониться от ответа, все население — и алтайское, и русское, и казахское — еще четче формулирует свою мысль, резко отрицательно оценивая характер современных преобразований.

Участникам массового опроса 1998 г. предлагалось также ответить на вопрос «Как Вы относитесь к частной собственности на землю?». Ответы в Кош-Агачском и Усть-Канском районах распределились следующим образом: положительно — 39 и 3,0%; отрицательно — 58 и 68%³. В целом преобладает отрицательное отноше-

¹Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Указ. соч. С. 88.

²Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Сельские локальные сообщества Горного Алтая: Современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск, 2002. С. 150.

³Там же. С. 146.

ние. Показательно при этом, что вопрос о купле-продаже земли здесь не акцентировался. Если бы выяснялось отношение к рыночному обороту земли, то, как показывают материалы наших обследований в Хакасии, Туве, Республике Алтай, а также обследования З.И. Калугиной в Новосибирской области, отрицательных мнений среди населения, наверняка, было бы еще больше — до 80%.

В итоге О.В. Нечипоренко и А.Н. Вольский делают вывод: «Наблюдаемый на данных нашего исследования поворот к натуральным формам хозяйствования представляет собой совершенно новый феномен, имеющий своим основанием не какие-то реликты прошлого, а напротив — *современные формы экономической модернизации* (курсив оригинала — Авт.) сельских локальных сообществ»¹.

Оригинальный «модерн» получился в результате рыночных «реформ» в Республике Алтай (да и не только в этом регионе)! Половина сельского населения отброшена на уровень крайней бедности, в докапиталистическую эпоху, выживает за счет своих огородов, сбора дикоросов, охоты и других форм экономики примитивного выживания. Какие же еще «формы модернизации» возможны при дальнейшем следовании этим курсом реформ?

По нашему мнению, происходящие в России экономические и социальные процессы ничего общего не имеют с модернизацией, а потому и соответствующие теории к ним неприменимы.

Коренные малочисленные народы Севера. Прежде чем проанализировать те исследования, в которых выяснялось мнение представителей народов Севера о влиянии рыночных реформ на развитие этих народов, отметим существующие позиции самих исследователей на проблему соотношения «рынок — традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера». Пожалуй, лишь В.А. Тишков считает, что подлинное возрождение малочисленных народов Севера может произойти путем энергичного использования современных форм хозяйствования, включая самостоятельное общинное предпринимательство и реализацию проектов по разработке природных ресурсов². Большинство же исследователей, отмечая негативное в целом влияние рынка на традиционное хозяйство аборигенов Севера, не фиксируют свое отношение к данной про-

¹ Там же. С. 69.

² Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 153.

блеме по существу, предлагая определенные меры по корректировке курса реформ. Эти меры, в свою очередь, сводятся в основном к государственному патернализму в новых условиях. Лишь немногие считают принципиально несовместимыми рынок и традиционное хозяйство северян — оленеводство, охоту, рыболовство.

Так, И.И. Поисев акцентирует внимание на том, что малочисленные народы Севера — «творцы и носители северной цивилизации, являющейся форпостом адаптационной культуры к самым неблагоприятным природно-климатическим условиям... предельно адаптированы к природной среде и представляют собой нерасторжимое с ней целое»¹. Они признают первичность природы и сознательно подчиняют свои интересы ее законам. В условиях рынка, «когда северные биологические ресурсы вовлекаются в сферу товарно-денежных отношений... они не выдерживают алчного человеческого натиска и начинают истощаться и деградировать. Настоящее время — период расцвета человеческой жадности, но честным трудом обогатиться очень проблематично, следовательно, основой обогащения служат природа и ее ресурсы»². Проблематичной считают возможность сохранения и развития традиционных отраслей при рыночной экономике также Е.П. Мартынова и Е.А. Пивнева, исследующие традиционное хозяйство обских угров в условиях рынка. Традиционное хозяйство нацелено на удовлетворение собственных потребностей, а не на получение прибыли, оно является комплексным, недифференцированным, здесь нет четкого разделения на рыболовство, оленеводство, охоту; рыночное же производство предполагает разделение труда, специализацию производителей. Различаются и системы землепользования в рыночной и традиционной экономике: первая базируется на частной собственности на землю; вторая — на коллективной (общинной) и лично-семейной формах пользования промысловыми и пастбищными угодьями (а не собственности на землю). Традиционная система хозяйствования «вписывается в природу», находится в равновесии с ней; рыночная система основывается на «покорении природы». Эти и другие соображения приводят авторов упомянутого исследования к выводу, что традиционное хозяйство не может стать рыночным, речь может

¹Поисев И.И. Рациональное использование биологических ресурсов Севера и возрождение малочисленных народов // Духовная культура народов Севера и Арктики в начале третьего тысячелетия. Якутск, 2002. С. 41–42.

²Там же.

идти только о поиске каких-то форм сосуществования. Одной из таких форм они считают факторию как интегральную снабженческо-сбытовую структуру¹.

Еще определеннее выводы по данной проблеме В.М. Курикова: «Рынок и традиционное природопользование — системы, не имеющие ничего общего. Рыночные формы традиционного природопользования — нелепость, попытка совместить несовместимое»². В основе этих выводов лежат примерно те же, что у И.И. Поисеева, Е.П. Мартыновой и Е.А. Пивневой, аргументы.

Как относятся к рыночным преобразованиям сами народы Севера? Немногочисленные социологические опросы, проведенные по отдельным проблемам в некоторых регионах в последние годы, дают следующую картину.

Н.Г. Хайруллина, анализируя результаты социологического опроса 1997 г. в Березовском, Белоярском, Кондинском и Октябрьском районах Ханты-Мансийского автономного округа, отмечает: «Опрашиваемые аборигенные жители не назвали ни одной стороны своей жизни, где бы позитивные перемены преобладали над негативными. Более того, степень неудовлетворенности условиями жизни за последние годы у них значительно повысилась»³.

По свидетельству других исследователей, наиболее острой проблемой в данном регионе и аборигены, и русские назвали безработицу (соответственно 61,3 и 52,3% ответов). Не менее актуальной, связанной с отсутствием рабочих мест, является проблема пьянства: ее отмечают свыше 50% и тех, и других. Далее следуют проблемы задержек в выплате зарплаты и загрязнения окружающей среды⁴.

В.В. Мархинин и И.В. Удалова, анализируя взаимоотношения традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса в Ханты-Мансийском АО, пришли к выводу, что состояние этих взаимоотношений «к настоящему времени является во многом неблагоприятным».

¹Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное хозяйство обских угров и рынок: Возможности сосуществования // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. С. 122–127.

²Куриков В.М. Природопользование и охрана северных территорий в условиях рынка. Томск, 1998. С. 3.

³Хайруллина Н.Г. Динамика социальных процессов на Тюменском Севере // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. С. 97.

⁴Корнильцева Е.Г., Лысенко В.В. Актуальные проблемы национально-смешанных поселений Обского Севера // Там же. С. 102.

ным»¹. Массовые социологические опросы и опросы экспертов, проведенные ими в 2000 г., показали, что лишь 13–18% аборигенов и русских рассматривают эти отношения как сотрудничество, в то время как 17–24% считают их конфликтными, а 43–48% — проблемными², в основном в силу отрицательных экологических последствий. Экспертный опрос в том же регионе подтвердил предположение исследователей, что эти проблемы во взаимоотношениях между нефтегазодобытчиками и аборигенами, ведущими традиционное хозяйство, отрицательно влияют на межнациональные отношения. Так считают 62,5% экспертов, причем половина из них полагает, что данный фактор ощущается не только в отдельных поселениях, но и на уровне всего округа³.

В ходе проведенного А.А. Южаковым опроса 64 оленеводов-кочевников Ямальской тундры «ни один из опрошенных не указал на существенное улучшение своего материального положения... у каждого четвертого оно ухудшилось. У 15% семей частных и у 18,5% семей работников совхоза денег не хватает даже на питание. Хотя к частному предпринимательству в целом отношение позитивное, но работать по найму у частного или организовать собственное дело готов только каждый третий респондент. Наиболее сложным является отношение к земельной реформе: на введение частной собственности на землю согласны четверть респондентов и около половины не определились в своем мнении; куплю-продажу земли не одобряет по различным причинам половина опрошенных»⁴.

Республика Саха (Якутия). Мониторинг общественного мнения по социально-экономическим проблемам, проведенный в этой республике в 1995–1997 гг., показал следующее. 44% населения отметили ухудшение своего личного материального положения по сравнению с началом 1990-х гг. Свыше половины (54%) считают, что «раньше государство заботилось о человеке гораздо больше». При этом русские более критично, чем якуты, оценивают экономическое положение и России в целом, и Республики Саха (Яку-

¹Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс (социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе). Новосибирск, 2002. С.143.

²Там же. С. 145.

³Там же. С. 159.

⁴Южаков А.А. Опыт социально-экономического обследования кочующих хозяйств Ямальской тундры // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. С. 123.

тия). Так, экономическое положение России оценили как плохое 49,5% русских и 44,5% якутов, а очень плохое — соответственно 25,6 и 24,8%. Среди проблем, которые больше всего беспокоят и русских, и якутов, выделяются рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости (85% ответов), безработица (85%), ухудшение состояния окружающей среды, здравоохранения (59%), рост преступности (41%)¹.

Как свидетельствуют результаты проведенного в 1999 г. в Республике Саха (Якутия) социологического опроса, свыше половины (54,5%) респондентов высказали сомнение в том, что «реформы даже в ближайшие 10 лет изменят нашу жизнь к лучшему», и лишь каждый восьмой (12,5%) заявил, что «страна движется в правильном направлении»².

Что касается оценки жизни коренных малочисленных народов Севера в Якутии, то на основе анализа их нынешнего социально-экономического положения исследователи пришли к следующему выводу: «Резкое сокращение численности работников традиционных отраслей произошло в ходе деструкции товарного производства. Возникшие мелкие предприятия различных форм собственности, родовые и семейные общины превратились в натуральные хозяйства. Сегодня нужно признать, что занятое в них население ведет нищенское существование... По существу, социально-экономическая сфера на аборигенных землях откатилась на сто лет назад»³.

Как говорится, комментарии излишни.

¹ *Этносоциальное* развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С. 201–202.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 172–173.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный на основе данных государственной статистики анализ результатов российских реформ 1991–2003 гг. показал, что в экономической, социальной, демографической сферах жизни этносов Сибири — русских, хакасов, тувинцев, алтайцев, бурят, эвенков — преобладали в целом негативные тенденции, особенно заметные на радикальном этапе рыночных преобразований (1991–1998 гг.).

Экономические реформы, нацеленные на разрушение государственной и коллективной форм собственности, тотальную приватизацию без учета региональной и этнической специфики хозяйствования, привели к разрыву существовавших между отраслями и регионами экономических связей, резкому спаду производства в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, к деградации отраслевой структуры экономики в регионах Сибири. Экономический потенциал национальных автономий Сибири — республик Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Эвенкийского автономного округа, — судя по динамике индексов физического объема продукции промышленности и сельского хозяйства, сократился к 1998 г. вдвое по сравнению с дореформенным 1990 г. В отраслевой структуре материального производства снизился удельный вес науко- и технокоемких отраслей, а также отраслей жизнеобеспечения — легкой, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов — и возрос удельный вес топливной отрасли, цветной металлургии — отраслей, ориентированных в основном на экспорт. Соответственно деградировала отраслевая и профессиональная структура занятости населения в направлении уменьшения в ней доли работников квалифицированного физического и умственного труда. Для аборигенов Сибири это означало уменьшение и без того узкой прослойки занятых в индустриальных отраслях производства и возврат высвободенных из этих отраслей работников в традиционные сельскохозяй-

ственные отрасли, сферу услуг или в выросшую армию безработных. Усилились различия между русским и аборигенным населением в профессионально-отраслевой структуре.

Традиционные отрасли занятости аборигенов Сибири — животноводство, охотничий промысел, рыболовство, также подвергшиеся тотальной деколлективизации и приватизации, в условиях разрушения системы сбыта продукции в значительной мере натурализовались. При этом произошел резкий спад поголовья овец, оленей и других животных. Не намного лучше обстоит дело с экономическими последствиями рыночных преобразований для хозяйства русского сельского населения Сибири. Фермерские и крестьянские хозяйства не смогли стать, как предполагалось идеологами реформ, альтернативой колхозам и совхозам ни в экономическом, ни в социальном плане. Налицо тенденция к формированию экономики примитивного выживания как основы существования аборигенного и русского сельского населения Сибири при резком (в несколько раз) спаде производства продукции сельского хозяйства (зерна, мяса, молока) в национальных автономиях Сибири по сравнению с показателями 1990 г. Тем самым снижается продовольственная безопасность не только сельского, но и городского населения Сибири.

Ввиду существенного спада производства в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве заметно уменьшались поступления в местные бюджеты. Многие регионы становились дотационными и зависимыми финансово и политически от федеральных властей.

Исследование показало, что реформы привели в Сибири к меньшей, нежели в отраслях материального производства, деформации отраслей нематериального производства — образования, здравоохранения, культуры. В ряде регионов удалось сохранить или даже расширить инфраструктуру этих отраслей, увеличить выпуск специалистов со средним специальным и высшим образованием и число специальностей в вузах и ссузах. Однако эти позитивные явления в сфере нематериального производства в значительной мере нивелируются негативными тенденциями деградации и сужения рынка труда в отраслях материального производства. После окончания специальных учебных заведений большинство юношей и девушек вынуждены устраиваться самостоятельно на работу не по профес-

сии, часть — в сферу услуг, переучиваться или пополнять армии безработных, временно работающих, «челноков», домохозяек, теряя при этом значительную часть своего образовательного потенциала. Относительная стабилизация численного состава работников образования, культуры, здравоохранения, имеющих самые низкие доходы по сравнению с работниками других отраслей (кроме сельского хозяйства), во многом определяется гуманистическими психологическими установками педагогов, врачей, работников культуры, а также более-менее устойчивым, хотя и невысоким, финансированием бюджетных отраслей.

Судя по данным государственной статистики, после дефолта 1998 г. имеет место некоторое оживление экономики в регионах Сибири. Наметился небольшой подъем в промышленном производстве, были урожайными 2001 и 2002 гг. в сельском хозяйстве, начинает увеличиваться поголовье овец, коров, оленей. Однако негативные последствия радикального этапа реформ в экономике настолько велики, что, согласно расчетам, даже при относительно высоких темпах экономического подъема через 7–10 лет вряд ли удастся выйти на уровень дореформенного 1990 г. Негативные тенденции продолжают доминировать как в экономической, так и в других сферах жизни народов Сибири, хотя темпы ухудшения ситуации снизились.

Причины этого оживления называются разные, но многие видные отечественные и зарубежные экономисты видят их не столько в правильности стратегии реформ в России, сколько в нынешней конъюнктуре мировых цен на нефть и газ (основные источники валютных поступлений в России). Последнее обстоятельство позволило осуществить некоторые меры государственного регулирования экономики, стабилизации денежных доходов и повышения платежеспособного спроса населения.

В социальной сфере за годы реформ произошел существенный спад уровня жизни народов Сибири и рост социальных аномалий. Каждый четвертый-пятый экономически активный житель Тувы и Бурятии — безработный. Реальная заработная плата тех, кто имеет работу, в национальных регионах Сибири в несколько раз ниже дореформенного уровня, особенно среди аборигенов, так как среди них преобладают сельские жители, а в структуре занятых — работники

сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры, т.е. отраслей, занимающих нижнюю часть шкалы средних зарплат занятых здесь работников.

Социальное положение населения осложняется задержками и неполнотой выплат зарплаты, пособий, ростом расходов на оплату жилья и коммунальных, транспортных, медицинских, образовательных услуг. В сырьедобывающих регионах (Тюменский Север, Якутия) загрязнение окружающей среды и социальное расслоение по уровню доходов между работниками нефтегазовой, алмазной, угольной промышленности (в основном это русское население) и традиционных отраслей сельского хозяйства (преимущественно аборигенное население) вызывает латентную межэтническую напряженность.

Свыше трети (а в отдельных регионах до двух третей) населения национальных автономий Сибири находится ниже черты бедности (прожиточного минимума), причем основным источником доходов многих семей являются пенсии и пособия, на которые существует значительная часть безработной молодежи, имеющей, как правило, среднее общее, специальное или высшее образование, но лишенной возможности работать по полученной специальности из-за отсутствия необходимых рабочих мест.

Формирование рыночной инфраструктуры и тонкого слоя частных собственников (фермеров, предпринимателей и др.) из числа аборигенов не оказывает существенного позитивного влияния на ход этносоциальных процессов. Скорее наоборот, социальное расслоение усугубляет их негативные аспекты.

В условиях экономического и социального кризиса усилились социальные аномалии — психические расстройства, суициды, алкоголизм, наркомания, преступность. В национальных автономиях Сибири уровень таких аномалий один из самых высоких в России. С 1990 гг. выросла молодежная и женская преступность, основной причиной чего послужили рост безработицы и бедности.

Безработица, бедность, стрессовые состояния психики, вызванные неуверенностью в будущем, привели к росту заболеваемости, в том числе алкоголизмом, туберкулезом, сифилисом, наркоманией. В национальных автономиях Сибири эти социально обусловленные болезни более распространены, чем в других ее регионах и Рос-

сии в целом. Особенно тревожное положение с ростом заболеваемости сифилисом и туберкулезом сложилось в Туве, Горном Алтае и Бурятии. Велико число случаев психических расстройств и самоубийств в Горном Алтае.

Ухудшилось качество здоровья как взрослых, так и детей. Выше общероссийской младенческая смертность, прежде всего в Туве и Горном Алтае. Резко снизился уровень рождаемости, хотя у аборигенов Сибири он пока выше, чем у русских. Уменьшается у них и естественный прирост населения. У русских с начала 1990-х гг. прогрессирует естественная убыль населения. В целом же для Сибири характерна депопуляция как русского, так и многих других этносов. У тех же народов, которые имеют пока естественный прирост населения (тувинцы, алтайцы), качество здоровья молодого поколения из-за болезней и бедности родителей остается, как и у других народов, весьма невысоким, что сказывается на низкой ожидаемой продолжительности жизни. В сознании определенной части людей снизилась ценность семьи и брака, возросли число разводов и внебрачная рождаемость.

Негативные тенденции в этнодемографических процессах обусловлены в основном экономическим кризисом, вызванным «шоковой терапией» на радикальном этапе рыночных реформ в России. Последствия этой «терапии» будет ощущать на себе не одно поколение народов Сибири и России.

Государственная статистика не фиксирует показатели культурного и политического развития (за исключением некоторых количественных характеристик в сфере культуры — числа клубов, библиотек и т.п.), поэтому мы лишены возможности опираться на статистические данные при анализе тенденций изменений в этих сферах. Однако эти тенденции можно оценить по имеющейся научной социологической и политологической литературе, а также по результатам проведенных нами экспертных опросов населения в национальных автономиях Сибири.

Несмотря на очевидно негативные в целом последствия, экономические, социальные и политические реформы в России продолжают. Что же является основой для легитимизации курса реформ? Политическая и научная элита страны, определяющая и под-

держивающая данный курс, обычно ссылается на волю населения, выражающуюся в итогах периодически проводимых выборов в законодательные и исполнительные органы власти, и в первую очередь выборов президента и депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Это, безусловно, важный механизм волеизъявления народа в отношении государственной политики и курса реформ, но он не может считаться единственно достоверным. Во-первых, в итоге выборов курс реформ легитимизируется, как известно, волей меньшинства населения; во-вторых, выбор депутатов или президента происходит во многом не на рациональной, а на эмоциональной основе («голосуй сердцем») и без рефлексии в отношении проводимых ими реформ. Поэтому более адекватную информацию дают массовые репрезентативные социологические опросы, а динамику отношения населения к проводимым реформам выявляет социологический мониторинг.

К сожалению, общероссийские мониторинги, осуществленные Всероссийским центром изучения общественного мнения и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, позволяющие изучать динамику отношения населения России ко многим аспектам проводимых реформ, не дают, как правило, оценок в этническом разрезе, так как в многонациональной России это невозможно сделать на исследуемых этими учреждениями общероссийских выборочных совокупностях в 1500–2500 чел. Подобного рода задача решается только выборочными специальными этносоциологическими обследованиями, к числу которых принадлежат проведенные нами в регионах Сибири.

Социальные последствия рыночных преобразований в экономической, социальной, политической и демографической сферах жизни своих народов — хакасов, тувинцев, алтайцев, бурят, эвенков — большинство экспертов из числа интеллигенции оценили как негативные, и лишь в социокультурной сфере были отмечены позитивные тенденции подъема этнического самосознания, усиления интереса аборигенов к своей традиционной культуре и верованиям, к овладению родным языком (хотя и не у всех народов). Таким образом, эксперты отметили некоторый прогресс в духовной сфере жизни аборигенов Сибири при заметном регрессе в материальных услови-

ях, что соответствует результатам реформ, фиксируемым показателями государственной статистики. Тенденции развития социально-политической сферы характеризуются экспертами в целом как регрессивные, за исключением межнациональных отношений, которые воспринимаются как относительно устойчивые. За годы реформ усилилось отчуждение между населением и властью, снизилась возможность людей влиять на политику органов государственного управления и местного самоуправления. Реформы, по оценкам экспертов, не привели к декларируемому расширению свобод и демократизации общества, к росту политической активности граждан. Снизилась в пореформенный период степень уверенности людей в благоприятном будущем своих народов.

В качестве наиболее острых современных социальных проблем своих этносов эксперты отметили пьянство и алкоголизм, назвав в качестве их причин разрушение экономической и социальной основ жизни народов, снижение уровня жизни, рост безработицы, упадок традиционных отраслей сельского и промышленного хозяйства. Соответственно в качестве первоочередных мер по развитию своих этносов эксперты выделили подъем экономики и уменьшение безработицы, сохранение и развитие национальных сел как основы жизнеобеспечения, культуры и демографического воспроизводства этносов. При этом свыше двух третей экспертов из числа интеллигенции народов Сибири отрицательно относятся к идее купли-продажи пахотных земель и промысловых угодий.

В ходе экспертного опроса высказаны конкретные предложения по решению актуальных проблем, касающихся расширения функций языков аборигенов Сибири и овладения молодежью родными языками и русским языком, развития местного самоуправления и др. Большинство (свыше двух третей) экспертов-интеллигентов выбирает в качестве наиболее перспективной такую модель этносоциального развития, в рамках которой обеспечивается сочетание традиционных занятий и традиционной культуры с современной промышленностью и бизнесом, и лишь менее 20% являются сторонниками чисто традиционалистской идеи. Еще меньше среди интеллигенции сторонников радикал-модернистских взглядов на пути развития своих народов.

В целом можно сделать вывод, что интеллигенция народов Сибири вполне адекватно и в основном негативно оценивает результаты рыночных реформ и ее оценки коррелируют с тенденциями изменения показателей в экономической, социальной, демографической сферах жизни народов, фиксируемыми государственной статистикой.

Массовое репрезентативное обследование в Республике Хакасия, проведенное в 2002 г., показало, что взгляды интеллигенции на итоги рыночных реформ разделяются большинством всего населения — и хакасского, и русского. Крайне отрицательно относятся и русские, и хакасы к сущностным феноменам рыночных реформ — купле-продаже земли, продаже акций российских предприятий иностранному капиталу, приватизации заводов и фабрик, социальному расслоению, безработице, платным услугам в здравоохранении и образовании, появлению богатых людей в органах власти. Аналогично экспертам-интеллигентам (и даже более жестко) оценивается, в целом негативно, большинство тенденций в экономической, социальной, политической, демографической сферах жизни за годы реформ. Отрицательно относится большинство русского и хакасского населения к таким «новациям», порожденным рынком, как брак по расчету, сексуальные аномалии, многоженство.

Большая степень сходства систем ценностей русского и хакасского этносов, их отношения к рыночным трансформациям подтверждена и анализом цивилизационных дихотомий. И хакасы, и русские отдают предпочтение коллективистским началам жизни перед индивидуалистическими, общественному порядку — перед личной свободой, постоянству в жизни — перед переменами, моральным ценностям — перед правовыми, государственному патернализму — перед личной инициативой, государственному регулированию рынка — перед свободной конкуренцией, не отрицая рынок как таковой, но не приемля его вестернизированных вариантов.

Таким образом, в менталитетах русских (славян) и хакасов (тюрок) наличествуют общие и типичные для российской евразийской цивилизации черты, весьма устойчивые, несмотря на все «шоковые терапии» и другие рыночные трансформации, проводимые в России в духе вестернизации.

Судя по исследованиям других авторов, в которых имеются данные о тех или иных аспектах рыночных реформ в Сибири и в России в целом, сходное, в основном негативное, отношение к итогам этих реформ высказывают и другие этносы Сибири.

Следовательно, радикал-либеральный курс рыночных преобразований и его экономические и социальные последствия не одобряются народами Сибири, так как они противоречат этническим и цивилизационным составляющим менталитетов этих народов. Все это требует коррекции курса реформ на основе усиления роли государственного регулирования, учета этнической специфики, этнических традиций и евразийской цивилизационной сущности российского общества как синтеза славянской, тюрко-монгольской и арктической (северной) субцивилизаций, а не очередных радикал-либеральных потрясений с целью окончательного слома «цивилизационного кода» россиян, переделки их менталитета.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава 1. ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ СИБИРИ</i>	8
1. Тенденции развития экономических процессов	9
2. Изменения в социальном положении населения	21
3. Динамика демографических показателей	29
<i>Глава 2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ О РЕФОРМАХ</i>	42
1. Результаты реформ в оценках интеллигенции	42
2. Реформы в оценках всего населения (на примере Хакасии)	81
3. Оценка реформ: Россия, другие регионы Сибири	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	118

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2003 год

Научное издание
Монография

Попков Юрий Владимирович
Костюк Всеволод Григорьевич
Тугужекова Валентина Николаевна

**ЭТНОСЫ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ
(социологическая экспертиза)**

Редактор и корректор *В.В. Игнатьева*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чувовой*

Подписано к печати 29.12.2003. Формат бумаги 60×84 $\frac{1}{16}$.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman CYR.
Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 0113.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве ООО “Нонпарель”.
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1.
Отпечатано в типографии ООО “Нонпарель”.
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1.